

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ

61

ШМК

К13 (4)

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

ИИМК Д.Н. Поляс

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ

61

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1956

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Ответственный редактор — *А. Д. Удальцов*
Зам. ответственного редактора — *Т. С. Пассек*

Члены редколлегии:

А. В. Арциховский, С. Н. Бибилов, М. П. Грязнов, Л. А. Евтюхова,
А. Ф. Медведев (отв. секретарь), Г. Б. Федоров

Настоящий выпуск «Кратких сообщений» ИИМК посвящен памяти выдающегося советского востоковеда, историка и археолога члена-корреспондента Академии наук СССР, действительного члена Академии наук Таджикской ССР, лауреата Сталинской премии Александра Юрьевича Якубовского в связи с годовщиной со дня его смерти. Помещенные в сборнике статьи и публикации по своей тематике связаны главным образом с различными проблемами истории и истории материальной культуры Средней Азии, разработке которых А. Ю. Якубовский уделял особенно большое внимание. В сборник вошли статьи научных работников Москвы, Ленинграда и ряда республик Средней Азии. Некролог, составленный А. М. Беленицким и М. М. Дьяконовым, и подробный список печатных трудов А. Ю. Якубовского были опубликованы в 51 выпуске «Кратких сообщений» ИИМК в 1953 г.

Редакция

АЛЕКСАНДР ЮРЬЕВИЧ ЯКУБОВСКИЙ
(1886—1953)

I. СТАТЬИ И ДОКЛАДЫ

ПАМЯТИ

АЛЕКСАНДРА ЮРЬЕВИЧА ЯКУБОВСКОГО

Прошел год со дня кончины нашего учителя и товарища Александра Юрьевича Якубовского¹. Мы остро чувствуем эту утрату, остро будем чувствовать ее и впредь. Не было такого дня, когда бы мы не вспоминали Александра Юрьевича по тому или иному поводу. Обсуждая большие и сложные проблемы нашей науки, мы вспоминаем его как ученого, всегда проявлявшего большой интерес к общетеоретическим вопросам, к вопросам марксистско-ленинской теории.

Александр Юрьевич как бы присутствовал среди нас на прошедшем в феврале 1954 г. ташкентском совещании историков Средней Азии и Казахстана. Его имя упоминалось многими выступавшими, работы цитировались неоднократно, влияние его мыслей и научных построений сказывалось при решении многих важных проблем, стоявших перед совещанием. И сколько раз, находясь там, на совещании в Ташкенте, мы пожалели о том, что Александра Юрьевича нет с нами, что мы не можем услышать его живого голоса и должны обращаться только к его работам. Александр Юрьевич всегда искал нового, не останавливаясь на достигнутом. Все мы знаем, как, например, изменились и углубились за последние годы его взгляды на вопросы периодизации истории Средней Азии.

Хотя Александр Юрьевич занимался преимущественно эпохой феодализма, ему никогда не были чужды вопросы новой и новейшей истории. Мы помним его глубокие и меткие замечания по поводу оценки восстания в Андижане в 1898 г. В то время, когда многие наши историки еще продолжали рассматривать это восстание как прогрессивное, Александр Юрьевич видел в нем проявление реакционных тенденций.

Только сейчас мы начинаем понимать по-настоящему, как многогранна была деятельность Александра Юрьевича; нет такой отрасли исторической востоковедческой науки, в которой не чувствовалось бы сейчас его отсутствие.

Одна за другой еще продолжают выходить работы Александра Юрьевича. Это создает у нас чувство, что он попрежнему с нами, что он участвует попрежнему в жизни нашей науки.

Вышедший в конце 1953 г. II том Трудов Таджикской археологической экспедиции подготовлен к печати Александром Юрьевичем и открывается большой его статьей, подводящей итоги работ экспедиции за 1949—1951 гг.

В книге очерков по истории СССР, изданной Институтом истории, мы читаем главы, посвященные истории народов Средней Азии, написанные

¹ Выступление М. М. Дьяконова на заседании в Государственном Эрмитаже 20 марта 1954 г., посвященном годовщине со дня смерти А. Ю. Якубовского.

Александром Юрьевичем, но которые ему уже не суждено было увидеть напечатанными. Скоро выйдет книга о живописи древнего Пянджикента — любимого объекта исследования Александра Юрьевича в последние годы жизни. И эта книга также открывается его статьей¹.

Идет большая работа над подготовкой первых томов «Всемирной истории». И в этом большом деле Александр Юрьевич принимал участие и как автор, и как редактор III тома. Коллектив, работающий над «Всемирной историей», сожалеет о том, что на последнем, важнейшем этапе работы над этим изданием Александра Юрьевича не будет вместе со всеми.

Интерес к археологии Александр Юрьевич проявлял уже давно. В первые годы широкого масштаба археологических работ в Средней Азии он был активным участником их, организатором больших археологических экспедиций. Он обладал исключительной способностью угадывать важность того или иного памятника древности и даже целого района. Так, он настаивал на изучении Пайкенда, он первый в полной мере оценил значение изучения Пянджикента, исследования которого неразрывно связаны теперь с именем Александра Юрьевича. И это была, разумеется, не просто интуиция, а предвидение, основанное на большом научном опыте, на превосходном знании Средней Азии, на долголетнем изучении этого замечательного края.

В тяжелые годы войны Александр Юрьевич не оставлял занятий археологией. Его научно-организаторская работа в значительной мере способствовала проведению В. Ф. Гайдукевичем раскопок на строительстве Фархадской электростанции. Но, конечно, наибольшим достижением Александра Юрьевича в области археологии была организация Таджикской археологической экспедиции (ТАЭ) — создание работоспособного коллектива, который продолжает сейчас и будет продолжать археологические работы в Таджикистане.

Коллектив ТАЭ идет по пути, намеченному Александром Юрьевичем; он дал основные направления работе на много лет вперед, поставил основные задачи, которые мы и будем решать в ближайшие годы. Он всегда умел вдохновить коллектив большими идеями, подчинить повседневную кропотливую работу крупным научным задачам. Мы вспоминаем Александра Юрьевича на раскопках городища, его воодушевление, когда находили новые росписи, открывали пригородные дома, мастерские ремесленников. Как часто теперь не хватает нам Александра Юрьевича, чтобы спросить его мнение по тому или другому вопросу, посоветоваться с ним, выслушать его гипотезу...

Александр Юрьевич не прекращал научной работы и в полевых условиях. В Пянджикенте он написал немало научных статей.

Вспоминая многогранную научную деятельность Александра Юрьевича, никак нельзя забыть о его работе в Государственном Эрмитаже.

Все мы знаем, что действующая сейчас выставка культуры и искусства народов Средней Азии в значительной мере была создана его трудами. Первая выставка отдела Востока открылась в начале 30-х годов. Если вспомнить ту выставку, то, конечно, сейчас она во многом нас не удовлетворила бы. Но она отражала тогдашнее состояние нашей науки и была первой попыткой дать не вещеведческую, а научную музейную экспозицию. В создании этой первой выставки, наряду с И. А. Орбели, главную роль играл Александр Юрьевич. С тех пор до последних дней жизни он активно участвовал в организации научно-просветительной работы. Широкое образование и разнообразные интересы давали ему возможность быть полезным и в работе других разделов Эрмитажа, не имевших прямого отношения к его специальности.

¹ А. Ю. Якубовский. Вопросы изучения пянджикентской живописи. Сб. «Живопись древнего Пянджикента», М., 1954.

Нельзя не отметить одну особенность Александра Юрьевича — его замечательное педагогическое дарование. Как и у любого другого из наших крупных ученых, у него было много учеников. Александр Юрьевич начал свою трудовую деятельность преподавателем средней школы. И посейчас десятки людей вспоминают его увлекательные уроки, хотя с тех пор, как он оставил преподавание в средней школе, прошло уже больше 30 лет. Ученики его с благодарностью вспоминают своего учителя истории, который немало сделал для формирования их характера, их жизненных интересов.

Все этапы педагогической деятельности прошел Александр Юрьевич. После средней школы — рабфак. Он любил работу с рабфаковцами, не раз говаривал, что занятия с ними много дают ему самому; он вплотную встретился там с рабочей молодежью, жадно тянувшейся к знанию.

А затем — работа в высших учебных заведениях. Александр Юрьевич относился к той категории преподавателей, которые учат не только и, может быть, не столько на своих лекциях, но в живом общении с учениками.

И, наконец, работа с аспирантами, с начинающими научными работниками. Сколько их прошло через руки Александра Юрьевича! Сколько молодых и не очень молодых кандидатов наук обязано ему своими диссертациями! Сколько научных работников обязано ему еще бóльшим — своим научным мировоззрением, научной специализацией, тем, что они работают в науке!

Особенной заслугой Александра Юрьевича была подготовка национальных кадров. Среди его учеников были татары, киргизы, казахи, туркмены, азербайджанцы, но особенно много узбеков и таджиков.

Он отдавал все свои силы, все знания ученикам; не считался ни со временем, ни со своими силами; внимательно обдумывал с ними темы, дарил выношенные им идеи по прекрасному завету Шота Руставели:

Что отдашь — твое навеки,
То, что спрячешь, — пропадет.

За то и любили его ученики!

Александр Юрьевич умер в расцвете сил. Он мог бы еще долго работать вместе с нами. Но нужно сказать, что он прожил счастливую жизнь, хотя бы уже потому, что столько молодых людей вывел на широкую дорогу науки, привил им интерес и любовь к знанию.

Александр Юрьевич был человеком в полном и лучшем значении слова, любившим нашу страну, нашу молодежь, ненавидевшим все, что мешает нашему движению вперед, подлинным советским человеком, советским ученым.

М. П. ГРЯЗНОВ

СЕВЕРНЫЙ КАЗАХСТАН В ЭПОХУ РАННИХ КОЧЕВНИКОВ

Наши сведения об одном из наиболее ярких периодов в истории древних племен и народов нашей страны — эпохе ранних кочевников — на территории Казахстана крайне ограничены. Памятники этого времени известны лишь по немногим находкам отдельных предметов и по совершенно случайным раскопкам нескольких погребений.

Отсутствие в археологической литературе и вообще в нашем распоряжении достаточных сведений о памятниках эпохи ранних кочевников в Казахстане приводило к неправильным заключениям о несамостоятельности культуры его обитателей в скифское время или даже о его незаселенности. Б. Н. Граков в 1930 г. писал о Казахстане, на основании имевшихся тогда материалов, как о месте стыка скифской, ананьинской и минусинской культур¹. С. И. Руденко в 1944 г. называл Казахстан «средиземным морем», служившим лишь пустынным местом, по которому проходили линии коммуникаций между областями, где жизнь была ключом, — между Скифией, Алтаем и Ираном². Чаще же исследователи вынуждены были вообще молчать о Казахстане этого времени. Так, например, С. В. Киселев в 1951 г., тщательно прослеживая для каждого периода культурные связи племен Южной Сибири и Казахстана с отдаленными племенами и народами и используя все возможности, чтобы судить, хотя бы в самых общих чертах, об исторических судьбах каждого отдельного района, — о Северном Казахстане ничего не смог сказать³.

И все же те немногие, отрывочные материалы, которыми мы сейчас располагаем, позволяют сделать некоторые заключения о характере культуры племен Северного Казахстана в эпоху ранних кочевников, о месте, которое они занимали в истории степных кочевых племен скифского времени.

Прежде всего следует рассмотреть некоторые могильные памятники — так называемые «курганы с усами», известные в районе Кокчетавских и Каркаралинских гор и далее на юг до нижнего течения р. Чу (как сообщил об этом А. Н. Бернштам). Характерной особенностью этих памятников являются каменные выкладки в виде двух длинных полос, тянувшихся от кургана по направлению к востоку. Полосы выложены в один ряд камней

¹ Б. Граков. Ближайшие задачи археологического изучения Казахстана. Кзыл-Орда, 1930, стр. 13.

² С. И. Руденко. Скифская проблема и алтайские находки. Изв. АН СССР, серия ист. и филос., 1944, № 6.

³ С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М., 1951.

шириной обычно около метра и оканчиваются расширением в виде круга диаметром около 4 м (рис. 1)¹. Иногда круглые расширения выложены через равные промежутки по всей длине каменной полосы.

В 1933 г. один такой курган исследован М. И. Артамоновым на р. Чурубай Нура в урочище Дындыбай (рис. 1—5). Под каменной насыпью диаметром 7,5 м и высотой 0,3 м оказался тонкий сажистый слой, под ним — красноватая земля со следами огня, а ниже — нетронутый грунт². Им же раскопан расположенный по соседству другой курган с каменной насыпью диаметром 10 м и высотой 0,5 м, не имевший выкладок, как предыдущий, но, вероятно, одновременный ему. Под насыпью находилась могила, устроенная в подбое на глубине 1,6 м. Вход в нее был заложен камнями. В могиле

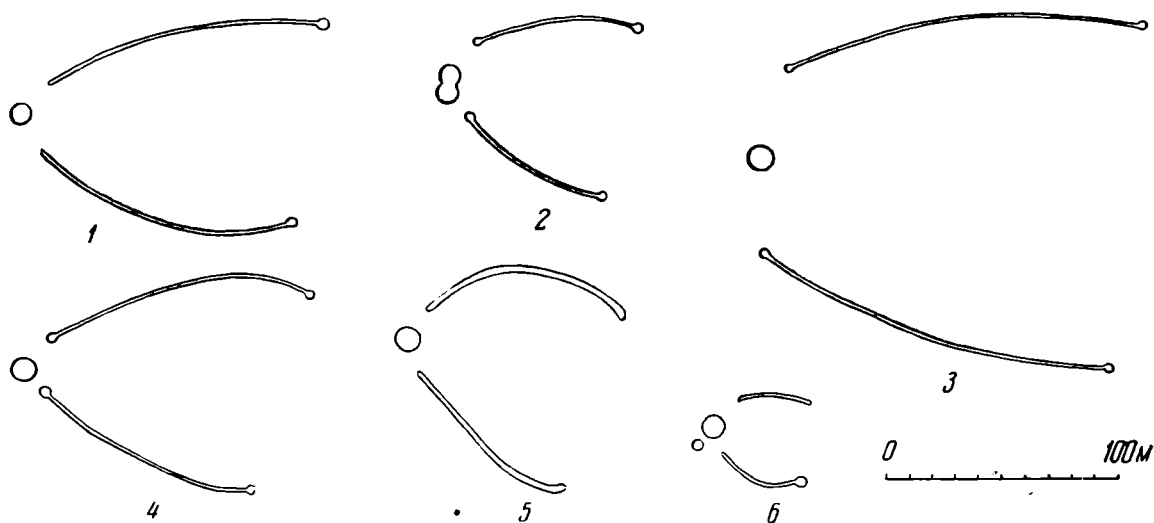

Рис. 1. Схематические планы „курганов с усами“.

1 — близ с. Алексеевка; 2 — на берегу оз. Б. Чебачье; 3 — на берегу оз. Куртукуль; 4 — в сопках Джаман Куянды; 5 — в урочище Дындыбай; 6 — в Кой-Сайгане.

лежал скелет мужчины, на спине, в вытянутом положении, головой на северо-запад. Вещей при нем не оказалось. Череп пробит чеканом, оставившим после удара круглое отверстие в затылочной кости³. Так как боевые чеканы с круглым сечением ударного стержня известны в Сибири только по памятникам времени ранних кочевников, то, очевидно, этим периодом следует определять и погребение. Можно предполагать, что вся группа каменных курганов в Дындыбае также относится ко времени ранних кочевников.

Более интересны раскопки Б. Н. Жданова. В 1930 г. он исследовал два кургана на берегу Б. Чебачьего озера⁴. Они расположены рядом вплотную так, что насыпи сливаются. К востоку от них выложены каменные полосы протяжением на 90 м (рис. 1—2). В северном кургане диаметром 9 м могилы не оказалось. Под насыпью на поверхности почвы обнаружены лишь нижняя часть плоскодонного глиняного сосуда, черепок другого сосуда и лошадиные зуб и бабки. В южном кургане диаметром 8 м, высотой 0,5 м, под насыпью вскрыта могильная яма размерами 1,8 × 0,65 м, глубиной 0,5 м, покрытая крупными плитами. На дне ее — скелет женщины, на спине,

¹ Планы курганов из района курорта Боровое на Б. Чебачьем озере и на оз. Куртукуль заимствованы мною из дневника Б. Н. Жданова в ГМЭ, курганов из района Акмолинска в Кой-Сайгане (в 6 км от с. Софиевка), в сопках Джаман Куянды и близ с. Алексеевка — из отчета Л. Ф. Семенова в архиве ИИМК.

² Археологические работы Академии Наук СССР на новостройках в 1932—1933 гг., II, ИГАИМК, вып. 110, 1935, стр. 49 (курган № 9).

³ Там же, стр. 51 и рис. 41—4.

⁴ Отчет о раскопках Б. Н. Жданова хранится в ГМЭ, коллекция — в Государственном Эрмитаже.

в вытянутом положении. Часть могилы от места, где находились тазовые кости, и до ступней ног костяка разрушена грабителями. У черепа с обеих сторон лежало по золотой проволочной серьге с изумрудной бусиной (рис. 2—1, 3)¹; в области шеи и груди находились бусы — более крупная бирюзовая, белые аргиллитовые и одна из красного камня; под правым локтевым сочленением — бронзовое зеркало (рис. 2—4) с остатками ткани; в области поясицы — аргиллитовая застёжка (рис. 2—2).

Наиболее интересно зеркало — круглый гладкий диск диаметром 15 см, с высоким бортиком по краю и широкой петлей посередине. Такие зеркала характерны для раннескифского времени, не позднее V в. до н. э.

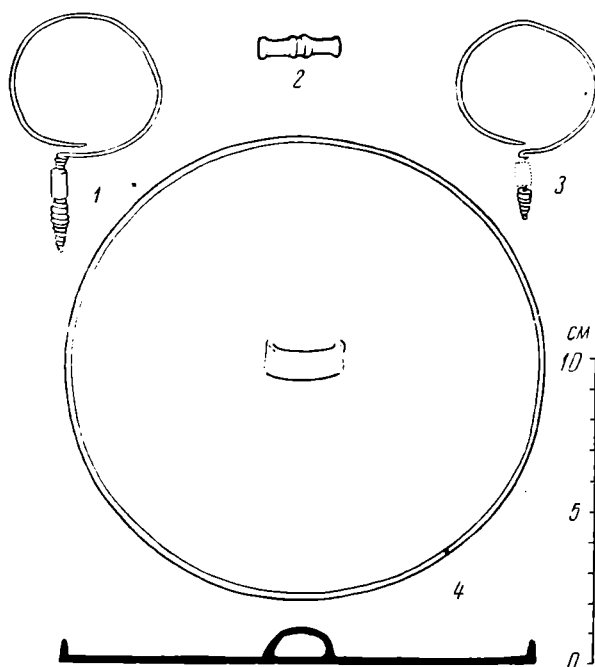

Рис. 2. Вещи из кургана на берегу оз. Б. Чебачье.

1, 3 — золотые серьги с изумрудной бусиной; 2 — аргиллитовая застёжка; 4 — бронзовое зеркало.

«Курган с усами» на оз. Куртукуль (рис. 1—3), незадолго до осмотра его Б. Н. Ждановым, был разрыт. По словам «старателей», в нем найдено «порядочно» золота и «медное зеркало». «Это сообщение было высказано до моего рассказа о Чебачинской раскопке», — пишет в дневнике Жданов.

Имеющиеся, таким образом, скудные данные позволяют все же констатировать, что в Казахстане распространены курганы своеобразного устройства, а это обычно бывает связано с областью распространения своеобразной культуры, следовательно, и особой этнической группы. Если не все, то какая-то часть этих курганов относится к раннескифскому времени, и, по всей вероятности, сооружались они только на могилах представителей родоплеменной знати. Курганы не образуют могильников, а расположены обычно поодиночке; количество их относительно невелико.

Некоторые категории случайно найденных отдельных предметов также весьма интересны, отметим, например, серию бронзовых кинжалов скифского времени, обнаруженных в Северном Казахстане и сопредельных с ним районах. Кинжалы происходят из следующих пунктов:

¹ Эти серьги по какому-то недоразумению ошибочно опубликованы А. Н. Бернштамом как происходящие из богатого погребения IV—V вв. н. э. у оз. Борового (А. Н. Бернштам. Находки у оз. Борового в Казахстане. Сб. МАЭ, XIII, 1951, стр. 221 и рис. 9, 6).

1. Село Песчаное близ Павлодара (рис. 3—1)¹. Найден в 1949 г. на берегу оз. Обьездного при рытье силосной ямы на кургане. Хранится в Павлодарском музее.

2. Село Маринское близ г. Кокчетова (рис. 3—2). Омский музей (по зарисовке В. П. Левашевой). Найден вместе с бронзовым зеркалом, снабженным петелькой, прикрепленной к основанию длинной ручки (рис. 3—8). Два таких зеркала с петелькой на боковой ручке найдены в погребениях времени ранних кочевников в Восточном Казахстане, одно — близ дер. Вавилонки², другое — в курганном могильнике Кулажурга I³.

3. Река Чидерты, по левому берегу р. Иртыша, в 15 км от г. Павлодара (рис. 3—3). Найден в «калмыцкой могиле» при разрушившемся костяке (МАЭ, коллекция Белослюдовых).

4. Близ г. Змеиногорска (рис. 3—4). Найден в кургане. Кинжал был вложен в деревянные ножны (ГИМ)⁴.

5. Барнаульский округ (рис. 3—5). Находка хранится в музее Томского университета⁵.

6. Дер. Вавилонка на р. Убе, в 110 км к востоку от г. Семипалатинска (рис. 3—6). Найден в яру на глубине 2 м, в костяных ножнах, вместе с бронзовым ножом (по рисунку, доставленному С. С. Черниковым).

7. Колхоз Кызыл-ту близ г. Актюбинска (рис. 3—7). Найден в обрыве р. Каргалы в 1948 г.; хранится в Актюбинском музее (по зарисовке А. А. Формозова).

8. Прииск Степняк. Найден при промывке древних отвалов переработанной золотоносной породы⁶.

Перечисленные кинжалы, несмотря на кажущееся на первый взгляд разнообразие форм, объединяются рядом общих для них признаков, не свойственных бронзовым кинжалам из других районов. Это — широкое перекрестие криволинейных очертаний и относительно широкая рукоять, иногда с волнистым краем; своеобразное строение навершия в виде сплюснутой грибовидной или крышевидной шляпки и, наконец, совершенно своеобразный орнамент на рукоятках двух кинжалов, состоящий из рядов волют в виде так называемой бегущей волны. Такой орнамент в Казахстане известен еще с эпохи бронзы. Узор из пары волют применялся для украшения мелких проволочных изделий, относимых к андроновской культуре⁷. Ряды волют в виде бегущей волны, исполненные в прямоугольной геометрической технике, представляют собой характерный мотив орнамента на глиняных сосудах андроновской и отчасти карасукской культуры⁸. В эпоху ранних кочевников такой мотив, переведенный в криволинейную технику, в той форме, как это представлено на рассматриваемых кинжалах, широко применялся на Алтае при украшении деревянных, кожаных и войлочных изделий⁹. Надо полагать, что и в Казахстане в скифское время подобные

¹ По рисунку, доставленному С. С. Черниковым.

² С. В. Киселев. Алтай в скифское время. ВДИ, 1947, № 2, рис. 9, стр. 169.

³ С. С. Черников. Отчет о работах Восточноказахстанской экспедиции 1948 г. Изв. АН Казахской ССР, № 108, 1951, табл. VIII.

⁴ Ср. I. R. Aspelin. Antiquités du Nord Finno-Ougrien. Helsingfors, 1877—1884, рис. 170.

⁵ [М. В. Флоринский]. Археологический музей Томского университета (каталог). Томск, 1888, стр. 62, № 1210.

⁶ С. С. Черников. К вопросу о составе древних бронз Казахстана. СА, XV, 1951, рис. 2, 1.

⁷ О. А. Кривцова-Гракова. Алексеевское поселение и могильник. Труды ГИМ, XVII, 1948, рис. 37 и 40; М. П. Грязнов. Погребения бронзовой эпохи в Западном Казахстане. Сб. «Казаки», II, Л., 1927, рис. 24, 20.

⁸ См., например, М. П. Грязнов. Указ. соч., рис. 21, 3 и 22, 7.

⁹ М. П. Грязнов. Первый Пазырыкский курган. Л., 1950, стр. 73 и рис. 29.

орнаменты в основном были распространены для украшения не металлических изделий, а шитых из мягких материалов.

Восьми кинжалов, найденных в разных местах огромной территории североказахстанских степей, еще недостаточно, чтобы дать четкую характеристику форм бронзовых кинжалов Казахстана, а тем более определить.

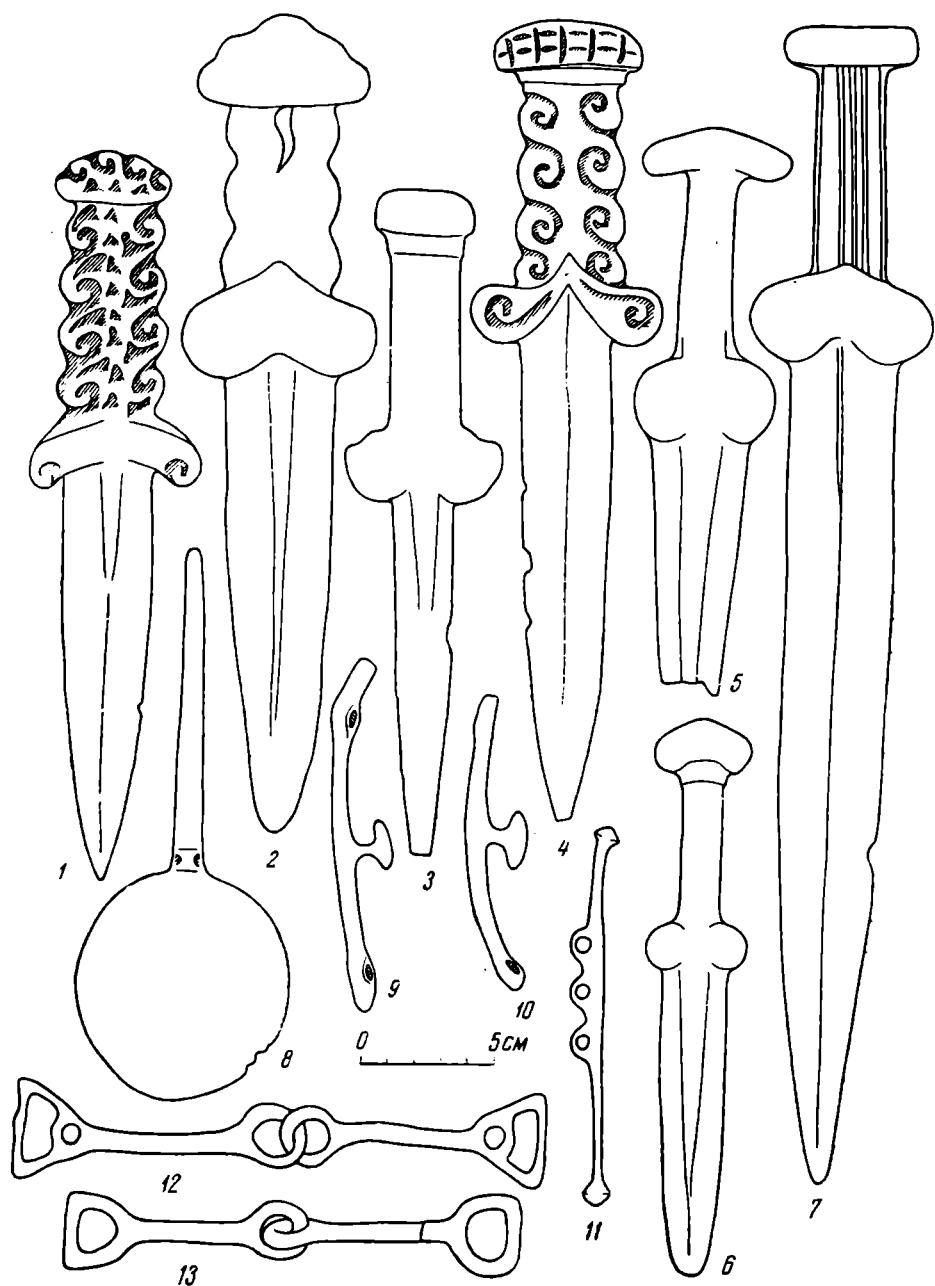

Рис. 3. Бронзовые вещи из случайных находок.

1—7 — кинжалы; 8 — зеркало; 9—11 — псалви; 12, 13 — удмла.

границы их распространения. Тем не менее и эти, немногие пока, находки свидетельствуют о наличии у населения Северного Казахстана особых вкусов к внешнему оформлению бронзового оружия и служат еще одним указанием на своеобразие культуры североказахстанских племен в эпоху ранних кочевников.

При этом интересно, что ближайшие аналогии кинжалам Казахстана находятся не на Енисее или в Скифии, где бы их прежде всего следовало ожидать, а на Каме и в Узбекистане. Оба бронзовых кинжала периода ананьин-

ской культуры (из Ананьинского и Котловского могильников) и случайно найденный на Большом Ташкентском канале по форме навершия и перекрестия, а также по общему характеру орнаментации, при всем своем своеобразии, очень близки к казахстанским¹.

Из других предметов можно отметить происходящие из района г. Омска и, возможно, северной части Акмолинской области и хранящиеся в Омском музее бронзовые удила и псалии раннескифского времени. Из двух пар удил одна найдена на левом берегу Иртыша близ ст. Москаленки (рис. 3—13), другая — на правом берегу близ г. Омска (рис. 3—12). Первая пара по конструкции принадлежит к типу, широко распространенному от Днестра до Енисея, но по конфигурации внешнего кольца довольно своеобразна. Вторая пара относится к типу удил с дополнительным маленьким отверстием во внешнем кольце, известному только на Енисее². Место находки трех экземпляров псалиев не установлено, но так как все бронзовые изделия из коллекций Омского музея, местонахождение которых известно, происходят из района г. Омска и северной части Акмолинской области и частью из степей Минусинской котловины, то надо думать, что псалии эти происходят из пределов первых двух районов. На Енисее среди многих десятков находок псалиев таких форм нет. Наиболее интересны два псалия с крючком посредине для соединения с удилами и двумя сквозными отверстиями по бокам для соединения с ремнями оголовья (рис. 3—9, 10). Такие псалии известны пока только в Восточном Казахстане, по западным предгорьям Алтая³. Псалий с тремя круглыми петельками сбоку (рис. 3—11) — пока единственная находка в Северной Азии, но подобная форма псалиев широко распространена в Причерноморье. К сожалению, крайне малочисленные находки удил и псалиев могут свидетельствовать лишь о наличии в Северном Казахстане, наряду с формами узды, характерными для западных или восточных по отношению к нему областей, и такой формы, которая была распространена только в пределах Казахстана, — узды с удилами, надевавшимися на крючок псалия.

Наконец, весьма выразительны и немногие находки памятников изобразительного искусства, выполненные в так называемом зверином стиле.

Особо интересен хранящийся в Эрмитаже бронзовый чекан, украшенный скульптурным изображением горного барана, найденный на оз. Боровое (рис. 4—1). Первое впечатление, что эта вещь — южносибирского происхождения, типичное произведение минусинского или алтайского художественного бронзового литья. Однако среди многих десятков известных нам на Алтае и Енисее бронзовых чеканов (если не считать погребальные миниатюры в коллективных погребениях) нет ни одного с такой короткой втулкой, почти равной по длине поперечнику ударного стержня, а среди десятков изображений горного барана и козла нет ни одного с рогами, развернутыми по объемной спирали, как у барана на чекане с оз. Борового, — спираль рога всегда дается в одной плоскости. Таким образом, сходный в общих чертах с енисейскими и алтайскими бронзовый чекан с оз. Борового отличается от них отдельными деталями формы самого предмета и некоторыми приемами исполнения фигуры зверя, являясь, несомненно, местным изделием.

Где-то в районе г. Актюбинска найдена бронзовая бляха с барельефной фигурой верблюда (рис. 4—4)⁴. Вещь по стилю вполне сибирская, но

¹ А. В. Збруева. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху. МИА, № 30, 1952, табл. XXI, 1—3.

² Ср. В. В. Радлов. Сибирские древности. МАР, № 15, 1894, табл. XX, XXI.

³ М. П. Грязнов. Памятники майэмирского этапа эпохи ранних кочевников на Алтае. КСИИМК, XVIII, 1947, рис. 3.

⁴ Рисунок воспроизвожу по фотографии, присланной местным жителем в 1928 г. С. А. Теплоухову.

среди многих десятков бронзовых и золотых блях подобного стиля, среди множества найденных на Енисее и Алтае всевозможных изображений животных только один раз встречено изображение верблюда. В минусинских степях обнаружена бронзовая бляха с фигурой всадника на верблюде¹. Однако в степях Приуралья и Поволжья известны три такие находки. В кургане, раскопанном при постройке железной дороги на 32-й версте к востоку от г. Челябинска, встречена бляха со сценой борьбы тигра и верблюда². Ажурная бронзовая бляха с изображением верблюда обнаружена

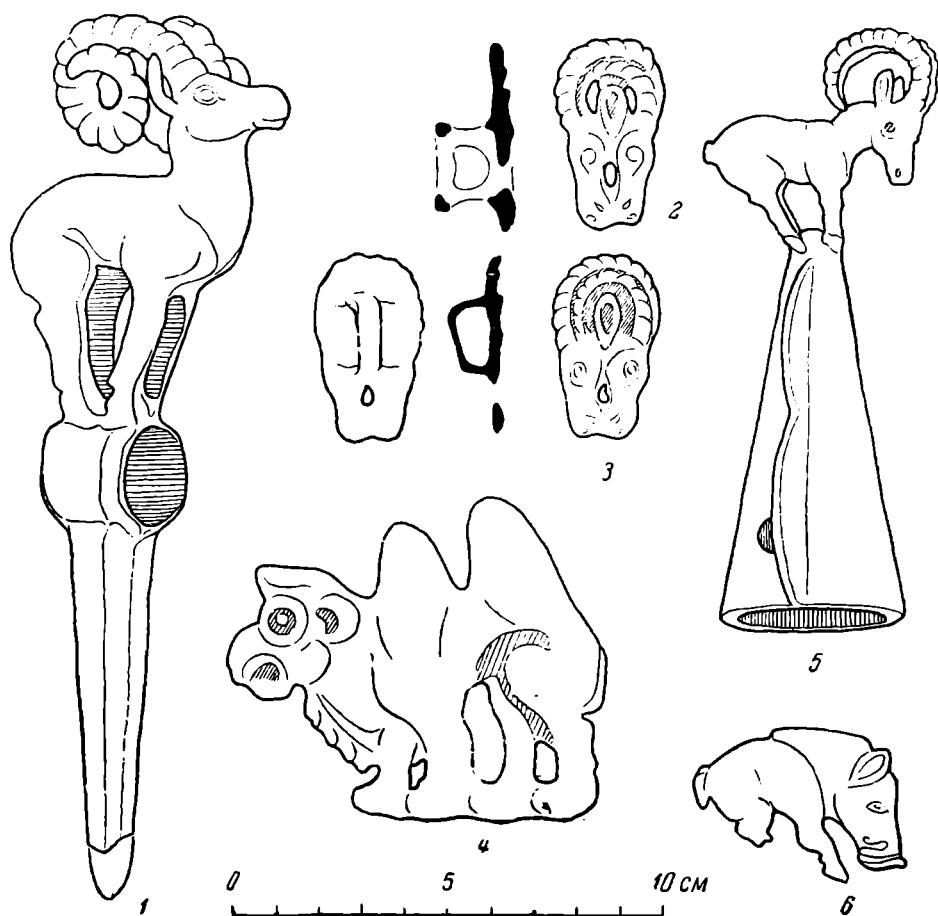

Рис. 4. Бронзовые художественные изделия.

1 — чекан, украшенный скульптурой горного барана (оз. Боровое); 2, 3 — бляшки (оз. Кайранкуль); 4 — бляшка с изображением верблюда (Актюбинская область); 5 — наконечник с фигурой горного козла; 6 — бляшка с изображением кабана (Каркаралинск, колхоз „Комсомол-шины“).

в кургане на р. Маныч близ хут. Веселого³. Два литых бронзовых кольца с изображениями на них верблюдов найдены в кургане у с. Б. Дмитриевка, Саратовской области⁴. Надо полагать, что актюбинское изображение верблюда, выполненное, в отличие от манычского, саратовского и челябинского, в общих чертах, в южносибирском стиле, является изделием не южносибирским, а местным, казахстанским, так как сюжет его не южносибирский.

¹ С. А. Теплоухов. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края. Материалы по этнографии, IV, 2, 1929, табл. I, рис. 101.

² Об этой находке см. ЗУОЛЕ, XX, 1, 1898, стр. 352; A. Heikel. Antiquités de la Sibirie occidentale. Mémoires de la Société finno-ougrienne, VI, Helsingfors, 1894, рис. XV, 4.

³ М. И. Артамонов. Раскопки курганов на р. Маныче в 1937 г. СА, XI, 1949, рис. 18.

⁴ А. Спицын. Археологический альбом. ЗОРСА, XI, 1915, рис. 20.

Близ Каркаралинска, в колхозе «Комсомол-шины», обнаружены два бронзовых предмета с изображением зверей — наверхие и бляшка¹. Навершие представляет собой длинную коническую втулку с продольной, поставленной перпендикулярно к ее поверхности лопастью и скульптурной фигурой горного козла (рис. 4—5). Бронзовые наверхия скифского времени известны на Кубани, но каркаралинское отличается от кубанских по форме самого предмета, по сюжету и стилю изображения. В степях Минусинской котловины распространены четыре формы бронзовых наверхий, вероятно, разного функционального назначения: фигура горного козла, реже — оленя, на гладкой высокой полусферической втулке²; три или четыре фигуры горного козла на ажурном каркасе, напоминающем по форме скифский котел³; фигура горного козла с широким полым внутри, прорезным, как у бубенца, туловищем на короткой четырехгранной втулке⁴; фигура горного козла или лошади на длинной, слегка изогнутой, овально-цилиндрической втулке с массивным кольцом сбоку, к которому прикреплена цепь из двух-трех массивных колец⁵. Каркаралинское наверхие, сходное с минусинскими по стилю изображения фигуры животного, отличается от них формой самого предмета. Нет сомнения, что оно является местным изделием казахстанских племен, изготовленным соответственно местным вкусам и потребностям.

Бляшка представляет собой барельефную фигуру кабана (рис. 4—6). Изображений кабана известно относительно немного, поэтому трудно пока сделать какие-либо заключения о наличии или отсутствии местных особенностей в этом предмете.

Далее следует указать две бронзовые бляшки с изображением пары противопоставленных голов горного козла, найденные в 1921 г. С. И. Руденко в раскопанном им на оз. Кайранкуль (Кустанайская область) кургане (рис. 4—2, 3)⁶. Курган оказался разграбленным, и ничего, кроме этих двух бляшек и одного горшечного черепка, в нем не найдено. Эти два изображения козлов недостаточно характерны и могут быть, пожалуй, в равной мере сопоставлены с аналогичными художественными изделиями из енисейских степей и с южноуральскими типами изделий из курганов с. Покровки.

Наконец, последнее, давно уже известное художественное изделие — золотая ложечковидная пронизка-застежка с изображением головы сайги из хищнических раскопок где-то в бывш. Тургайской области. В 1901 г. вместе с ней в Археологическую комиссию были доставлены добытые из погребения каменное блюдо на трех ножках, «большое полулуние из меди» и костяной наконечник стрелы⁷. Эти четыре предмета, вырванные из комплекса, не дают ясного представления о памятнике. Можно лишь отметить, что каменное блюдо относится к типу южноуральских или так называемых оренбургских, а пронизка-застежка по своей форме принадлежит к типу южносибир-

¹ Хранятся в Карагандинском музее. Воспроизвожу по зарисовкам, полученным мною от С. С. Черникова. См. Е. И. Агеева. Хроника археологических раскопок и находок в Казахстане в 1948—1949 гг. Изв. АН Казахской ССР, № 108, 1951, табл. II.

² См., например, С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири, табл. XX, 3 и XXII, 5, 6; В. В. Радлов. Указ. соч., рис. на стр. 126.

³ См., например, С. В. Киселев. Указ. соч., табл. XX, 13.

⁴ V. Priklonski. Bronzenes Wildschaf aus einem Minusinsker Kurgane. Globus, LIX, N 23, 1891, стр. 364; A. Salmony. Sino Siberian Art. Paris, 1933, табл. V, 2.

⁵ Одно такое наверхие, с фигурой лошади, хранится в археологическом музее Томского университета; другое наверхие, с фигурой горного козла, мне известно по акварельному рисунку в материалах В. В. Радлова (Архив ИИМК, ф. № 11, арх. № 326, л. 182); третье наверхие, без фигуры животного, см. Д. Клеменц. Древности Минусинского музея. Атлас. Томск, 1886, табл. IX, 2.

⁶ Государственный Эрмитаж, инв. № 3986-2, 3.

⁷ ОАК за 1901 г., стр. 143 и рис. 256, 257.

ских изделий¹, по стилю же и сюжету изображения может быть причислена и к южносибирским, и к южноуральским.

Приведенные немногие памятники изобразительного искусства, несомненно, свидетельствуют о местном художественном творчестве древних казахстанских племен, о наличии у них развитой художественной культуры, а также и о значительном имущественном расслоении общества, вызвавшем появление массивных золотых украшений и изысканных художественных литых предметов вооружения (чекан из Борового).

Как ни ограничены наши материалы по археологии Северного Казахстана в эпоху ранних кочевников, как ни отрывочны и ни фрагментарны они, некоторые общие заключения на их основании все же могут быть сделаны. Приведенные нами сведения о курганах и некоторых случайных находках показывают, что Казахстан в эпоху ранних кочевников не был необитаемым «средиземным морем» или лишь местом стыка разных окружающих его культур. Он был заселен племенами с культурой скифского типа, в широком смысле этого слова. Племена эти по культуре были ближе к алтайско-енисейским, чем скифским. Но, несомненно, в силу сложившихся исторических условий и в связи с происхождением от иных групп племен, а также в связи с принадлежностью к другим этническим и политическим объединениям, в их культуре заметны черты, отличающие ее от культур алтайско-енисейских и скифских племен.

Весьма вероятно, что на обширных просторах степей Северного Казахстана население эпохи ранних кочевников не составляло единый этнически и политически массив, а принадлежало, быть может, к нескольким таким объединениям, что должно соответствовать наличию нескольких археологических культур. Уже и сейчас можно предполагать, что находки в Кустанайской области (Тургайский район и у оз. Кайранкуль) относятся к одному этническому образованию, а находки из Кокчетавских гор и Павлодара — к другому.

Нет сомнения, что материалы из многочисленных курганов Северного Казахстана со временем позволят нам раскрыть увлекательную картину богатого исторического прошлого древних племен Казахстана в эпоху ранних кочевников, не менее яркую и красочную, чем в степях Поднепровья и Кубани или в горно-степных районах Алтая и Енисея.

¹ А. М. Tallgren. Collection Tovostine. Helsingfors, 1917, рис. 73, 74 на стр. 67 и табл. XI, 26.

О. Г. БОЛЬШАКОВ

ЗАМЕТКИ ПО ИСТОРИЧЕСКОЙ ТОПОГРАФИИ
ДОЛИНЫ ЗЕРАВШАНА В IX—X вв.

Вопросы исторической топографии, особенно топографии феодального города Средней Азии, всегда были близки А. Ю. Якубовскому. Они затрагиваются почти во всех работах, касающихся Средней Азии: будь то отчет об экспедиции или исследование, посвященное проблеме возникновения и развития феодального города. Настоящая статья является попыткой внести некоторые уточнения в форме кратких заметок к известным ныне сведениям по исторической топографии долины Зеравшана — района, для изучения которого много сделано А. Ю. Якубовским.

1. САМАРКАНД

Ни один город Средней Азии не привлекал такого внимания археологов и историков, как Самарканд. Но, несмотря на то, что со времени первых археологических работ на Афрасиабе прошло 70 лет, топография домонгольского города до сего дня остается довольно неясной. Во многом это объясняется тем, что со времени выхода в свет работы В. В. Бартольда¹, в которой были исследованы все известные тогда письменные источники, никто не решился пересмотреть серьезно хоть часть их, сопоставив с новейшими данными. Несомненно, что В. В. Бартольд в то время был недостаточно знаком с местностью, и поэтому многие возможности в истолковании текстов должны были неминуемо ускользнуть от него; впоследствии он писал², что на многое в исторической топографии Самарканда ему открыла глаза работа «Материалы к исторической географии Самаркандского вилайета» В. Л. Вяткина³. Однако эта работа касалась послемонгольского Самарканда и мало что давала для топографии предшествующего периода. Единственным значительным трудом, посвященным этой теме в последние годы, является статья М. Е. Массона о периодизации древней истории Самарканда⁴.

Хорошо известно, что город состоял из цитадели, внутреннего города — «медины», или шахристана, и рабада — торгово-ремесленного предместья.

¹ В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Ч. I (тексты), СПб., 1898; ч. II (исследование), СПб., 1900. В вышедшей позже работе того же автора «К истории орошения Туркестана» (СПб., 1914) были в основном пересмотрены только вопросы, связанные с орошением Самарканда.

² В. В. Бартольд. Джу-и арзис. «Туркестанские ведомости», 1904, № 45.

³ В. Л. Вяткин. Материалы к исторической географии Самаркандского вилайета. Справочная книжка Самаркандской области, вып. VII. Самарканд, 1902.

⁴ М. Е. Массон. К периодизации древней истории Самарканда. ВДИ, 1950, № 4. К сожалению, некоторые положения в статье не подкрепляются указанием на источники.

М. Е. Массон склонен считать, что «медина», о которой пишут арабоязычные географы X в., соответствовала современному Афрасиабу, с чем нельзя не согласиться¹.

Самые ранние письменные сведения о размерах Самарканда восходят ко времени около 630 г., когда проезжавший мимо Самарканда китайский паломник Сюань Цзан писал, что окружность города 20 ли². М. Е. Массон, принимая «ли» за $\frac{1}{2}$ км, вынужден был на чертеже, приложенном к статье, предположительно нанести стену Самарканда, окружность которой была бы равна 10 км. Думается, что «ли» во время Сюань Цзана было значительно меньшей величины — около $\frac{1}{3}$ км³, о чем достаточно убедительно свидетельствуют данные дорожников, приведенные тем же автором⁴. Если это так, то окружность Самарканда VII в. была около 6 км, что соответствует окружности Афрасиаба.

К началу X в. город значительно разрастается. По словам Ибн ал-Факиха, он состоял из рабада, «медины» с четырьмя воротами и «внутренней медины» с цитаделью; здесь же приводятся размеры занимавшейся ими площади: рабад — 6000 джерибов, «медина» — 5000 джерибов, «внутренняя медина» — 2500 джерибов⁵. М. Е. Массон, приведший эти цифры, почему-то не решился сделать попытку определить истинные размеры этих частей города (принимая во внимание, что «медина» с четырьмя воротами, несомненно, соответствует Афрасиабу), сославшись на то, что размеры джериба неизвестны⁶. Однако мы можем решить вопрос о размере джериба в Самарканде в X в., так как площадь Афрасиаба известна — 218,9 га⁷. Остается выяснить, какую часть Афрасиаба занимала «внутренняя медина»; вероятнее всего, она соответствует территории к северу от третьей внутренней стены⁸. Площадь ее относится к остальной части Афрасиаба примерно как 1:2, что вполне соответствует данным Ибн ал-Факиха. Следовательно, площадь всего Афрасиаба равна 5000 джерибов плюс 2500 джерибов, в общей сложности — 7500 джерибов. Округленно получаем, что джериб равен 290 кв. м. Теперь можно определить также площадь рабада: 6000 джерибов = 175 га⁹.

¹ М. Е. Массон. Указ. соч., стр. 162.

² Mémoires sur les contrées occidentales, traduits du sanscrit en chinois l'an 648 par Hiouentsang et du chinois en français par Stanislas Julien, v. I, Paris, 1857, стр. 20.

³ Чжунь Кэ-чжен. Вклад китайских ученых в астрономию в древние и средние века. «Природа», 1953, № 10, стр. 72.

⁴ Так, от Кабудана (Кабуданджикет — селение в 15 км севернее Самарканда) до Бухары Сюань Цзан указывает расстояние в 900 ли, что соответствует 250—260 км; следовательно, в этом случае «ли» равняется 300 м. Такая величина «ли» оказывается правильной и для отдельных отрезков маршрута: например, от Кабудана до Кушанин — 300 ли (90 км), от Бухары до Фати (Фарьяб?) — 400 ли (100—110 км; Mémoires sur les contrées occidentales..., стр. 20—22). Сюань Цзан пишет также, что окружность Термеза — 20 ли (там же, стр. 23). В. А. Шишкин считает, что Термез до VIII в. занимал территорию «калы» и участков А, Б и I (В. А. Шишкин. К исторической топографии Старого Термеза. ТАКЭ, ч. I, Ташкент, 1940, стр. 150, 151). Окружность этой части города равна 5,5—6 км.

⁵ BGA, V, стр. 326.

⁶ М. Е. Массон. Указ. соч., стр. 163.

⁷ А. И. Тереножкин. Согд и Чач. КСИИМК, XXXIII, 1950, стр. 156.

⁸ О внутренних стенах города см. В. Л. Вяткин. Афрасиаб — городище бывшего Самарканда. Ташкент, 1927, стр. 6—11. О территории внутреннего города см. также М. Е. Массон. Указ. соч., стр. 162.

⁹ Интересно, что полученные таким образом данные почти совпадают с размерами «дихканского» джериба в Исфагане: как пишет Ибн Русте (BGA, VII, стр. 160, 161), он равнялся 1440 кв. локтям, т. е. приблизительно 360 кв. м, если считать локоть равным полуметру (в действительности он, вероятно, был несколько меньше). Этот джериб, несомненно, — $\frac{1}{10}$ большого джериба в 120×120 локтей по полметра или 60×60 больших локтей. О джерибе 60×60 локтей по 9 кабд (около метра) сообщает Ибн Хаукаль (BGA, II, стр. 216, а также BGA, I, стр. 157).

К концу X в. город разросся еще более; по свидетельству Ибн Хаукаля рабад находился не только к югу от шахристана, но и к северу от него¹, а ал-Мукаддаси пишет, что «медина» — шахристан находится в середине Самарканда², из чего можно заключить, что рабад окружал ее со всех сторон. Ко времени монгольского завоевания, очевидно, была уже заселена вся территория так называемого «старого города». М. Е. Массон считает даже, что Тимур в XIV в. построил не новую стену вокруг города, а лишь отремонтировал старую³.

В. В. Бартольд казался, что ряд вопросов, связанных с взаимным расположением шахристана и рабада, запутан неточными описаниями средневековых географов: «Гораздо менее ясны сведения о стенах рабада... Стена рабада начиналась за «Согдийской рекой»; река протекала «между рабадом и шахристаном» и в то же время «служила для рабада как бы рвом с северной стороны». Все эти подробности едва ли поддаются объяснению и едва ли соответствуют действительным топографическим условиям»⁴.

М. Е. Массон указал уже, что В. В. Бартольд в данном случае неверно считал «Согдийской рекой» Зеравшан, тогда как это название прилагалось к Сиобу, протекающему у северной стены Афрасиаба⁵. Но дело здесь не так просто, как кажется на первый взгляд, ибо несомненно, что в большинстве случаев «Согдийской рекой» назывался именно Зеравшан. М. Е. Массон не учел того, что Сиоб арабоязычные географы называют وادی السغد و نهر السغد, что скорее можно перевести как «Согдийский канал».

Проследим это на примерах.

В первом случае, упомянутом В. В. Бартольдом, Ибн Хаукаль пишет:

سور الریض ممتد من وراء وادی السغد من مكان يعرف بأفشینة علی باب کوهک ...
ثم الی باب غداود ثم یمتد الی الوادی والوادی للریض کالخندق

— «Стена рабада тянется от согдийской реки (Вади ас-Сугд) из местности, называемой Афшина, до ворот Кухак⁶..., затем к воротам Гадавад, затем тянется к реке (вади), и река (вади) как бы служит рабаду рвом»⁷. Как мы видим, в данном случае В. В. Бартольд совершенно прав, считая, что «Согдийская река» — Зеравшан, поскольку описание стены рабада у Ибн Хаукаля соответствует расположению ее развалин, известных под названием «Дивари кыямат»⁸. В. В. Бартольд ошибся только, переведя предлог من وراء — как «из-за», тогда как предлог وراء переводится не только «за», но и «перед», что в данном случае соответствует реальным условиям. В другом случае в тексте упоминается «нахр ас-Сугд»: «А «медина» рядом с рабадом, и она находится около «нахр ас-Сугд», который (течет) между рабадом и «мединой»⁹ و المدينة من الریض علی جانبہ و علی نحو نهر السغد الذی هو بین الریض و المدينة

Несомненно, что здесь имеется в виду Сиоб.

Заканчивая этот раздел, хотелось бы возразить против распространенного убеждения, правда, не высказанного в печати, будто шахристан Самарканда, как и шахристаны других раннесредневековых городов Средней Азии, был застроен так плотно, что в нем было мало или даже не было

¹ BGA, II, стр. 366.

² BGA, III, стр. 278.

³ М. Е. Массон. Указ. соч., стр. 165.

⁴ В. В. Бартольд. К истории орошения Туркестана. ЗВО, т. XIX. СПб., 1914, стр. 107.

⁵ М. Е. Массон. Указ. соч., стр. 163.

⁶ Опущено перечисление ворот в стене рабада.

⁷ BGA, II, стр. 366, 367.

⁸ В. Л. Вяткин. Материалы к историч. географии Самаркандского вилайета, стр. 21.

⁹ BGA, II, стр. 366.

совсем зелени. Ибн Хаукаль определенно говорит о садах в шахристане Самарканда¹, а у Ибн ал-Факиха кухендиэ Самарканда сравнивается по плодородию с Гутой Дамаска и окрестностями канала Убулла близ Басры².

2. БУХАРА—НУМУДЖИКЕТ

Историческая топография раннесредневековой Бухары изучена несравненно хуже, чем Самарканда, и у нас нет данных, которые могли бы чем-нибудь дополнить существующие представления о ней. Поэтому коснемся только вопроса о втором названии Бухары—Нумуджикет. Ал-Истахри пишет: «Что касается Бухары, то название ее Бумиджкас»³.

Ибн Хаукаль повторяет это, несколько изменив последовательность изложения: «Бухара. В ней резиденция власти всего Хорасана..., а что касается ее названия, то оно — Бумиджкас»⁴.

У ал-Мукаддаси читаем: «Нумуджикет — столица Бухары, напоминает Фустат гниlostностью и чернотой почвы и обширностью базаров...»⁵.

То же самое пишет ал-Якут, источником сведений которого в данном случае служили, вероятно, эти же авторы⁶.

Вероятно было бы предположить, что Нумуджикет является старым названием города, а Бухарой именовался весь оазис, и лишь впоследствии это название стало относиться только к центру оазиса. Это тем более соблазнительно, что в китайских источниках, освещающих время перед арабским завоеванием, столицей княжества Ань назван город Ню ми⁷. Ат-Табари, который при написании разделов о завоевании Мавераннахра пользовался ранними источниками, не дошедшими до нас, не упоминает Бухару как город (в части, касающейся походов Кутейбы ибн Муслима), но пишет о завоевании (в 707 г. н. э.) города Нумушкета, что, несомненно, является вариантом написания Нумуджикет⁸. Двойное название Бухары неоднократно привлекало внимание исследователей; нам хотелось бы только отметить, что на картах в географических сочинениях X в. Нумуджикет встречается вместе с Бухарой, причем Нумуджикет помещается на правом берегу Руди Зера, а Бухара — на левом; это дает основание думать, что Бухара и Нумуджикет были двумя различными городами, которые слились воедино (рис. 5). В VIII—X вв. город называли то Бухарой, то Нумуджикетом, впоследствии же второе название было забыто.

Эту интересную проблему еще предстоит решить историкам и археологам. Мы ограничиваемся сейчас лишь постановкой вопроса.

3. КУШАНИЯ

Город Кушания в кушано-эфталитское время был одним из крупнейших в Согде, но к X в. значение его, вероятно, сильно упало, и в источниках, относящихся к этому времени, говорится о нем скупое. Мы коснемся лишь вопроса о возможном местонахождении города, которое до сих пор неизвестно археологам.

¹ BGA, II, 366.

² BGA, V, стр. 105.

³ BGA, I, стр. 305.

⁴ BGA, II, стр. 355.

⁵ BGA, III, стр. 280.

⁶ Jacut's geographisches Wörterbuch, Bd. I, Leipzig, 1866, стр. 517.

⁷ E. Chavannes. Documents sur les Tou-Kiue (Turcs) occidentaux. St.-Petersbourg, 1903, стр. 136. Автор пишет в указателе к слову Нумуджикет: «Я называю этот город столицей области Бухара, согласно Бартольд — «Die Altürkische Inschriften und die arabischen Quellen» (стр. 7). Но это утверждение мне кажется сомнительным». Сомнение Шаванна, как мы могли видеть, безосновательно, и В. В. Бартольд, конечно, прав.

⁸ См. W. Tomaschek. Centralasiatische Studien, I, Sogdiana. Wien, 1877, стр. 106.

В. В. Бартольд помещал Кушанию недалеко от слияния двух рукавов Зеравшана: Ак-Дарьи и Кара-Дарьи у кишлака Кашан-ата, близ селения Исабой¹. В 1934 г. А. Ю. Якубовский обследовал этот район, но не нашел

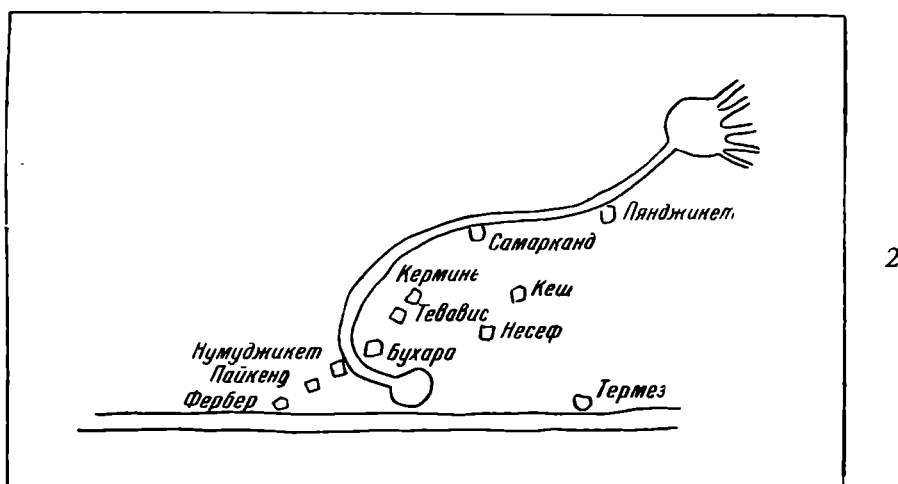
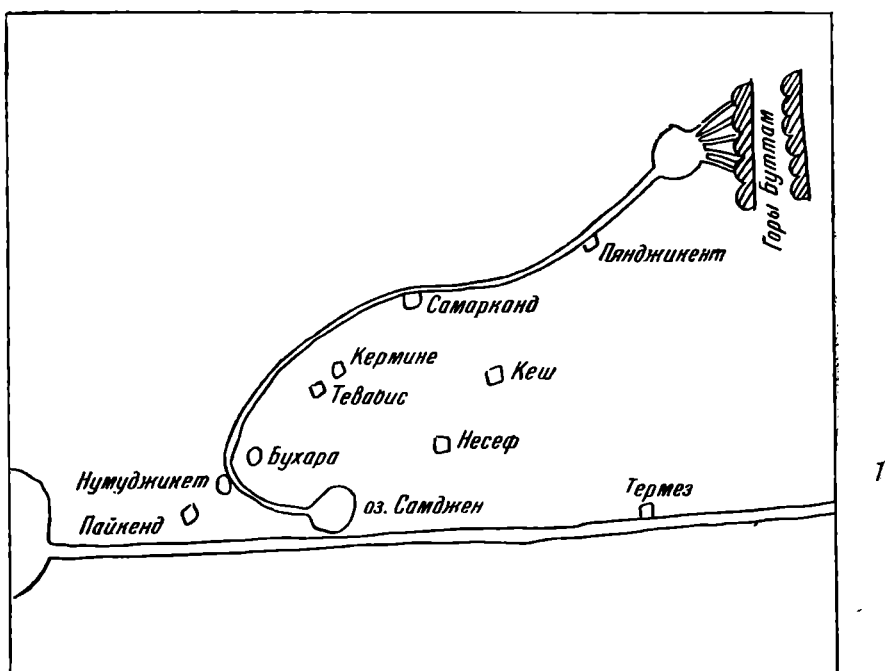

Рис. 5. Карта из географии ал-Балхи.

(1 — Болонья; 2 — Берлин).

никаких следов городища, из чего заключил, что оно, вероятно, размыто Зеравшаном². Благодаря экспедиции А. Ю. Якубовского в 1934 г. стало известным местоположение одного из пунктов, расстояние от которого приводят нам дорожники X в.; поэтому мы можем внести некоторые уточнения. Известно, что от Дабусии до Кушании считалось 5 фарсахов (т. е. около 37 км)³ и от Кушании до Иштихана также 5 фарсахов (Иштихан

¹ В. В. Бартольд. Отчет о командировке в Туркестан. ИРАИМК, т. II, Пг., 1922, стр. 18.

² А. Ю. Якубовский. Зеравшанская экспедиция (из дневника начальника экспедиции) 1934 г. ТОВЭ, т. II, 1940, стр. 158, 159.

³ ВГА, II, стр. 403.

находился, вероятно, около современного населенного пункта с тем же названием). Следовательно, Кушанию надо искать посредине между этими пунктами, т. е. в 12—15 км к востоку от места слияния Ак-Дарьи и Кара-Дарьи. Было бы очень интересно обследовать этот район.

4. ХАЗАРА

К числу интересных городищ, обследованных А. Ю. Якубовским в 1934 г., относится Хазара, находящееся около одноименного кишлака в 30 км к западу от Кермине. Особой известностью пользуется хазаринская мечеть, старейший архитектурный памятник подобного рода на территории Средней Азии. А. Ю. Якубовский писал в отчете: «Что же это за городище? Как в древности оно называлось? Можно ли считать его имя Хазара существовавшим в то время, когда ее замечательная мечеть была выстроена? Вопросы эти сложные, и сейчас дать ответ на них я не решаюсь»¹.

Город Хазара в письменных источниках, действительно, не упоминается, но авторы IX в. Ибн Хордадбех и Кудам пишат о городке Кукшибаган (Ибн Хордадбех) или Кук (Кудам), находившемся в 4 фарсах к западу от Кермине, что соответствует положению городища Хазара. А так как поблизости нет другого городища, которое могло бы быть принято за развалины Кукшибагана, то вероятнее всего, что городище около селения Хазара является развалинами Кукшибагана.

Кудам Ибн Джа'фар пишет о нем следующее: «От Тевависа до Кука три фарсаха, и это селение, из которого царь турков выступает в набеги, а с юга от этого места (находятся) горы, тянущиеся до Китая, и от Кука до Кермине 4 фарсаха»². Ибн Хордадбех сообщает еще меньше: «Затем до Тевависа 3 фарсаха, затем до Кукшибагана 6 фарсахов, а к югу от этой местности Китайские горы. И от Кукшибагана до Кермине 4 фарсаха»³. Из слов Кудамы можно заключить, что в Кукшибагане соборной мечети как будто не было, ибо он называет его селением — «карьят».

А. Ю. Якубовский на основании изучения подъемной керамики сделал заключение, что жизнь на городище прекратилась в X в.; следовательно, мечеть должна была быть выстроена раньше. Однако в одной из последних работ В. Л. Воронина, анализируя архитектуру мечети, датировала ее постройку концом X в.—началом XI в.⁴ Эту датировку трудно опровергнуть одной лишь ссылкой на мнение А. Ю. Якубовского, так как керамика X—XI вв. пока еще не настолько хорошо изучена, чтобы можно было надежно отделить керамику X в. от изделий XI в. Гораздо большее значение имеет тот факт, что ни в одном из географических сочинений X в. Кукшибаган уже не упоминается; не упоминает его и Нершахи. Вряд ли это случайно; вероятно, в X в. город, действительно, доживал свои последние дни, и очень сомнительно, чтобы в такое время стали воздвигать в нем соборную мечеть. Думается, что более раннюю датировку А. Ю. Якубовского пока нельзя считать опровергнутой.

5. КАНАЛ САМДЖЕН

К числу неясных вопросов в исторической топографии Бухарского оазиса относится вопрос об отождествлении канала Самджен, упоминаемого во многих письменных источниках, с каким-либо из ныне существующих каналов.

¹ А. Ю. Якубовский. Указ. соч., стр. 141.

² BGA, V, стр. 203.

³ BGA, VI, стр. 25, 26.

⁴ В. Л. Воронина. Некоторые данные о памятниках зодчества Узбекистана. «Архитектурное наследство», 1953, № 3, стр. 119.

В. В. Бартольд ни в работе «Туркестан в эпоху монгольского нашествия», ни в «Истории орошения Туркестана» не пытался локализовать его.

Известно, что канал проходил мимо селения Шарг, расположенного примерно посредине пути из Бухары в Тевавис¹ (в связи с этим канал назывался иногда Шарг), затем мимо Пайкенда и оканчивался болотистой низменностью или озером Самджен, которое называлось также Каракуль². В. А. Шишкин считал возможным отождествить его с каналом Рометан³; такого же мнения придерживается и А. А. Семенов⁴. Однако это отождествление представляется нам неосновательным — канал Рометан не соответствует данным, известным о Самджене.

Единственный водный поток в Бухарском оазисе, соответствующий, на наш взгляд, всем перечисленным выше условиям, — это Каракуль-Дарья, т. е. Зеравшан ниже головы канала Шахруд. Предположение кажется сначала несколько странным, поскольку мы привыкли считать Каракуль-Дарью основным руслом Зеравшана в самом нижнем его течении. Но в X в. основным руслом считался нынешний канал Шахруд, который отнюдь не уступает Каракуль-Дарье по многоводию, если не превосходит ее. Географы X в. пишут, что «Согдийская река» протекает через Бухару⁵. Это отражено и на географических картах того времени: на них Бухара расположена на Зеравшане, а Пайкенд не к востоку от него, а к западу, что становится понятным, если считать основным руслом Шахруд⁶.

Если принять наше отождествление Самджена с Каракуль-Дарьей, то мы получим возможность приблизительно локализовать города Шарг и Искиджикет, что до сих пор не удавалось сделать. Город Шарг находится в 4 фарсах от Бухары по дороге в Тевавис, и, следовательно, его нужно искать в 30—32 км на северо-восток от Бухары на левом берегу Каракуль-Дарьи несколько ниже головы канала Шахруд.

¹ ВГА, V, стр. 25, 203; Н е р ш а х и. История Бухары (перевод Лыкошина). Ташкент, 1897, стр. 22.

² Н е р ш а х и. Указ. соч., стр. 28.

³ В. А. Шишкин. Археологические работы 1937 г. в западной части Бухарского оазиса. Ташкент, 1940, стр. 40.

⁴ А. А. Семенов. Бухарский трактат о чинах и званиях и об обязанностях носителей их в средневековой Бухаре. «Советское востоковедение», т. V, 1948.

⁵ ВГА, II, стр. 355.

⁶ K. Miller. *Mapae arabicae*. Bd. IV. Stuttgart, 1929, табл. 59, № 1, 2, 3.

А. М. МАНДЕЛЬШТАМ

ОТРЫВОК ИЗ «ПОСЛАНИЯ ФАТХУ б. ХАКАНУ»
АЛ-ДЖАХИЗА

(К истории культуры Средней Азии IX в.)

Одной из наиболее характерных черт научной деятельности А. Ю. Якубовского было неизменное стремление сочетать исследование памятников материальной культуры с анализом данных письменных источников, которые широко использовались им для освещения различных вопросов истории культуры народов Средней Азии, ее самобытности и своеобразия. Разработка этих вопросов, начатая А. Ю. Якубовским в целом ряде его трудов, успешно продолжается на основе новых археологических материалов. Существенные дополнения к ним могут быть извлечены и из письменных источников, в частности, из не привлекавшихся до настоящего времени в достаточной мере сочинений ал-Джахи́за (IX в.).

Весьма интересным источником является «Послание к Фатху б. Хакану» этого автора¹, в котором приводится в сокращенном виде речь некоего хорасанца, — как можно предполагать, тахирида Мухаммада б. Абдаллаха, — произнесенная им на одном из меджлисов при дворе халифа Мутаваккиля². Ниже приводим перевод этого раздела «Послания».

«Мы накибы и сыновья накибов; мы избранные и сыновья избранных³. И из нас (были) пропагандисты (дела Аббасидов) прежде чем стало явным главенство⁴ (их) и общепризнанным избранничество⁵ (их), до победы и обнаружения (его), до снятия покрывала (тайны) и исчезновения страха (последствий). Через посредство нас погибло царство врагов наших и укрепилось при его возникновении царство друзей наших. А пока (осуществилось) это, нас убивали и изгоняли, избирали ударами (мечей) и пронзали (копьями), рубили острыми мечами и подвергали различным мучениям. И через нас исцелил Аллах сердца и осуществил месть.

¹ Tria opuscula auctore Abu Othman Amr ibn Bahr al'Djahiz Basrensi. Ed. G. Van Vloten. Leiden, 1903, стр. 8—12. Фатх б. Хакан был главным фаворитом халифа Мутаваккиля.

² На этом меджлисе обсуждался вопрос о том, какая из частей войска халифата заслуживает наиболее почетного и руководящего положения.

³ Здесь имеется в виду выделение Мухаммадом б. Али из числа 70 первых (избранных) приверженцев Аббасидов 12 накибов и посылка их в 103 или 104 г. х. в Хорасан (см. Табар, II, стр. 1987, 1988). О значении термина «накиб» см. Лисан ал-араб, II, стр. 267.

⁴ نفاية. Перевод точнее невозможен из-за отсутствия соответствующих терминов.

⁵ نجابة. Можно было бы перевести не «избранничество», а «благородство», что точнее, но менее соответствует контексту.

Из нас 12 накибов и 70 избранных¹. Мы «люди рва»² и сыновья «людей рва»; мы «(люди) воздержания»³ и сыновья «(людей) воздержания». И из нас (первые) ответившие на призыв (Аббасидов) и (те), кто расстроил дело Теймиитов⁴. Из нас...⁵ и обладатели (узорчатых?) чулок. Из нас Загандиты⁶ и Азадмардиты⁷.

Мы завоевывали страны, убивали жителей и уничтожали врагов в каждой долине.

Мы люди этой династии, сторонники этой (Аббасидской) претензии и та почва (букв. „место“) ⁸, на которой выросло это древо; и с нашей стороны подул этот ветер.

А что касается помощников, (то) два помощника — Аус и Хазрадж⁹ — помогли пророку — да будет он благословен — в начале времени (ислама), а жители Хорасана помогли наследникам его в последующее время.

Вскормили нас в этом отцы наши и в этом вскормили мы наших сыновей. И стало (это) единственной генеалогией, по которой мы известны, и единственной верой, на основании которой мы можем заключать договоры.

Затем, мы (следуем) лишь одному образу действий и (жизненному) пути — без того, чтобы существовал (для нас) еще иной. Мы известны как партия (Аббасидов) и исповедуем повиновение; мы убиваем во имя ее и умираем за нее.

Приметы наши и одежда наша известны. Мы люди черных знамен¹⁰ и достоверных преданий и передаваемых (из поколения в поколение) хадисов; и (мы) те, кто разрушает города тиранов и вырывает царство из рук притеснителей.

Нам предшествовало известие; и оправдалось (это) предание. Сообщались в хадисе качества тех, кто завоюют Аморию¹¹, овладеют ею, убьют воинов ее и захватят в плен отпрысков их — говорится в описании их: «Волосы их — волосы женщин, а одежда их — одежда монахов»¹². И оправдало дело слово и известие удостоверила очевидность.

Мы те, кого и чьи доблести упомянул имам имамов и предок десяти халифов Мухаммад б. Али¹³, когда захотел разослать пропагандистов

¹ Имена 12 накибов (аббасидских) приведены у Табари (II, стр. 1988).

² خندقيه Имеется в виду окруженный рвом лагерь в Махуване, где сосредоточились сторонники Аббасидов в начальный период деятельности Абу-Муслима (см. Табари, II, стр. 1968, 1987).

³ اهل كفة — «люди воздержания» — отборное войско Абу-Муслима, состоявшее из тех, кто отказался от материальных благ во имя рая в будущей жизни. О них см. G. Van Vloten. Recherches sur la domination arabe, le chiitisme et les croyances messianiques sous le khalifat des Omayyades. Verhandelingen der Koninklijke Akademie van Wetenschappen te Amsterdam, t. I, N 3, 1894, стр. 66 и 80.

⁴ النيمية — секта шинитов.

⁵ ومنا نيم خزان Текст явно искажен и переводу не поддается. Так как далее упоминаются носки, можно предположить, что речь идет о какой-то одежде.

⁶ الزغندية Этот термин не встречается в других источниках; повидимому, подразумевается какая-то секта или просто группа знати.

⁷ الازامردية Значение этого термина в данном случае также неясно; вероятно, — определенная группа знати.

⁸ منبت

⁹ Аус и Хазрадж — два племени, в период начала деятельности Мухаммада господствовавшие в Медине. Из их числа были первые приверженцы Мухаммада — мединцы, в том числе накибы и «избранные».

¹⁰ Черные знамена были знаменами Аббасидов.

¹¹ Амория была взята в 838 г. арабской армией, возглавлявшейся самим халифом Мутасимом.

¹² Этот хадис приводится Джахизом также в другом произведении — в Китаб ал-байан ва-т табийн (т. III, стр. 68, издание 1927 г.).

¹³ Мухаммад б. Али — глава аббасидской партии, начавший энергичную пропагандистскую деятельность в Хорасане. Он назван здесь предком десяти халифов, очевидно, вследствие того, что Мутаваккиль был десятым халифом аббасидской династии (первые два халифа: Абу-ль-Аббас Саффар и Абу-Джа'фар ал-Мансур были сыновьями Мухаммада б. Али).

в (разные) страны и распределить сторонников своих по областям. Он сказал: «Что касается Басры и округи ее, то в ней уже возымел преобладание Осман и приверженцы Османа, и имеются в ней лишь немногие из нашей партии; что касается Куфы и округи ее, то в ней уже возымел преобладание Али и его партия и имеются в ней лишь немногие из нашей партии; что касается Сирии, то (преобладает в ней) партия Мерванитов и семьи Абу-Суфьяна; а что касается ал-Джезиры, то (преобладают в ней) «продающие себя» харуриты¹ и хариджиты — еретики. Но при этом для Вас (остается) Восток; поистине там беспорочные и отважные сердца — не испортили их (порочные) страсти, не проникли в них недуги (зла) и не овладели ими ереси. А они (жители Востока) озлобленные² и оскорбленные; там (имеется) многочисленность, (необходимое) снаряжение и храбрость». Затем он сказал: «Я вижу хорошие предзнаменования в отношении того (места), где начинается день»³.

И мы были наилучшим войском для наилучшего имама, подтвердили предположение его, доказали (правильность) его мнения и оправдали его прозорливость.

А он сказал другой раз: «Истинно, это дело наше — восточное, а не западное, будущего, а не уходящего в прошлое, восходящее, как восходит солнце и распространяющееся на области (подобно) распространению дневного света — пока не достигнет куда донесут его (мягкие) стопы (верблюдов) и копыта (лошадей)».

Он (хорасанец) говорил (далее)⁴: «Мы убили Сахсахитов, Даликитов, Закванитов и Рашидитов⁵, и мы были также «людьми рвов»⁶ в дни Насра б. Сейяра, Джудей'а ал-Кермани и Шайбана б. Саламы хариджита⁷. Мы были сотоварищами Нубаты б. Ханзалы и Амира б. Дубары и сотоварищами Ибн Хубейры⁸.

Нашим является прошлое этого дела (Аббасидов) и его будущее, начало его и конец; и из нас был убивший Мервана⁹.

Мы люди, у которых (превосходные) тела, волосы и головы, широкие плечи и высокие (букв. «широкие») лбы, толстые губы¹⁰ и длинные руки. Мы превосходим (других) по (числу) детей мужского пола и многодет-

¹ حورية شارية «Харуриты» — одно из наименований хариджитов: оно было дано по имени селения Харура (около Куфы), куда в 657 г. ушли первые хариджиты — отделившиеся от войска Али. «Продающие себя» — также название хариджитов, может быть, являющееся и самоназванием; в основе его лежит представление о продаже своей души за дело Аллаха.

² مغيطون; в тексте: مغيطون, — очевидно, опечатка.

³ В несколько иной редакции эта речь Мухаммада б. Али приводится Ибн ал-Факихом (BGA, т. V, стр. 315) и Ибн Кутейбой (Уюн ал-ахбар, изд. Brockelmann'a, стр. 246, 247).

⁴ Текст прерывается вставкой قالو; очевидно, здесь ошибка переписчика — следует читать قال

⁵ Названия отдельных групп последних сторонников Мервана II.

⁶ اصحاب الخنادق Имеются в виду укрепленные лагеря сторонников Абу-Муслима до овладения Мервом.

⁷ Наср б. Сейяр — наместник Хорасана с 738 г. по 748 г.; возглавлял хорасанских мударитов. Джудей' б. Али ал-Кермани — глава хорасанских йеменитов, бывший краткий период наместником Хорасана перед Насром б. Сейяром. В 744 г. ал-Кермани поднял восстание против последнего и в 746 г. был убит. Шайбан б. Салама — глава хорасанских хариджитов. Поддерживал ал-Кермани в его борьбе с Насром б. Сейяром; в 748 г. попытался выступить против Абу-Муслима, но был вскоре же убит.

⁸ Йезид б. Омар б. Хубейра — наместник Ирака при Мерване II; вел ожесточенную борьбу с шиитами и хариджитами. В 749 г. был взят в плен аббасидскими войсками и убит. Амир б. Дубара — крупный военачальник Мервана II, отличившийся в борьбе с шиитами. Нубата б. Ханзала — правитель Джурджана, назначенный Ибн Хубейрой; один из деятелей в борьбе с шиитами.

⁹ Ибн Кутейба. Указ. соч., стр. 189.

¹⁰ قصص فلاة

ностью браков; у (нас) меньше слабых, малорослых и не имеющих жен; у нас более плодовые женщины, более сильные мышцы и более совершенные кости. Тела наши более приспособлены для доспехов, а множества наши более восхищают глаза (смотрящего)¹. И мы превосходим (других) ростом числа (нас), количеством и снаряжением. Если бы даже Яджуджи и Маджуджи² (попытались) соперничать в численности с тем из нас, кто (живет) за рекой, то, поистине, они (последние) превзошли бы их числом.

А что касается силы и (телесной) мощи, то нет ни у кого, кроме Ад и Самуд³, Амаликитян⁴ и Хананеев, силы и мощи, подобной нашей.

И если бы даже лошади (всей) земли и всадники всех стран были собраны на одном ристалище, все же мы были бы более многочисленны для взглядов (смотрящих) и более внушающими страх для сердец. И когда ты посмотришь на свиты наши, всадников наших и наши знамена, каких не носят другие, то поймешь, что созданы мы только для свержения (враждебных) династий, покорности халифам и поддержки власти (их). И если бы даже жители Тибета, пехотинцы Забаджа⁵, всадники Индии и отборные лошади Рума во главе с Хашимом б. Иштаханджем⁶ атаковали (нас), то, поистине, не избегли бы они (необходимости) бросить оружие и бежать в (свои) страны. Мы обладатели (длинных) бород и благоразумия⁷, люди спокойные, рассудительные, умеренные во взглядах и далекие от легкомыслия.

И мы не таковы, как войско Сирии⁸, как нападающие на женщин и обесчещивающие все запретное⁹. Мы люди, которым (свойственна) верность и скромность; мы сочетаем (в наших качествах) умеренность, воздержанность и терпеливость в несении службы и при размещении на отдаленных (от родины) границах¹⁰.

У нас (имеются) наводящие страх барабаны и большие знамена. Мы обладатели конских лат, колокольчиков, закрывающих плечи воротников¹¹, длинных войлочных потников, изогнутых ножен, загнутых усов, шашских высоких шапок и шихрийских¹² коней.

¹ В издании *أخفافنا*; однако, по мнению, В. И. Беляева, которому пользуюсь случаем выразить свою благодарность за данное и ряд других указаний, контекст позволяет считать более правильным *أجفافنا*.

² Мифические племена Гог и Магог Библии.

³ Мифические древнеарабские племена. Подробнее о них см. EI, т. I, стр. 123, 124 и т. IV, стр. 774.

⁴ Амаликитяне, по представлениям арабов, — потомки или остатки племени Ад.

⁵ Забадж — остров Суматра. Ср. G. Ferrand. *Zabag*. EI, т. IV, стр. 1247—1249.

⁶ Предводитель повстанцев в Северной Африке. См. Табар, III, стр. 379.

⁷ В тексте стоит *الحجى* как указал Т. Nöldeke в своей рецензии (WZKM, XVII, 1903, стр. 383), следует читать *الحجى*.

⁸ Очевидно, намек на грабежи и насилия, которые производили воины Мервана II в Ираке и других областях.

⁹ Имеются в виду хариджиты.

¹⁰ *تجوير على الخدمة والتجوير* см. Лисан ал-'араб, V, стр. 217: «Размещение войск на границе с территорией врага без разрешения воинам возвращаться к своим семьям». Ср. также Liber Mafatih al-Olum auctore... al Khwarezmi. Ed. G. Van Vloten. Lugduni Batavorum, 1895, стр. 121. Очевидно, в данном случае имеется намек на безропотное несение хорасанцами военной службы вдали от родины, в частности, на западных границах халифата.

¹¹ *بازفكنة* О значении его см. Kretzschmar. Beiträge zur arabischen Lexicographie. SBAW, Bd. 103, 1884, стр. 192.

¹² Что подразумевается под данным термином — порода или же вид лошадей, названных по какому-то географическому пункту или области, — не установлено. Но он всегда прилагается к лошадям восточных областей халифата. Ср. BGA, IV, стр. 274.

У нас в руках (черные) палицы¹ и секиры², а кинжалы у наших поясов. У нас (своя манера) подвешивания мечей и красивая посадка на конях. У нас имеются боевые кличи, которые вызывают у беременных преждевременные роды.

И нет на земле выдающегося искусства из (области) литературы, философии, счета, геометрии, музыки, ремесла, законоведения, (знания) традиций, в котором бы ты не увидел хорасанцев, побивающих главных (знатков) и побеждающих (известных) ученых.

У нас (имеется) искусство изготовления доспехов из войлока, стремян и кольчуг. И (имеется) у нас то, что мы используем (с целью) тренировки, упражнения и (создания) предрасположения к войне и (с целью) подготовки и (создания) навыка в кружении, атаке копьями и возвращении после отступления — подобно даббуку³, и прыжкам на лошадей — для детей, и подобно поло — для взрослых; а затем — стрельба (из лука) по неподвижной цели⁴, конные состязания с имитацией боя⁵ и (стрельба) по хищным птицам.

И мы наиболее достойны предпочтения и наиболее подходящи для высокого положения».

Приведенный текст речи хорасанца содержит в себе интересные данные о материальной культуре жителей Хорасана и Средней Азии IX в., которые могут служить дополнением к тем археологическим материалам, которыми мы располагаем; следует отметить также и то, что только в нем мы имеем очень ценные сведения для истории военного дела в Средней Азии.

¹ كافر كوبات — палицы, окрашенные наполовину в черный цвет, которыми была вооружена часть приверженцев Абу-Муслима. Ср. Кетег. Указ. соч., стр. 472.

² طبرزينات Эти секиры, как указывает Джавалики, обычно возили у седел (см. Gawalikis Almuarrab, изд. E. Sachau. Leipzig, 1867, стр. 104).

³ دبوق Ср. Табари, Glossarium, стр. 236.

⁴ مجنمة

⁵ برجاس Ср. R. Dozy. Supplement aux dictionnaires arabes..., v. I, стр. 65.

Н. Н. НЕГМАТОВ

К ВОПРОСУ ОБ ЭТНИЧЕСКОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ
НАСЕЛЕНИЯ УСРУШАНЫ

Научные интересы нашего покойного учителя А. Ю. Якубовского были поистине многогранны. Наряду с другими важнейшими проблемами среднеазиатской истории, его всегда интересовал вопрос об этногенезе народов Средней Азии, которому он посвятил несколько специальных работ и немало страниц во многих обобщающих трудах.

Памяти дорогого учителя автор посвящает данную статью об этнической принадлежности населения одной из раннесредневековых областей среднеазиатского междуречья — Усрушаны¹.

* * *

Согдийцы впервые упоминаются в 522—517 гг. до н. э.² в Бехистунской надписи Дария, где указывается, что Согд простирался до области саков. По сведениям Геродота (V в. до н. э.), Средняя Азия была заселена в середине I тысячелетия до н. э. согдийцами, бактрийцами, хорезмийцами, гирканцами, ариями и саками. Согласно Страбону, Согдиана лежала «выше Бактрии к востоку, между рекой Оксом (Аму-Дарья)... и Яксартом (Сыр-Дарья), последний служит границей между согдийцами и кочевниками»³. По Птолемею (II в. н. э.), «Согдиана на западе граничит с частью Скифии, на севере — с частью Скифии у реки Яксарта, на востоке — с саками у Яксарта, на юго-западе — с частью Бактрии у Окса...»⁴, «Саки отделены от согдийцев Яксартом, а согдийцы от бактрийцев — Оксом»⁵. Или же, согласно Дионисию Периегету (II в. н. э.), «за Согдианой, по течению Яксарта обитают саки»⁶.

Таким образом, под Согдом античные авторы понимают долины Зеравшана, Кашка-Дарьи и территорию Усрушаны⁷. Северной границей Согда

¹ Сокращенная глава из диссертации «Усрушана в VII—X вв. н. э. по материалам письменных и археологических источников».

² В. В. Струве. Датировка Бехистунской надписи. ВДИ, 1952, № 1 (39), стр. 26—48.

³ Страбон, XI, 2, 1—2; см. Древние авторы о Средней Азии (VI в. до н. э.—III в. н. э.). Хрестоматия под ред. Л. В. Баженова. Ташкент, 1940, стр. 98, а также стр. 124 (в дальнейшем: Древние авторы о Средней Азии...).

⁴ Птолемей. География, IV, 12, см. Древние авторы о Средней Азии..., стр. 125.

⁵ Страбон, VII, 3, 12; см. Древние авторы о Средней Азии..., стр. 23.

⁶ Древние авторы о Средней Азии..., стр. 23.

⁷ Усрушана позже, в VII—X вв. н. э., включала в себя территорию между Гиссарским хребтом на юге и Сыр-Дарьей на севере, согдийскими рустакми Яркат и Пянджикент на западе и Ферганским округом Асбара (Исфара) и областью Ходжента (Ленинабад) на востоке и северо-востоке.

была Сыр-Дарья, которая являлась северной же границей раннесредневековой Усрушаны. За Сыр-Дарьей к северу обитали саки.

Геродот создал некоторую путаницу в интересующем нас вопросе. По его словам, «земли, от бактрийцев до эглов» входили в состав XII сатрапии ахеменидского государства, в состав же XVI сатрапии входили, наряду с парфянами, хорезмийцами, арями, и согдийцы¹. Согласно Птолемею, «в северном отрезке Яксарт» живут «ятии, тохары, под ними авгалы, далее за согдийскими горами — оксидранки, дрибакты и кандары»². Академик В. В. Струве считает эглов одним из согдийских племен, живших к югу от Сыр-Дарьи и отождествляет их с аугалами Птолемея (IV, 12)³. К такому отождествлению приходит и Л. В. Баженов⁴. Очевидно, В. В. Струве и Л. В. Баженов правы, помещая эглов (авгалов) на территории Усрушаны и Ходжента. Если это так, то эглы (авгалы) являлись согдийским племенем и вошли в состав раннесредневековых усрушанцев. Геродот же, включив согдийцев в XVI сатрапию, основной территорией которой было амударьинское левобережье (парфяне, арии и хорезмийцы), допустил ошибку. Скорее всего согдийцы входили в XII сатрапию, наряду с родственными им племенами. Эта сатрапия была им близка как территориально, так и по племенному составу. Еще В. В. Бартольд сомневался в том, что Согд входил в одну сатрапию с Хорезмом, будучи отделенным от Бактрии⁵. По мнению Л. В. Баженова, «Соединение Согдианы в один округ с Хоразмией и Парфией — несомненная ошибка Геродота; раз Бактрия соединена с эглами, то в этот же, т. е. двенадцатый округ, входила и Согдиана»⁶.

Квинт Курций Руф (I в. н. э.) называет восстание семи древнеусрушанских городов (Кирополя, Газы и др.) против Александра Македонского «отпадением согдийцев»⁷; следовательно, он считал жителей этих городов согдийцами. Это отмечено и Птолемеем: «На Яксарте расположен горный город согдийцев Киресхат»⁸. На основе приведенных данных К. В. Тревер также называет население семи восставших древнеусрушанских городов согдийцами⁹. В другой работе Тревер считает, что «приречными варварами» были, по всей вероятности, родственные согдийцам по крови и языку жители горной Усрушаны»¹⁰. Очевидно, согдийским племенем были отмеченные Курцием Руфом мамацены, заселявшие один из древнеусрушанских городов. «Мамацены — храброе, мужественное племя — оказали во время усрушанского восстания сильное сопротивление Александру Македонскому»¹¹.

Суммируя сказанное выше, можно утверждать, что древнюю Усрушану населяли согдийские племена (эглы—авгалы, мамацены и другие, неизвестные нам) и что население ее было родственно по языку и происхождению согдийцам долины Зеравшана. Вполне установленным можно считать также, что территория Усрушаны входила в XII сатрапию ахеменидского государства и в связи с этим более чем вероятным становится и сказанное выше о вхождении согдийцев долины Зеравшана в ту же сатрапию.

¹ Геродот, III, 92, 93; см. Древние авторы о Средней Азии..., стр. 36.

² Птолемей, IV, 12; см. Древние авторы о Средней Азии..., стр. 125.

³ История народов Узбекистана, т. I. Изд-во АН УзССР, Ташкент, 1950, стр. 57, 58.

⁴ Древние авторы о Средней Азии..., стр. 153, прим. 79.

⁵ В. В. Бартольд. Сведения об Аральском море и низовьях Аму-Дарьи с древнейших времен до XVIII в. Изв. ТОРГО, т. IV, вып. II, Ташкент, 1902, стр. 617.

⁶ Древние авторы о Средней Азии..., стр. 153, прим. 84. Эту точку зрения поддерживает также В. М. Массон [В. М. Массон. Из истории древнего Согда. Сб. студенческих работ САГУ, вып. III (гуманитарные науки). Ташкент, 1951, стр. 61].

⁷ Древние авторы о Средней Азии..., стр. 65.

⁸ Там же, стр. 125.

⁹ К. В. Тревер. Александр Македонский в Согде. «Вопросы истории», 1947, № 5, стр. 116.

¹⁰ История народов Узбекистана, т. I, стр. 72.

¹¹ Древние авторы о Средней Азии..., стр. 66.

Население Усрушаны с древнейших времен было оседло-земледельческим. Это отмечается и античными авторами и подтверждается позднейшими исследователями.

Арриан (I—II вв. н. э.) жителей древнейшей Усрушаны называет «варварами»: «Тем временем приречные варвары схватили македонских солдат, составлявших гарнизоны в их городах, умертвили их и для большей безопасности сильнее укрепили свои города. В этом отпадении приняло участие много согдиан, побужденных к тому схватившими Бесса лицами»¹. В другом месте Арриан пишет: «Называли семь городов (древнеусрушанских. — Н. Н.), в которых нашли убежище варвары той страны»². Варварами называет Арриан и жителей самого большого города Усрушаны—Кирополя³. В этом В. В. Григорьев видит отличие населения древнейшей Усрушаны от согдийцев. Он пишет: «... Кто же были те, «ближайшие к реке варвары», которые вырезали македонские гарнизоны? Вопрос этот мог бы показаться праздным, если бы не следующая фраза Арриана, что к восстанию приложились и «многие из согдийцев»: значит, он отличает согдийцев от означенных «восставших варваров», значит, были это не согдийцы, а какой-то другой народ... левое побережье Сыра, не только в низовье этой реки, но и по среднему ее течению, ничего общего с Согдом не имеет и даже политически никогда не причислялось, почему и обитатели этого побережья, может быть, и даже весьма вероятно, родственные согдийцам по крови и языку, тем не менее имени этого не носили, а звались как-нибудь иначе, и Арриан прав, отличая их от согдийцев»⁴. В. В. Григорьев считал, что «варварами» Аррианом названы восставшие жители Усрушаны, составлявшей отдельную область, независимую от Согда⁵.

По словам В. В. Григорьева, «варварами» называлось только население древнейшей Усрушаны. Однако В. В. Григорьев неправ — «варварами» античные авторы называли все негреческое население завоеванных греками стран, во всяком случае, все среднеазиатские племена и народности⁶. В. В. Григорьев неправ также и в том, что «... левое побережье Сыра... и по среднему ее течению (т. е. он имеет в виду Усрушану — Н. Н.), ничего общего с Согдом не имеет», хотя сам признает, что население было родственным согдийцам «по крови и языку». Усрушанцы, несомненно, — те же самые согдийцы: они были близки им по языку (о чем ниже), культуре, быту, нравам и обычаям. В. В. Григорьев не совсем прав и в том, что Усрушана политически никогда к Согду не причислялась. Усрушана впервые выступает как самостоятельная область, очевидно, в IV—V вв. и оставалась таковой до конца IX в. Выделение ее в самостоятельную область произошло в результате кризиса рабовладельческих отношений, распада великих среднеазиатских империй (Кушан, Кангюй) и последовавшей политической, экономической и культурной раздробленности. Что же касается древнейшего периода, то территорию Усрушаны, как мы уже указывали, античные авторы всегда включают в состав Согда. Следовательно, Усрушана в древнейший период входила в Согд и выступала под этим именем. В. В. Григорьев прав только в одном — население Усрушаны было родственно согдийцам «по крови и языку».

Несомненно, что согдийцы, охарактеризованные античными авторами как единая народность, делились на ряд племен и родов. «Говорить

¹ Арриан. Анабазис Александра или История походов и завоеваний Александра Великого. Перевел Н. Кореньков. Ташкент, 1911, стр. 153, 154.

² Там же, стр. 154.

³ Там же, стр. 155.

⁴ В. В. Григорьев. Поход Александра Великого в Западный Туркестан. ЖМНП, сентябрь—октябрь, 1881, стр. 29, 30.

⁵ Там же, стр. 35.

⁶ В этом можно убедиться, просмотрев «Историю походов» самого Арриана, сведения Страбона, Плиния Старшего (I в. н. э.), Квинта Курция Руфа и др.

о едином согдийском или хорезмийском народе в этот период (в период рабовладельческих отношений. — Н. Н.) еще нельзя. Образуются лишь местные центры, различные местные мелкие народности Согда, Хорезма, Балха, Хорасана и других областей», — пишет Б. Г. Гафуров¹. Вероятно, согдийские племена, населявшие в древнейший период Усрушану, имели свои родовые и племенные говоры.

Что усрушанское население было согдийским, подтверждает и Сюань Цзан (первая половина VII в. н. э.); страну между Суябом и Кешем, куда входила и территория Усрушаны, он называет Сули (Согд), а жителей ее — согдийцами. Как уже отметил В. В. Бартольд², ал-Бируни всех зороастрийцев Мавераннахра делил на хорезмийцев и согдийцев³; следовательно, под последними он понимал согдийцев в широком смысле слова (население самаркандского Согда и Кашка-Дарьи, бухарцев и усрушанцев), т. е. население всей территории, называемой античными авторами Согдианой. Сведения Сюань Цзана свидетельствуют и о культурном единстве страны Сули. Показателем такого единства могут служить также близкие культурные и торговые связи согдийцев и усрушанцев. С этой точки зрения очень интересна согдийская колонизация, шедшая по направлению Семиречья и Восточного Туркестана. Если согдийцы имели хозяйственные, торговые и культурные связи с Чачем, Ферганой, Семиречьем и даже с Восточным Туркестаном и Китаем, то такие же связи, но, конечно, более тесные, были и с Усрушаной. Кроме того, следует сказать, что между Согдом и Усрушаной едва ли проходила четкая граница, и отдельные рустак и поселения входили то в одну, то в другую область. Несомненно, что первой предпосылкой и следствием такого культурного единства и близких связей является этническая близость населения обеих областей.

Говоря об этногенетическом процессе в Усрушане, мы должны различать два района: горную Усрушану, включая верховья Зеравшана, и равнинно-степную. В горной части страны этот процесс происходил проще, от согдоусрушанцев к таджикам. Здесь вплоть до позднего средневековья, — и во многих районах до настоящего времени, — совершенно отсутствует тюркоязычный элемент. А. Ю. Якубовский писал о населении верхнезеравшанских рустак (округов): «Только таджики, обитающие в горных районах верхнего Зарафшана, в какой-то мере могут считаться прямолинейными потомками древних согдийцев, живших там»⁴.

Обитатели малодоступных долин и ущелий высокогорных районов жили в условиях сравнительно большей изоляции. В горных районах и глухих теснинах население в раннее средневековье почти не соприкасалось с пришлыми элементами. Здесь сохранилось количественно малое ягнобское население (на Ягноб-Дарье и в ряде других мест), до нашего времени говорящее, наряду с таджикским, на языке, родственном согдийскому.

В равнинной и степной Усрушане этногенетический процесс протекал более сложно. Здесь наблюдается проникновение кочевых ираноязычных племен для древнейшего периода (саки, кушаны — юечжи, эфталиты) и тюркоязычных для средневековья (тюрки Западнотюркского каганата, огузы, караханидские тюрки и др.). Однако это проникновение кочевых ирано-тюркоязычных племен и народностей было, видимо, незначительно.

¹ Б. Г. Гафуров. История таджикского народа в кратком изложении, т. I, изд. 2-е. Госполитиздат, 1952, стр. 91.

² К вопросу о языках согдийском и тохарском. Сб. «Иран», I, Изд-во АН СССР, 1927, стр. 34.

³ Ал-Бируни. Хронология (цит. по указ. соч. В. В. Бартольда).

⁴ История народов Узбекистана, т. I, стр. 10; ср. А. Ю. Якубовский. Итоги работ Согдийско-Таджикской археологической экспедиции в 1946—1947 гг. Труды СТАЭ, т. I, МИА, № 15, 1950, стр. 8 и 48.

О сложности процесса этногенеза на северной окраине Усрушаны можно судить пока лишь по результатам исследования могильника близ Ширин-сая, раскопанного Фархадской археологической экспедицией в 1943—1944 гг. М. М. Герасимов, изучавший антропологический материал Ширин-сайского могильника, указывает на пестроту антропологического состава этого района в III—IV вв. н. э.¹, хотя и отмечает, что «...изучение могильника, конечно, не может дать исчерпывающих сведений о всей сложности картины формирования определенных антропологических категорий современной Средней Азии, но он прекрасно иллюстрирует всю чрезвычайную сложность этой исторической картины»². К аналогичному заключению относительно пестроты состава населения района Ширин-сая на основе изучения обрядов захоронений пришел и В. Ф. Гайдукевич. Основную причину различия ритуала захоронения В. Ф. Гайдукевич предлагает видеть «...в разнородности этнических слагаемых, из которых исторически формировалось население на данной территории»³.

Разнородность населения, о которой можно судить по материалам Ширин-сайского могильника, А. Н. Бернштам отчасти объясняет как результат проникновения в этот район гуннов. По его словам, «вторжение гуннов в Среднюю Азию, в частности, и в указанные районы (имеется в виду и район Ширин-сая. — Н. Н.) было чревато усилением тюркского этногенеза. Начали складываться тюркоязычные группы племен и облик культуры, свойственный современному тюркоязычному населению Средней Азии»⁴.

Насколько нам известно, в письменных источниках нет сведений о проникновении гуннов в Среднеазиатское междуречье. Впрочем, и сам А. Н. Бернштам опровергает высказанное им предположение: «Ввиду того, — пишет он в другом месте, — что Согд занят кушанами, впоследствии эфталитами, путь гуннов лежал не южнее Сыр-Дарьи»⁵. Получается явное противоречие: то в могильнике близ Ширин-сая, лежащем к югу от Сыр-Дарьи, Бернштам видит следы проникновения гуннов, то «...путь гуннов лежал не южнее Сыр-Дарьи». Л. Р. Кызласов и Н. Я. Мерперт берут под сомнение включение в число гуннских памятников даже катакомбы Ташкентского оазиса⁶. Еще меньше оснований говорить о Ширин-сайском могильнике, расположенном значительно южнее, как о гуннском. Несомненно более прав В. Ф. Гайдукевич, который считает население района Ширин-сая в первые века нашей эры оседло-земледельческим и что нижние слои Мунчак-тепе составляют единый культурно-исторический комплекс с могильником Ширин-сай⁷. Могильник и поселение с таким укладом жизни могут быть памятниками, оставленными только оседлым, издавна обитавшим на данной территории населением, и нет никаких оснований искать здесь следов кочевников-гуннов.

М. М. Дьяконов отмечал, что нет особых оснований ожидать на территории Усрушаны значительных памятников кочевнической культуры,

¹ М. М. Герасимов. Основы восстановления лица по черепу. М., 1949, стр. 126.

² Там же, стр. 129. Как нам кажется, антропологическое изучение черепов из могильника близ Ширин-сая и выводы (кроме приведенных выше в тексте), полученные в результате изучения, несколько запутаны и сомнительны. До получения новых антропологических данных с территории равнинной Усрушаны, подтверждающих или отвергающих эти выводы, мы воздерживаемся от их полного использования.

³ В. Ф. Гайдукевич. Могильник близ Ширин-сая в Узбекистане. СА, XVI, 1952, стр. 348.

⁴ А. Н. Бернштам. Древняя Фергана (научно-популярный очерк). Ташкент, 1951, стр. 20, 21.

⁵ А. Н. Бернштам. Очерк истории гуннов. ЛГУ, 1951, стр. 112.

⁶ См. рецензию на «Очерк истории гуннов» А. Н. Бернштама в ВДИ, 1952, № 1 (39), стр. 102.

⁷ В. Ф. Гайдукевич. Указ. соч., стр. 354, 355; ср. его же. Работы Фархадской археологической экспедиции в Узбекистане в 1943—1944 гг. КСИИМК, XIV, стр. 101.

поскольку Усрушана издревле была земледельческим районом¹. Предварительной археологической разведкой, проведенной Усрушанским отрядом Таджикской археологической экспедиции в 1950 г. в Науском, Ура-Тюбинском и Шахристанском районах Ленинадской области, таких памятников также пока не обнаружено.

Свидетельств о тюркском элементе в Усрушане интересующего нас времени, а также о тюркизации усрушанского населения, в нашем распоряжении очень мало. Перечислим их. Согласно ат-Табари, Тахир ибн ал-Хусейн (821—822 гг.) после выступления Абдурахмана ан-Нишабури ал-Муттави в Нишапуре отправился к тогузгузам Усрушаны². Эти тогузгузы были призваны в Усрушану Фадлом, сыном Кавуса, для борьбы с арабами в самом начале 20-х годов IX в.³ Однако они скоро удалились в степь. В IX—X вв. огузы кочевали в присыр-дарьинской части Голодной степи, т. е. за северо-западной границей Усрушаны. Ибн Хаукаль эту соседнюю с Усрушаной степь называет страной гузов⁴. Очевидно, этот факт имел в виду А. Ю. Якубовский, писавший: «Проникали тюрки и в Усрушану. Согласно ат-Табари (тогузгузы, тогузогузы), это проникновение началось повидимому, в 820 г. и продолжалось очень недолго»⁵. Нельзя также не отметить наличия хозяйственных, торговых и политических связей Усрушаны с гузской соседней кочевой степью, с Западнотюркским каганатом и вообще с тюркоязычным населением северо-восточной части Средней Азии. Небезинтересно также, что один из афшинов (царей) Усрушаны носил тюркское имя — Харабугра. Известен также брак афшина Хасана, сына Хайдара, с тюрчанкой Утрунджой, дочерью тюрка — военачальника халифа ал-Мутасима (833—842 гг.) — Ашнаса⁶. Однако эти факты, на наш взгляд, не дают еще достаточного основания категорически говорить об отюречении, хотя бы и частичном, усрушанской правящей династии⁷.

Известные нам факты, как видим, очень малочисленны, и поэтому вряд ли можно предположить отюречение усрушанского населения в языковом смысле или же наличие среди него значительной массы тюркоязычного элемента. Несомненно, однако, что некоторое количество тюркоязычного населения (воинов-тюрков и пр.) в равнинной Усрушане раннего средневековья было. Что же касается горной Усрушаны, особенно верховий Зеравшана, то там отюречение местного населения не происходило, и до нашего времени там отсутствует тюркоязычное население. Поэтому утверждение А. Ю. Якубовского о том, что в долине верхнего Зеравшана «... намечалось отюречение согдийского... населения в языковом смысле...» в результате сближения, браков между коренным ираноязычным населением и пришлым и якобы местным тюркоязычным⁸, — представляется нам пока недоказанным. О. И. Смирнова указывает на почти полное отсутствие тюркского слоя в топонимике верховий Зеравшана, где подавляющее большинство древних названий сохранилось до наших дней (например, Урмитан и др.)⁹.

¹ М. М. Дьяконов, Перспективы археологического изучения Таджикистана. Труды Таджикского филиала АН СССР, т. XXIX. История, археология, этнография, язык и литература. Сталинабад, 1951, стр. 23.

² Annales quos scripsit Abu-Djafar Mohammed ibn Djarir at-Tabari. Edidit M. J. de Goeje. Lugduni Batavorum, III, стр. 1044 (в дальнейшем: ат-Табари).

³ В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, т. II. СПб., 1900. стр. 217.

⁴ ВГА, II, стр. 381.

⁵ А. Ю. Якубовский. К вопросу об этногенезе узбекского народа. Ташкент, 1941, стр. 8.

⁶ Ат-Табари, III, стр. 1300.

⁷ А. Ю. Якубовский. Древний Пянджикент. Сб. «По следам древних культур». М., 1951, стр. 225.

⁸ История народов Узбекистана, т. I, стр. 10.

⁹ О. И. Смирнова. Вопросы исторической топографии и топонимики верхнего Зарафшана. Труды СТАЭ, т. I, МИА, № 15, 1950, стр. 65, 66.

В свете всего сказанного не совсем верным и убедительным является утверждение С. П. Толстова о том, что в этногенезе тюркоязычных узбеков «...общие с таджиками согдийские, ферганские, осрушанские элементы играли выдающуюся роль»¹. Нас интересуют в данном случае усрушанские элементы, роль которых считать «выдающейся» в этногенезе узбеков было бы большой натяжкой, ибо исторических фактов, свидетельствующих в пользу такого утверждения, во всяком случае для раннего средневековья, очень мало.

Переходим к вопросу о языке населения Усрушаны². Прогремевший на весь арабский халифат судебный процесс усрушанского афшина и одного из крупнейших военачальников халифа ал-Му'тасима (833—842 гг.) Хайдара (ал-Афшина) дает весьма ценные сведения по интересующему нас вопросу. Один из свидетелей обвинения, Марзубан сын Туркаша, на суде спрашивает Хайдара: «...Как пишут тебе люди твоей страны? Он ответил: Подобно тому, как они обычно писали моему отцу и деду. [Марзубан] сказал: А скажи! [Хайдар] ответил: Не скажу; тогда Марзубан сказал: Не писали ли тебе они (жители Усрушаны. — Н. Н.) так-то и так-то по-усрушански? Он ответил: Да; [Марзубан] сказал: Не означает ли их значение по-арабски: К богу богов от раба его такого-то сына такого-то? [Хайдар] ответил: Да»³.

Приведенный отрывок ат-Табари указывает, во-первых, на существование отдельного усрушанского языка, во-вторых, на близость этого языка с согдийским, ибо один из согдийских дихканов, обвинитель Марзубан, сам согдиец, понимал по-усрушански (как явствует из отрывка ат-Табари, он сначала привел формулу обращения к афшинам по-усрушански, а затем перевел ее на арабский язык).

Другое известие о существовании усрушанского языка дает Ибн Хаукаль: «И самый большой город ее назывался на языке (диалекте) Усрушаны Бунджикас (بلسان الاشرو سنة)»⁴.

Чрезвычайно интересна надпись на обломках венчика серебряного сосуда, найденного Фархадской археологической экспедицией в культурном слое V—VI вв. н. э. на северо-восточном крае Мунчак-тепе.

Надпись сохранилась на четырех обломках, но, повидимому, она занимала значительную часть венчика. Наиболее хорошо сохранился четвертый фрагмент. Надпись исследовали и прочитали В. А. Лившиц и К. В. Кауфман⁵. Она сделана согдийским письмом арамейского происхождения. По мнению авторов статьи, манера письма немного отличается от согдийской, но близка к манере надписей на бухарских монетах, поэтому они называют письмо надписи «бухарско-усрушанским» почерком согдийского письма. Облик букв на венчике более архаичный, чем согдийский. Здесь сказалось сохранение наиболее древних традиций. Язык — согдийский. На четвертом фрагменте вычеканены цифры: 6 динаров, 6 драхм и согдийское слово, означающее «сосуд». Повидимому, это стоимость самого сосуда. Остальные фрагменты не интерпретируются. В. А. Лившиц относит надпись к V—VI вв.

Для изучения языка жителей Усрушаны большой интерес могут представить имена членов афшинского дома: Кавус, Хаша, Ханахура (Харахура, Джононхура), усрушанских деятелей: Манкахур, сын Каруна ал-Ушрусани, дихкан Абарахурра (ابراخورة), имя прадеда ученого-усрушанца Абу-Тальхи Хакима, сына Насра, сына Халиджа — Джундабак; в некоторых из них имеется иранский компонент «хур, хвар» — солнце.

¹ Бируни и его время. Сб. «Бируни». М.—Л., 1950, стр. 13.

² Не будучи лингвистом, автор все же считает нужным привести некоторые сведения для выяснения общего вопроса о языковой принадлежности населения Усрушаны (Н. Н.).

³ Ат-Табари, III, стр. 1310, 1311.

⁴ ВГА, II, стр. 379.

⁵ В. А. Лившиц, К. В. Кауфман, И. М. Дьяконов. О древней согдийской письменности Бухары. ВДИ, 1954, № 1, стр. 161—163.

Исключительно интересны для изучения языка усрушанцев топонимические названия, раннесредневековые, позднесредневековые и дошедшие до нашего времени. Таковы названия с согдийским компонентом γr — гора: Паргар (Апаргар) из согдийского γr (*a par) — на, над + γr (* γar) — гора, нагорье, горная страна¹. Фальгар, Баргар (Фаргар) — варианты того же Паргара; Шагар (Бушагар; название рустака), современное селение Пшагар (на дороге из Заамина в Джизак) — с тем же согдийским компонентом.

Отметим названия с компонентом «майн»: местность Майн (близ селения Курут на Зеравшане), Тагобимайн (один из семи ручьев, орошавших местность селения Курута). «Майн» по-ягнобски и сейчас значит «селение». Этот же компонент можно обнаружить и в других местах Фальгара, например, в названии селения Таумен².

Очень интересно название селения Урмитан. По мнению О. И. Смирновой³, компонент «митан» характерен для Бухарского оазиса. Она пишет: «Этот компонент восходит к иранскому *maēdana* — жилище, дом, закономерно давшему в новоперсидском *mehan* — родина⁴ (синоним арабского: *وطن*, согдийского: *meḥan* — жилище, дом)⁵. Первая часть восходит к иранскому *voṃgi* — широкий, просторный⁶, *urmetan* — просторное жилище. Иранское *voṃgi* засвидетельствовано в Авесте в наименовании одной из северо-восточных полулегендарных стран (каршвар) *voṃru jərəšti*⁷.

В старом названии Захматабада — Варзимино (Варз) О. И. Смирнова предлагает видеть согдийское *Brz* — высокий; отсюда — Варз-и-мино — высокая башня, минарет⁸.

Отметим также выявленное название разрушенного селения в Ягнобской долине, — ныне летнего стойбища *Suṛdū*. «В этом названии, как и в названии селения *Suṛd* около Самарканда, сохранилось название древней Согдианы, что еще более выявляет исторические связи и отношение ягнобцев к согдийцам»⁹.

Большое количество топонимических названий встречается с восточно-иранским компонентом «кат (канд, кент)» в значении «поселение, город», например, — раннесредневековые города и селения: Бунджикат (Пенджикат), Ас-баникат (Арсубаникат, Исбаскат), Шавкат, Фагкат (Вагкат), Нуджкат, Куркат (Курдакат), Джанкакат; современные селения: Хшикат (на Дахкат-сае), Суркат, Дахкат, Хишкат и Манката на Зеравшане, Лякат; раннесредневековое Урканд (Узканд, Ракид); современные Пашкент (близ Ура-Тюбе), Вишканд (на Зеравшане), Паркент (в низовьях Шахристан-сая), Ходжа-мшкент (близ Савата).

Значительный интерес представляют имена с компонентом «джан», встречающиеся в названиях рек и каналов. Таковы раннесредневековые названия каналов рустака Бунджикат: Бурджан, Маджан, Самканджан, Руйджан (Равиджан), Сенбукджан; у селений, связанных с ручьями: Суджина, Наджона, Муджум (Муджен). Маркварт в частице «джан» предлагает видеть незасвидетельствованное в памятниках письменности согдийское слово со значением «канал»¹⁰.

¹ О. И. Смирнова. Указ. соч., стр. 58.

² М. С. Андреев. Краткий отчет о работах этнографической экспедиции в Таджикистане в 1925 г. Сб. «По Таджикистану», вып. 1. Ташкент, 1927, стр. 11.

³ О. И. Смирнова. Указ. соч., стр. 60.

⁴ Ch. Bartholomae. Altiranisches Wörterbuch. Strassburg, 1904, стр. 1106.

⁵ J. Marquart. Wehrot und Arang. Leiden. 1938, стр. 140.

⁶ Ch. Bartholomae. Указ. соч., стр. 1429.

⁷ Там же, стр. 1430.

⁸ О. И. Смирнова. Указ. соч., стр. 62, сноска 4.

⁹ С. И. Климчицкий. Ягнобцы и их язык. Труды Таджикстанской базы Академии Наук СССР, т. IX. История, язык, литература. М.—Л., 1940, стр. 138.

¹⁰ J. Marquart. Указ. соч., стр. 81.

Много топонимических названий встречается с флексией косвенного падежа -ан (Бутаман в «Худуд ал-алам», Фекнан, Яхтан, Дизган и пр.), с -ин (Сорин, селения Санджафин, Падрихин и пр.), с именным суффиксом -ак (города: Дизак, Газак, селения: раннесредневековый Суйдак, современные Поджиндак, Пальдорак, Устолак, Урбек, Гурбек, Кштундак), с именным суффиксом -ич (современные селения Зомбарич, Шамтич)¹.

В самом названии области «Усрушана» и в титуле усрушанских царей «афшин» исследователи видят иранские слова. П. И. Лерх объясняет значение слова «Усрушана» как «восточное жилище или восточная сторона», а значение титула «афшин» — как «повелевающий, властвующий над чем-то, властитель, владетель»². С объяснением титула «афшин», сделанным П. И. Лерхом, соглашается С. П. Толстов. Однако он считает более архаичными не приведенные выше согдийские значения этого титула, а его осетинские значения — «хозяйка, владетельница, госпожа»³. Само собой разумеется, что данные этимологии этих терминов устарели, и поэтому следует пересмотреть их в свете новейших исследований советских ученых по иранской лингвистике.

Наконец сам факт, что верховья Зеравшана (единственная местность, где сохранились и поныне остатки согдийского языка) входили в раннем средневековье в состав Усрушаны, подкрепляет тезис об этнической однородности населения Согда и Усрушаны и тезис о языковой близости обеих областей.

Отряд С. И. Климчицкого, изучавший ягнобцев и их язык, установил сферу распространения ягнобского языка к концу 30-х годов в долине р. Ягноб от селения Мархтумайн до селений Дех и Баянде включительно⁴. Ягнобоязычное население зарегистрировано также на южных склонах Гиссарского хребта и, что особенно важно для нас, к северу от Туркестанского хребта, где отмечены ягнобские селения Калача, Кадж-равут, Пушт, Ахта-хона и Новобод⁵.

На основании изложенного фактического материала можно прийти к очень важному выводу о том, что язык населения Усрушаны был территориальным диалектом согдийского языка, что усрушанская письменность была та же согдийская, возможно, с учетом некоторых особенностей усрушанского диалекта. Этот вывод подтверждают и сведения китайских хроник. В хрониках старшего дома Хань (206 г. до н. э. — 25 г. н. э.) говорится, что «от Давани на запад до государства Аньси, хотя есть большая разность в наречиях, но язык весьма сходен, и в разговорах понимают друг друга»⁶. В «Исторических записках» (Шицзи, гл. 123) говорится то же самое: «От Давани на западе до Аньси, хотя говорят различными языками, но в обыкновениях весьма сходятся и в разговорах понимают друг друга»⁷. Согласно Сюань Цзану, язык и письменность населения страны

¹ В языковом отношении могут быть интересны также названия современных селений Росравут (на Дахкат-сае), Варсаут (на Ягноб-Дарье), Ховрут (на Зеравшане), Фанмаут (на Зеравшане), перевал Арсоут, Бискара (Бискун), Вакр, Минк (названия рустанов), Кунб (название шахристана Бунджиката), Катван-диз (поселение), рабат Худайсар и мн. др.

² П. И. Лерх. Монеты Бухар-худатов. ТВОРАО, т. 18, СПб., 1909, стр. 79—81.

³ С. П. Толстов. Древний Хорезм. Изд. МГУ им. Ломоносова, 1948, стр. 325. примечание 4. Попытку объяснить название «Усрушана» сделали также В. Томашек и Вивьен де Сен-Мартен. Однако даваемые ими объяснения данного термина очень неправдоподобны. См. W. Tomaschek. Centralasiatische Studien, I, Sogdiana. Wien, 1877, стр. 54, 55. Ф. Розенберг титул «афшин» (как и «ихшид») ставит в связь с согдийским глаголом 'yšy — 'yšup — велеть, царствовать, с переходом корневого глагольного 'y в f. См. О согдийцах. ЗКВ, I, 1925, стр. 84.

⁴ С. И. Климчицкий. Указ. соч., стр. 137, 138.

⁵ Там же, стр. 137.

⁶ Н. Я. Бичурин (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.—Л., 1950, т. II, стр. 188.

⁷ Там же, стр. 161.

Сули (между Суябом и Кешем) назывались по имени страны (Сули — Согд в широком понимании), т. е. согдийскими¹. Эти сведения китайских авторов «...позволяют сделать заключение, что в VII—VIII вв. н. э. в долине Зеравшана, Усрушане и Кашка-Дарьинском оазисе (а также в Чаче) господствовал согдийский язык»² и его диалекты. По мнению А. Ю. Якубовского, в долинах Зеравшана, Кашка-Дарьи и в Усрушане вплоть до IX—X вв. говорили на согдийском языке³.

Таким образом, все сказанное дает основание сделать следующие выводы: 1) древнейшее население на территории Усрушаны состояло в основном из согдийских племен, родственных населению Зеравшанской долины; 2) в результате слияния древнеусрушанских согдийских племен в I тысячелетии н. э. сложилось относительно единое усрушанское население; 3) один из родовых или племенных говоров древнеусрушанских согдийских племен послужил основой усрушанского диалекта согдийского языка. Вместе с тем усрушанское население, несмотря на большое родство с согдийцами Зеравшана, несомненно, имело и некоторые различия в нравах, быту, культуре и языке (диалекте).

¹ Mémoires sur les contrées occidentales, t. I, стр. 12, 13, цит. по В. В. Бартольд. О христианстве в Туркестане в домонгольский период. ЗВОРАО, т. VIII, СПб., 1893, стр. 3.

² А. М. Мандельштам. Сложение таджикской народности в Среднеазиатском междуречье. Автореферат кандидатской диссертации. М.—Л., 1951, стр. 13.

³ Труды СТАЭ, т. I. МИА, № 15. 1950, стр. 9.

Ю. А. ЗАДНЕПРОВСКИЙ

ОБ ЭТНИЧЕСКОМ СОСТАВЕ НАСЕЛЕНИЯ
ДРЕВНЕЙ ФЕРГАНЫ

«Этнический состав древней Ферганы периода до образования западного тюркского каганата, т. е. до 50—60 гг. VI в., до сих пор еще не изучен».

(А. Ю. Якубовский. К вопросу об этногенезе узбекского народа. Ташкент, 1941, стр. 4).

А. Ю. Якубовский неоднократно обращался к изучению одной из наиболее сложных и актуальных проблем истории народов Средней Азии — к проблеме этногенеза и много сделал для решения ее¹. В своих исследованиях он выдвинул и обосновал конкретными фактами следующее важное положение: «Все народы, живущие на территории Средней Азии, связаны между собой не только политически, экономически и культурно, но в какой-то мере и этногенетически»². Это характерно особенно для исторических судеб таджикского и узбекского народов. Совершенно справедливо А. Ю. Якубовский указывал на то, что узбекский народ сформировался задолго до появления в XV в. кочевников-узбеков и что свою оседло-земледельческую культуру он создавал на базе культуры древнего населения Чача и Ферганы, Согда и Хорезма.

Чрезвычайно важно также заключение А. Ю. Якубовского о том, что «...вся история тюркского населения Мавераннахра, а в древности Согда, Хорезма, Ферганы, Шаша (Ташкентской области), есть история узбекского народа»³.

А. Ю. Якубовского интересовали главным образом вопросы этногенеза народов Средней Азии в эпоху средних веков. Поэтому, характеризуя, например, население Ферганы, он не касался слабо изученного древнего периода истории и считал возможным говорить о появлении тюрков и об отюречивании местного населения только с VI—VIII вв. Материалы, появившиеся в последние годы, позволяют осветить, — правда, в общей форме, — некоторые стороны вопроса об этническом составе древней Ферганы.

¹ Этой теме посвящены широко известные специальные работы А. Ю. Якубовского: К вопросу об этногенезе узбекского народа, 1941; Вопросы этногенеза туркмен в VIII—X вв. СЭ, 1947, № 3, стр. 48—54; Предисловие и ряд разделов в «Истории народов Узбекистана», т. I, 1950; в I и II томах Трудов ТАЭ (СТАЭ) — МИА, № 15, 1950 и МИА, № 37, 1953; рецензия на книгу Б. Гафурова «История таджикского народа» — «Вопросы истории», 1950, № 7.

² [А. Ю. Якубовский]. История народов Узбекистана, т. I. Изд-во АН УзССР, Ташкент, 1950, предисловие, стр. 7.

³ История народов Узбекистана, т. I, стр. 8.

Краткие, но содержательные сведения китайских хроник, а также некоторые палеоантропологические материалы являются пока основными источниками для характеристики населения древней Ферганы¹.

В Ферганской долине антропологические материалы первых веков нашей эры обнаружены в ряде пунктов (см. таблицу). Они происходят из катакомбных погребений могильника Гур-мирон (раскопки А. Н. Бернштама, 1951 г.) и Кара-джар (работы Н. Н. Забелиной, 1953 г.), могильника Ширин-сай у Беговата (исследован В. Ф. Гайдукевичем, 1943—1944 гг.), курганов у селения Варух (раскопки Б. А. Литвинского, 1952 г.), из наземных склепов — мугхона (раскопки М. Э. Воронца и В. И. Спришевского, 1950—1951 гг.), из пещеры Кува-сай (обследована сотрудником Ферганского музея Н. Г. Горбуновой), древних выработок в Хайдаркане и из района Лугумбек на трассе Большого Ферганского Канала.

Антропологические находки в Фергане первых веков нашей эры

Антропологический тип	Север		Восток		Юг			Запад	Всего
	Гур-мирон	Муг-хона	Лугумбек	Кара-джар	Кува-сай	Хайдаркан	Варух	Ширин-сай	
Европеоидный	8	2	—	1	5	—	1	—	17
Европеоидный „андроновский“	2	—	—	—	—	—	—	—	2
Европеоидный брахикранный тип Среднеазиатского междуречья	5	—	2	—	7+3	1	3	—	21
Европеоидный долихокранный	—	—	1*	—	—	—	1	2	4
Монголоидный брахикранный, близкий южносибирскому	—	—	1	—	—	—	—	—	1
Долихо-мезокранный урало-алтайский	—	—	—	—	—	—	—	2	2
Европеоидные, смешанные с другими типами	—	—	2	—	—	—	—	2	4
	15	2	5+1	1	7+1+7**	1	5	6	51

* Череп найден возле городища Кайноват. Отнесение его к первым векам нашей эры вызывает сомнение.

** Семь черепов взрослых особей, один — ребенка 8—9 лет и 7 черепов — детей от 2 до 5 лет.

Кроме того, известно одно погребение в культурном слое на городище древнего Касана VI—VIII вв. Могут быть также привлечены и антропологические материалы, полученные из Кукальдинского могильника (V—VII вв.) в Алайской долине. Эти материалы исследованы В. В. Гинзбургом (череп из Гур-мирона и Кува-сай², Кара-джара³ и Хайдаркана⁴), В. Я. Зезенковой (из Муг-хона, Лугумбека⁵ и Варуха⁶) и М. М. Герасимовым⁷. В Фергане для этого времени известно всего около 50 черепов.

Исследованиями выявлено существование следующих основных и смешанных антропологических типов населения древней Ферганы: 1) евро-

¹ При написании работы автор пользовался консультацией и неопубликованными материалами В. В. Гинзбурга, которому и приносит глубокую благодарность.

² В. В. Гинзбург. Материалы к антропологии населения Ферганской долины в первых веках нашей эры (рукопись хранится в секторе Средней Азии и Кавказа ИИМК).

³ Определение В. В. Гинзбурга не опубликовано.

⁴ В. В. Гинзбург. Материалы к палеоантропологии восточных районов Средней Азии. (Гуны и саки Тянь-Шаня, Алая и Южного Памира). КСИЭ, XI, 1950, табл. 2, № 18.

⁵ В. Я. Зезенкова. Материалы к палеоантропологии Узбекистана и Туркмении. Сб. «Вопросы этногенеза народов Средней Азии в свете данных антропологии». Ташкент, 1953, стр. 98—101.

⁶ Материал не опубликован.

⁷ М. М. Герасимов. Основы восстановления лица по черепу. М., 1949.

пеоидный «андроновского» типа; 2) европеоидный брахикранный тип Среднеазиатского междуречья (памиро-ферганский); 3) европеоидный долихокранный тип; 4) монголоидный брахикранный, близкий южносибирскому типу; 5) долихо-мезокранный урало-алтайский тип и 6) европеоидные, смешанные с другими типами.

В древней Фергане обитали, следовательно, представители двух основных больших рас — европеоидной и монголоидной. Подавляющее большинство исследованных черепов принадлежит европеоидному типу; только семь черепов из пятидесяти относятся к монголоидному и смешанному.

Среди европеоидного типа выделяются несколько разновидностей или рас второго порядка. Первое место занимает европеоидный брахикранный — 14 черепов, затем долихокранный тип — 3 черепа и «андроновский» — 2 черепа. В древней Фергане основным расовым типом являлся, как и в ряде других областей Средней Азии, европеоидный брахикранный тип Среднеазиатского междуречья (памиро-ферганский), характерный и для современных обитателей Ферганской долины.

Местное население древней Ферганы существовало и развивалось не изолированно, смешиваясь и включая в свой состав отдельные группы населения западного и восточного происхождения. В нем был представлен в незначительном количестве и долихокранный европеоидный тип. Известно, что Аму-Дарья является в Средней Азии границей между зонами распространения европеоидного населения долихокранного и брахикранного типа; в древности же отдельные группы населения долихокранного типа проникали довольно далеко за Аму-Дарью.

На территории от Аму-Дарьи до Семиречья в разных местах неоднократно отмечались единичные находки черепов долихокранного типа, относящиеся к первым векам нашей эры. Появление их в Фергане, возможно, следует рассматривать наряду с обнаружением некоторых черепов, очевидно, южного происхождения¹, как свидетельство о связях и проникновении населения из южных и юго-западных областей Средней Азии.

На материалах Ферганы и некоторых других областей, как полагает В. В. Гинзбург, можно проследить развитие европеоидного типа Среднеазиатского междуречья из более древнего и более грубого европеоидного, — называемого «андроновским»². «Андроновский» тип в значительно большем количестве представлен в Семиречье и в Восточном Казахстане и, очевидно, был более характерен для населения этих районов³. Открытие черепов такого типа в погребениях Ферганы первых веков нашей эры служит доказательством сходства в антропологическом отношении части ее жителей с населением северо-востока Средней Азии, в первую очередь Семиречья и Тянь-Шаня.

О восточных связях, имея в виду и юго-восточные (Синьцзян), а также о возможном проникновении в Фергану отдельных групп населения с востока и юго-востока можно судить по находкам черепов совсем иного — монголоидного расового типа в Лугумбеке (на востоке) и в Ширин-сае (на западе).

Все приведенные факты дают возможность уже сейчас говорить о том, что население древней Ферганы в первой половине I тысячелетия н. э. не являлось однородным в антропологическом отношении и что в его состав спорадически вливались отдельные группы разного антропологического типа. Этнической разнородностью населения Ферганы объясняется,

¹ М. М. Герасимов. Указ. соч., стр. 126 (о черепе с примесью дравидоидных признаков и о черепе хоросанского типа).

² В. В. Гинзбург. Материалы к палеоантропологии восточных районов..., стр. 86.

³ В. В. Гинзбург. Материалы к антропологии древнего населения Восточного Казахстана. КСИЭ, XIV, 1952, стр. 86; его же. Древнее население Центрального Тянь-Шаня и Алая по антропологическим данным (I тысячелетие до н. э. — I тысячелетие н. э.). Тр. ИЭ, новая серия, т. XXI, 1954, стр. 362.

очевидно, разнообразие форм погребальных сооружений первых веков нашей эры, открытых на территории долины (погребения в подземной камере, «катакомбе», в подбое, в грунтовой яме, в наземных каменных склепах «мугхона», в «каменных ящиках» и в пещере)¹.

К выяснению этнического состава обитателей древней Ферганы можно прийти только косвенным путем. Основная масса их на рубеже нашей эры и первых веков нашей эры в антропологическом отношении была одинакова с населением Среднеазиатского междуречья и очень сходна с населением Нижнего Поволжья, Казахстана, Киргизии и особенно Восточного Туркестана². На обширной территории от нижней Волги до Восточного Туркестана и от Восточного Казахстана до Аму-Дарьи в последние века до нашей эры и в первые века нашей эры обитало европеоидное брахикранное население, близкое между собой в антропологическом отношении. Сходство расового типа жителей этой огромной территории, однако, еще не свидетельствует об их этнической однородности. Письменные источники сохранили названия многочисленных племен и народностей, обитавших в это время: сарматы, аланы, тохары, кангюйцы, усунь, саки, париканий (даваньцы — ферганцы), согдийцы, бактрийцы и многие другие.

Об этническом сходстве населения Среднеазиатского междуречья можно судить по сообщению китайской хроники Шицзи (I в. до н. э.), в котором подчеркнуто вместе с тем и значительное отличие отдельных народностей. Сыма Цянь (автор Шицзи) пишет: «От Давани (Ферганы) на запад до государства Аньси (Парфия), хотя довольно различна речь, но обычаи очень похожи и друг друга речь понимают. Все эти жители имеют впалые глаза и густые бороды»³. У Бань Гу, автора более позднего источника Цяньхانشу (I в. н. э.), дана почти та же характеристика, но в ней отсутствует слово «обычаи»⁴.

Чрезвычайно важно сообщение этих источников о том, что у родственных народностей Среднеазиатского междуречья языки, так же как и обычаи, были различными, но близкими. Китайцы отметили наиболее характерные признаки, отличающие европеоидное население от монголоидного, — впалые глаза и густые бороды⁵.

Наблюдения китайских авторов подтверждаются сообщением Страбона, сведения которого, очевидно, относятся к несколько более раннему времени: «Впрочем, название Арианы распространяется и на одну часть Персии и Мидии и на северные части Бактрии и Арианы, потому что все здешние народы почти нисколько не различаются по языку» (подчеркнуто мною. — Ю. З.)⁶.

¹ Ю. А. Заднепровский. Древняя Фергана. Автореферат. 1954, стр. 14.

² Г. Ф. Дебец. Палеоантропология СССР. Тр. ИЭ, новая серия. IV, 1948, стр. 180; Т. А. Трофимова. Этногенез татар Поволжья в свете данных антропологии. Тр. ИЭ, новая серия, VII, 1949, стр. 29—32; В. В. Гинзбург и Е. В. Жиров. Антропологические материалы из Кенкольского катакомбного могильника в долине р. Талас Киргизской ССР. Сб. МАЭ, X, 1949, стр. 261, 262.

³ Н. Я. Бичурин (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.—Л., 1950, т. II, стр. 161. Этот отрывок, как и следующий из Цяньхانشу, даем в переводе, уточненном А. Н. Бернштамом в статье «Изображение согдийца в коропластике Чуйской долины». КСИИМК, XIX, 1948, стр. 63.

⁴ Сходная характеристика населения Восточного Туркестана содержится в Бэйши — источнике VI в.: «От Гаочан на запад жители всех владений имеют впалые глаза, высокий нос; только в Хотане обликом не походят на туркистанцев (Ху), а более походят на китайцев». (Н. Я. Бичурин. Указ. соч., т. II, стр. 246).

⁵ На это обстоятельство обращали внимание неоднократно. Последним об этом писал Л. В. Ошанин (К проблеме этногенеза уйгуров. Сб. «Вопросы этногенеза народов Средней Азии в свете данных антропологии». Ташкент, 1953, стр. 68).

⁶ Страбон, XV, 2, 8. На указанные сообщения китайских и греческих источников в свое время обратила внимание К. В. Тревер (Памятники греко-бактрийского искусства. М.—Л., 1940, стр. 20).

Население Среднеазиатского междуречья в это время, по всей вероятности, как устанавливают языковеды, говорило на близких и родственных языках и диалектах восточноиранской семьи языков. О языке непосредственно древних ферганцев в нашем распоряжении нет пока прямых данных. Более поздние авторы — китайские путешественники VII—VIII вв. Сюань Цзан и Хой Чао указывали на существование особого ферганского языка: «Их язык отличается от языков соседних стран», — пишет Сюань Цзан (первая треть VII в. н. э.) о населении Ферганы¹. Через 100 лет Хой Чао повторяет то же самое: «Язык (жителей Ферганы. — Ю. З.) совершенно отличен и не одинаков с языками других стран»². Основываясь на этих сообщениях, можно говорить о существовании уже в VII в. особого ферганского языка, выделение и обособление которого из круга древних восточноиранских языков следует отнести, возможно, к более раннему времени.

Письменные источники, таким образом, дают возможность заключить, что население Среднеазиатского междуречья и, в частности, Ферганы, имело характерный европеоидный тип и говорило на различных, но родственных диалектах и языках, по всей вероятности, близких согдийскому, и в этническом отношении было в известной степени сходно.

На основании приведенных выше сообщений и антропологических материалов, подтверждающих друг друга, можно, следовательно, считать, что основное оседло-земледельческое население древней Ферганы было европеоидным, говорило на языке, очевидно, близком согдийскому и другим языкам восточноиранской группы, и ставить вопрос о сложении в первых веках нашей эры древнеферганской народности. Показателем существования такой народности могут служить черты общности в материальной культуре на всей территории Ферганской долины. Выразительной особенностью древнеферганской культуры является широкое распространение своеобразного, растительного и геометрического процарапанного орнамента на красноангобированной глиняной посуде, неизвестного нигде за пределами Ферганы.

Развитие экономики древней Ферганы, основывавшееся на расцвете ирригационного земледелия, подъеме ремесла и городской жизни³, создало все условия для сложения такой народности.

Древнеферганская народность эпохи рабовладельческих отношений, насколько можно сейчас представить, складывалась в результате сближения и длительного смешения разнородных групп населения. В сложении ее принимали участие, вероятно, сако-усуньские племена, обитавшие в горной полосе вокруг Ферганы, и, возможно, некоторые другие.

Начиная с середины I тысячелетия до н. э. (могильник Ак-тым) и до рубежа нашей эры население Ферганы, как и ряда других районов, вероятно, было однородным в расовом отношении. Проникновение групп монголоидного населения, повидимому, намечает второй этап этногенетического процесса. На территории Средней Азии уже в 12 пунктах обнаружены черепа монголоидного типа или с примесью монголоидных признаков, относящиеся к первым векам нашей эры. Они найдены в Восточном Казахстане и Семиречье, в Ташкентском оазисе и Фергане и даже на территории Северной Бактрии в могильнике Туп-хона. Значение этих находок велико,

¹ S. Beal. Si-yu-ki. Buddhist records of the Western World. London, 1884, стр. 30, 31.

² W. Fuch. Huei-Ch'ao's Pilgerreise durch Nordwest-Indien und Zentral-Asien um 726. SPAW, XXX, 1938, стр. 452; А. Н. Бернштам. Тюрки и Средняя Азия в описании Хой Чао (726 г. н. э.). ВДИ, 1952, № 1, стр. 193 и А. М. Мандельштам. Сложение таджикской народности в Среднеазиатском междуречье. Автореферат. М.—Л., 1951, стр. 12, 13; его же. О некоторых вопросах сложения таджикской народности в Среднеазиатском междуречье. СА, XX, 1954, стр. 71.

³ А. Н. Бернштам. Древняя Фергана (научно-популярный очерк). Ташкент, 1951, стр. 17 и сл.

поскольку они показывают довольно широкое распространение в первых веках нашей эры монголоидного типа, особенно в северо-восточной части Средней Азии.

Вместе с распространением групп монголоидного населения и монголизацией части местных обитателей, в том числе и жителей Ферганы, возможно, начинается и процесс тюркизации части европеоидного ираноязычного населения; начало его в литературе связывают с движением гуннов¹.

Развитие этого процесса связано с проникновением в Фергану значительных масс тюрков в середине I тысячелетия н. э. Обитание тюркских племен и политическое господство тюрков в Фергане в VI—VIII вв. — хорошо известный факт, засвидетельствованный китайскими и арабо-персоязычными источниками.

Реальным доказательством появления тюркских племен, как полагает В. В. Гинзбург, может служить антропологический материал Куляльдинского могильника V—VII вв. в Алайской долине, в котором представлен и ярко выраженный южносибирский тип².

А. Ю. Якубовский писал о том, что тюркизация населения Ферганы и Чача произошла значительно раньше, чем в Согде. Доказательством могут служить находки трех рунических надписей VI—VIII вв. на обломках керамики в разных местах Ферганы³, свидетельствующие о распространении здесь тюркского языка. Длительное смешение местного населения с пришлым тюркоязычным приводит к образованию древнеузбекской народности⁴.

Подводя итоги, можно прийти к следующим выводам. Население древней Ферганы в этническом отношении было разнородным. Основная масса оседло-земледельческого населения ее, очевидно, родственна согдийцам Зеравшана и Усрушаны, а в антропологическом отношении принадлежала к европеоидному брахикранному типу Среднеазиатского междуречья, характерному и для современной Ферганы. С рубежа нашей эры появляются отдельные группы монголоидного населения.

Имеющиеся материалы позволяют ставить вопрос о том, что в Фергане на рубеже нашей эры происходил процесс сложения древнеферганской народности, имевшей характерные черты материальной культуры, некоторую общность хозяйственной жизни и, видимо, заметные отличия по языку. Эта народность в дальнейшем явилась одним из компонентов при сложении таджикской и узбекской народностей.

Начавшийся с рубежа нашей эры длительный процесс сближения и смешения местного, европеоидного по типу, населения с пришлыми группами монголоидного расового типа и, очевидно, тюркоязычными приводит в дальнейшем к формированию узбекского народа и современной узбекской нации, имеющей общих предков с таджикским народом⁵.

¹ А. Н. Бернштам. Основные этапы истории культуры Семиречья и Тянь-Шаня. СА, XI, 1949, стр. 359 и сл. и другие работы этого автора; В. В. Гинзбург. Древнее население Центрального Тянь-Шаня..., стр. 374, 380 и сл.; Л. В. Ошанин. Палеоантропологические и исторические данные о расселении монголоидных рас в северной степной полосе Средней Азии. Сб. «Вопросы этногенеза...», стр. 82 и сл.

² В. В. Гинзбург. Древнее население Центрального Тянь-Шаня..., стр. 377, 378.

³ Фрагмент керамики с рунической надписью найден экспедицией А. Н. Бернштама на Ош-Хона-тепе в районе г. Ферганы, другой фрагмент — в долине Исфары (см. Б. Литвинский, Е. Давидович. Археологические работы в Ленинабадской области. Изв. Отд. общ. наук АН Тадж. ССР, II, 1952, стр. 137); третья находка хранится на кафедре археологии САГУ; уйгурская надпись VIII—IX вв. опубликована А. Н. Бернштамом — «Уйгурская надпись из Эрши (Фергана)». «Эпиграфика Востока», VI, 1952, стр. 101—105.

⁴ Несомненна значительная роль ферганских элементов и в этногенезе южных киргизов, однако этот вопрос еще совсем не изучен.

⁵ За марксистское освещение истории таджикского народа и истории его культуры. Изв. Отд. общ. наук АН Тадж. ССР, II, 1952, стр. 8; ср. С. П. Толстов. Бируни и его время. Сб. «Бируни». М., 1950, стр. 13.

В. В. ГИНЗБУРГ

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ
К ЭТНОГЕНЕЗУ ТАДЖИКОВ

Антропологическое изучение населения древней Бактрии стало осуществляться лишь после Великой Отечественной войны, с организацией Таджикской археологической экспедиции, возглавлявшейся А. Ю. Якубовским. В задачи экспедиции входит и систематический сбор антропологических материалов, которым А. Ю. Якубовский придавал большое значение при решении вопросов этногенеза населения древней Бактрии и современного Таджикистана.

Изучение современного населения Таджикской ССР показало, что таджики довольно однородны по расовому типу и относятся к хорошо выраженному европеоидному темнопигментированному брахикранному типу, названному крупнейшим антропологом Средней Азии Л. В. Ошаниным «типом Среднеазиатского междуречья». Наиболее четко он выражен среди горных таджиков и иранских народов Западного Памира. У равнинных таджиков и узбеков на этот тип накладываются черты монголоидного расового типа, чаще едва уловимые, что является результатом смешения в различные исторические эпохи племенных групп и народов, обладавших европеоидным и монголоидным расовыми типами. Время смешений и территорию, на которой они происходили, мы показали в ряде работ на конкретных антропологических материалах.

Материалов по антропологии древнего населения на территории Бактрии до сих пор собрано и изучено немного. Наиболее многочисленные материалы получены Кафирниганским отрядом экспедиции, возглавлявшимся М. М. Дьяконовым. В 1947—1948 гг. отряд раскопал несколько десятков погребений на урочище Туп-хона, Гиссарского района, Сталинабадской области, и мы имели возможность изучить человеческие костяки из этих погребений, датируемых от эпохи бронзы до VI—VIII вв. н. э. Недавно получены для изучения два скелета из погребений кушанского времени (II—IV вв. н. э.). Захоронения находились в хумах и обнаружены в 1951 г. при производстве земляных работ на территории Сталинабада на Комсомольской улице во дворе школы № 1 и к югу от Педагогического института.

Приводим описание найденных здесь черепов:

1. Фрагменты черепа мужчины зрелого возраста. Черепная коробка брахикранного типа, эллипсоидной формы, с широким прямым лбом и круглым затылком. Надпереносье (глабелла) развито ниже среднего (3), надбровные дуги — слабо (1).

Продольный диаметр черепа — 173 мм, поперечный — 146 мм; черепной указатель — 84,5. Наименьший лобный диаметр — 107 мм, откуда лобно-теменной указатель — 73,3. Клыковая ямка глубокая (3).

Эти, хотя и немногие, данные позволяют с большой долей вероятности отнести череп к брахикранному европеоидному типу Среднеазиатского междуречья.

2. Сломанные череп и несколько длинных костей (женщина среднего возраста). На хуме, в котором было совершенно захоронение, сделана надпись, датируемая II—III вв. н. э.

Черепная коробка очень узкая, типичной долихокранной формы. Длина черепа — 176 мм, ширина — 125 (?) мм, черепной указатель — 71,0. Высота черепной коробки небольшая — 128 (?) мм. Высотно-продольный указатель очень большой (102,2) вследствие очень малой ширины черепа. Затылок средне выступающий, круглый, без следов искусственной деформации.

Лоб прямой, со средне развитыми лобными буграми, слабо развитыми надпереносьем (2) и надбровными дугами (1).

Лицо низкое [65 (?) мм], значительно выступающее в горизонтальной плоскости (3), с низкими глазницами и носом, выступающим не меньше среднего.

Эти данные позволяют отнести череп к европеоидному долихокранному типу (средиземноморскому).

Кости, относящиеся к захоронению, небольшие, грацильные. Длина правой бедренной кости — 403—396 мм; передне-задний диаметр — 22 мм, поперечный — 24 мм. Длина правой большой берцовой кости 328 мм, малой берцовой — 327 мм. Вычисленная по этим данным длина тела (рост) — около 152 см, т. е. ниже среднего.

В результате изучения мы можем сказать, что оба черепа европеоидные, но разного типа: мужской — относится к типу Среднеазиатского междуречья, женский — к средиземноморскому.

Какой из этих типов более характерен для населения северной Бактрии в кушанское время? Конечно, без привлечения других материалов ответить нельзя, но весь комплекс имеющихся данных помогает разрешить этот вопрос. Изучение нами черепов из урочища Туп-хона, датирующихся I—VIII вв. н. э., дало возможность сделать вывод, что основное население Бактрианы относилось к брахикранному европеоидному типу, т. е. к тому же типу Среднеазиатского междуречья, к которому относятся и современные таджики и народы Западного Памира.

Материалы показали антропологическую близость обитателей Бактрии и соседнего Согда, о жителях которого мы можем судить по костным останкам из погребений в древнем Пянджикенте и его окрестностях (VII—VIII вв. н. э.), а также по более поздним материалам из зороастрийского кладбища XIII вв. в Фринкенте под Самаркандом. Население древнего Пянджикента в VII—VIII вв. было более разнообразным в антропологическом отношении, но преобладающим является все тот же брахикранный европеоидный тип.

Мы уже имели возможность показать, что европеоидный брахикранный тип Среднеазиатского междуречья восходит к так называемому «андроновскому» варианту более древних европеоидных типов, хорошо известному по материалам эпохи бронзы из раскопок на территории Южной Сибири, Северного, Восточного и Центрального Казахстана, а также Семиречья. На материалах из раскопок С. С. Черникова в Восточном Казахстане и А. Н. Бернштама на Тянь-Шане и Алае мы смогли проследить переход от «андроновского» антропологического типа к типу Среднеазиатского междуречья.

Население, обладавшее брахикранным европеоидным типом (Среднеазиатского междуречья), в I тысячелетии н. э. было широко распространено на территории от Нижнего Поволжья до Восточного Туркестана, проходя через обширные степи Казахстана, а на юге — до Аму-Дарьи. Долихокранный европеоидный (средиземноморский) тип характерен для областей:

к югу и западу от Аму-Дарьи, где он является преобладающим уже с эпохи бронзы (например, Анау и Намазга-тепе в Туркмении) до настоящего времени (Туркмения, Иран, Северная Индия и южные склоны Гиндукуша). Резко выраженным долихокранным европеоидным типом обладало и население юга Памира в I тысячелетии до н. э.—I тысячелетии н. э. Изученные нами материалы из раскопок А. Н. Бернштама показали, что тот же тип был там характерен для населения сакской культуры и для более позднего времени, по крайней мере до середины I тысячелетия н. э.

В эпоху бронзы долихокранный европеоидный тип был распространен и к северу от Аму-Дарьи, на территории Бактрии и Согда, а также Ферганы. Об этом можно судить по черепам из погребений бронзового века в урочище Туп-хона и в Вадиле (Фергана), изученным нами, и из окрестностей Бухары (исследования В. Я. Зезенковой).

Примесь долихокранного типа отмечена на территории Семиречья и Среднеазиатского междуречья и для более позднего времени. Т. А. Трофимова, Г. Ф. Дебец и мы обнаружили его среди саков и усуней Семиречья; нами он отмечен в Каунчи II под Ташкентом; М. М. Герасимов нашел его в Ширин-сайском могильнике, датируемом около середины I тысячелетия н. э.

Этнические группы долихокранного типа из пограничных зон областей распространения (к югу и западу от Аму-Дарьи) вкрапливались в большем или меньшем количестве среди более многочисленного населения брахикранного типа.

На территории Семиречья и Среднеазиатского междуречья долихокранный тип слился с брахикранным европеоидным, вошел в состав последнего. Об этом свидетельствует повышение головного указателя у современных народов Среднеазиатского междуречья по сравнению с населением I тысячелетия н. э. На повышении головного указателя сказалась и брахицефализация, которую мы связываем с грацилизацией, вследствие общественного развития населения и изменений условий жизни.

Таким образом, в основе населения Северной Бактрии, как и Согда, Шаша, Ферганы, Хорезма и некоторых сопредельных областей, была брахикранная европеоидная раса, развившаяся из «андроновского» типа (эпохи бронзы) с примесью долихокранного европеоидного типа, проникавшего из-за Аму-Дарьи в эпоху бронзы в значительном количестве, а позже — все меньше и меньше. Это местное население Бактрии и Согда было основным в этногенезе таджиков и народов Западного Памира.

Мы здесь не касаемся вопросов о примесях монголоидного и других расовых типов, незначительность которых указывает на то, что племена и народы этих типов не оказали заметного влияния на этногенез таджиков и более древнего коренного населения Среднеазиатского междуречья.

Данные изучения черепов хорошо подтверждаются иконографическими материалами — монетами кушанского времени, терракотовыми статуэтками, преимущественно с Афрасиаба, фресками из раскопок древнего Пянджикента.

М. Э. ВОРОНЕЦ

КАМЕННОЕ ИЗОБРАЖЕНИЕ ЗМЕЙ ИЗ КИШЛАКА СОХ ФЕРГАНСКОЙ ОБЛАСТИ

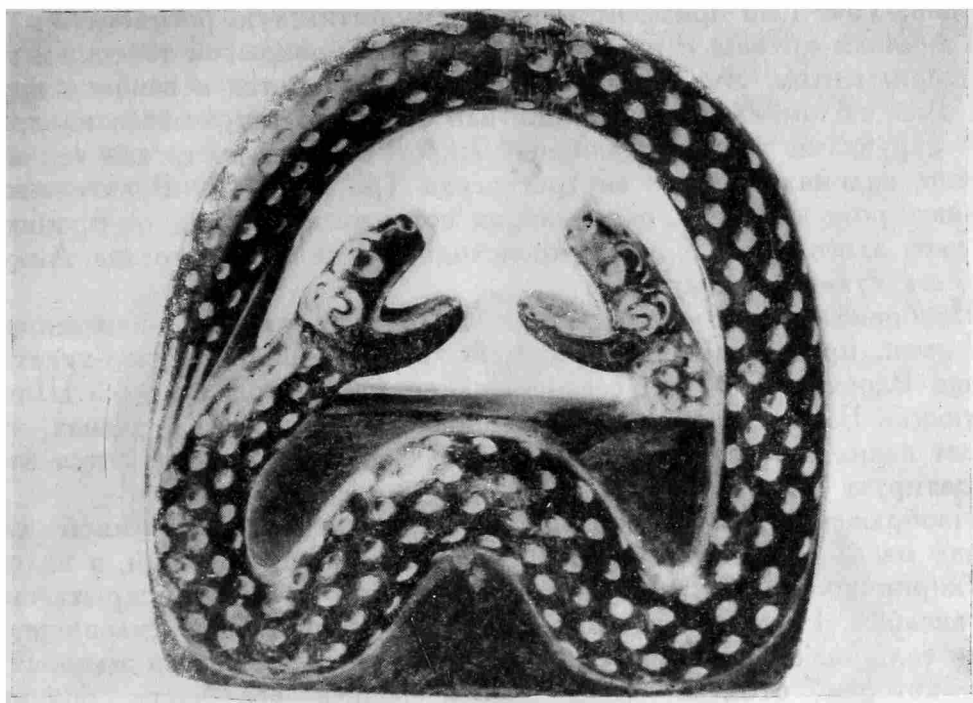
Каменное изображение двух змей было найдено на окраине кишлака Сох, Ферганской области, в 1893 или 1894 г. местными жителями на глубине 2 м. В 1899 г. оно было передано неким Г. С. Батыревым в Музей Туркестанского кружка любителей археологии (ТКЛА), откуда в порядке преемственности перешло в Музей истории Академии наук УзССР.

В протоколе ТКЛА, где сообщается о передаче находки в музей, ошибочно указано, что она воспроизводит двухголовую змею¹. В действительности изображены две змеи — одна составляет лицевую, а другая оборотную сторону предмета. Эта поделка интересна по своеобразию орнамента, покрывающей ее, и по сюжету. Можно утверждать, что подобная техника орнаментации пока не встречалась на древних каменных изделиях Средней Азии, а сюжет повторяется, насколько известно, в средне-азиатских древностях в ином варианте и в другом материале только один раз.

Публикуемое изображение сделано из хризотила выпиливанием с последующей полировкой камня, которая кое-где не покрыла следы пиления. Высота предмета 27 см, ширина в основании — 24 см, максимальная толщина — 4,7 см.

Орнаментация состоит из углублений неправильной овальной формы, выдолбленных без какого-либо геометрически четкого расположения по телу змей. Хвост орнаментирован несколькими продольными углубленными линиями. Глубина ямок достигает 4—4,5 мм. Судя по заглаженности краев, они высверлены перед полировкой предмета, причем углубления для глаз сделаны сверлом около 1 см в диаметре, а для зубов и ноздрей — меньшего диаметра или самым концом конусовидного сверла. Ямки для глаз, зубов и ноздрей круглые в сечении, тогда как углубления, покрывающие туловище змей, овальные. Уши и надбровные дуги выбиты в виде полукружий. Все овальные углубления были заполнены беловатой массой, до настоящего времени сохранившей большую твердость. По определению лаборатории силикатов Института химии Академии наук УзССР, эта белая масса состоит из гипса. Глазные отверстия и ячейки для зубов и ноздрей, повидимому, были украшены иначе. Нижние части углублений были заполнены гипсовым раствором, на котором держалась инкрустация из камней. Во всяком случае в нескольких ячейках для зубов сохранились остатки блестящих кристалликов белого кальцита. Хотя масса, заполняющая орнаментальные углубления, в значительной части выкрошилась, змеи производят впечатление пятнистых (рис. 6—1).

¹ Протоколы Туркестанского кружка любителей археологии (ПТКЛА) от 9 ноября 1899 г., стр. 140.

1

2

Рис. 6. Изображение змей.

1 — каменное изображение из кишлака Сох; 2 — изображение на фрагменте диоритовой вазы из Месопотамии.

Среди древних предметов, происходящих из Средней Азии, нам известны еще четыре изображения пятнистых змей, сделанные различными техническими приемами из разного материала:

1. Золотой перстень в виде змейки из Аму-Дарьинского клада¹ (рис. 7—1). Вещи, входящие в состав этого клада, в основном могут быть

¹ И. И. Толстой и Н. П. Кондаков. Русские древности в памятниках искусства, вып. III. СПб., 1890, рис. 21.

датированы IV—III вв. до н. э. К этому времени, вероятно, следует отнести и перстень. Точечный орнамент придает ему пятнистую расцветку.

2. Глиняная кружка с налпом в виде змеи, покрытой точечным углубленным орнаментом. Змея как бы ползет, поднимается к венчику кружки. Голова змеи обломана, но, очевидно, как это часто встречается на древних сосудах с ручками в виде различных животных, она достигала венчика и, возможно, склонялась даже внутрь сосуда (рис. 7—3). Ручки-животные выполняют роль берегов, охраняющих содержимое сосуда от проникновения в него злого духа. Кружка происходит из южного кургана Анау, отнесенного к культуре Анау III¹.

3. Изображение, которое можно рассматривать как воспроизведение пятнистой змеи, представленное резным шутом из дворца бухар-худатов на городище Варахша в 35 км северо-западнее г. Бухары. В. А. Шишкин, исследующий Варахшу, определяет изображение как змею в волнах, что не вызывает каких-либо сомнений², а комплекс, к которому относится эта находка, датирует VI—VII вв. н. э.

4. Изображение двухголовой змеи, сделанное из обожженной глины. Глиняная масса хорошо отмучена и вымешана; обжиг хороший, в изломе — красно-кирпичного цвета. Наружная поверхность предмета покрыта светло-серым ангобом. Нижняя часть представляет собой единое туловище; наибольшая толщина его — 13 см. Затем оно разветвляется на два змеиных тела, головы которых отбиты. Тело змеи в средней его части орнаментировано тремя продольными рядами кружков, сделанных полым штампом. около 5 мм в диаметре, а хвостовая и головные части (шеи), как более тонкие, — одним рядом (рис. 7—2). Орнаментация носит характер пятнистой расцветки. Предмет был найден под Ташкентом в начале XX в.³ Обстоятельства находки остались невыявленными. Отсутствие каких-либо сопровождающих материалов, а также уникальность самой вещи делают крайне затруднительным определение ее назначения и датировку. Однако общий облик изделия при сопоставлении с керамическими поделками из некоторых позднесогдийских памятников дает основание датировать его VI—VII вв. н. э.

Этими четырьмя предметами ограничиваются древние среднеазиатские поделки, воспроизводящие пятнистых змей⁴.

Нам известно довольно большое количество древних изображений змей, но без пятнистой их расцветки. Они есть в наскальных изображениях в местности Саймалы-таш у перевала Кугарт на границе Узбекистана и Киргизии, в горах Могол-тау в Шунлук-сае недалеко от г. Ленинабада, Таджикской ССР, затем в ущелье Илон-сай (змеиное ущелье), Самаркандской области, и в других пунктах. Все эти рисунки, судя по интенсивности пустынного загара, по стилю и технике, должны быть датированы временем, предшествующим арабскому завоеванию. Изображения двух змей, служащих рукоятью посоха или меча, известны на бия-найманских оссуариях. Воспроизведение змей на оссуариях или в наскальных рисунках в особо почитаемых местах говорит о том, что эти изображения в какой-то степени связаны с религиозными представлениями древних обитателей Средней Азии.

Если мы обратимся к письменным источникам и бытовым, художественным предметам, происходящим со среднеазиатской территории или из сопредельных стран,

¹ R. Pumpelli. Explorations in Turkestan. Expedition of 1904. Prehistoric civilisations of Anau. Washington, 1908, v. I, pl. 13, N 2.

² Изображение опубликовано в ТОВЭ, т. IV, 1947, табл. VIII к статье В. А. Шишкина.

³ ПТКЛА, Ташкент, 1913, вып. 1, стр. 2, 26, 27.

⁴ Следует отметить, что археологические фонды среднеазиатских музеев и среднеазиатские собрания центральных музеев почти не опубликованы. Возможно, что в том или другом музее имеются подобные, не известные нам, изображения.

дельных с ней стран, то увидим, что разбираемый нами сюжет имел двойственное содержание: доброе и злое начало¹.

«...Ладанные деревья охраняются крылатыми змеями, маленькими и пестрыми на вид...», — пишет Геродот². На эламских печатях змеи обычно охраняют какое-то, повидимому, священное дерево. Иногда изображение как бы стоящей на хвосте змеи сочетается с изображением вод, в виде зигзагов, ниспадающих сверху.

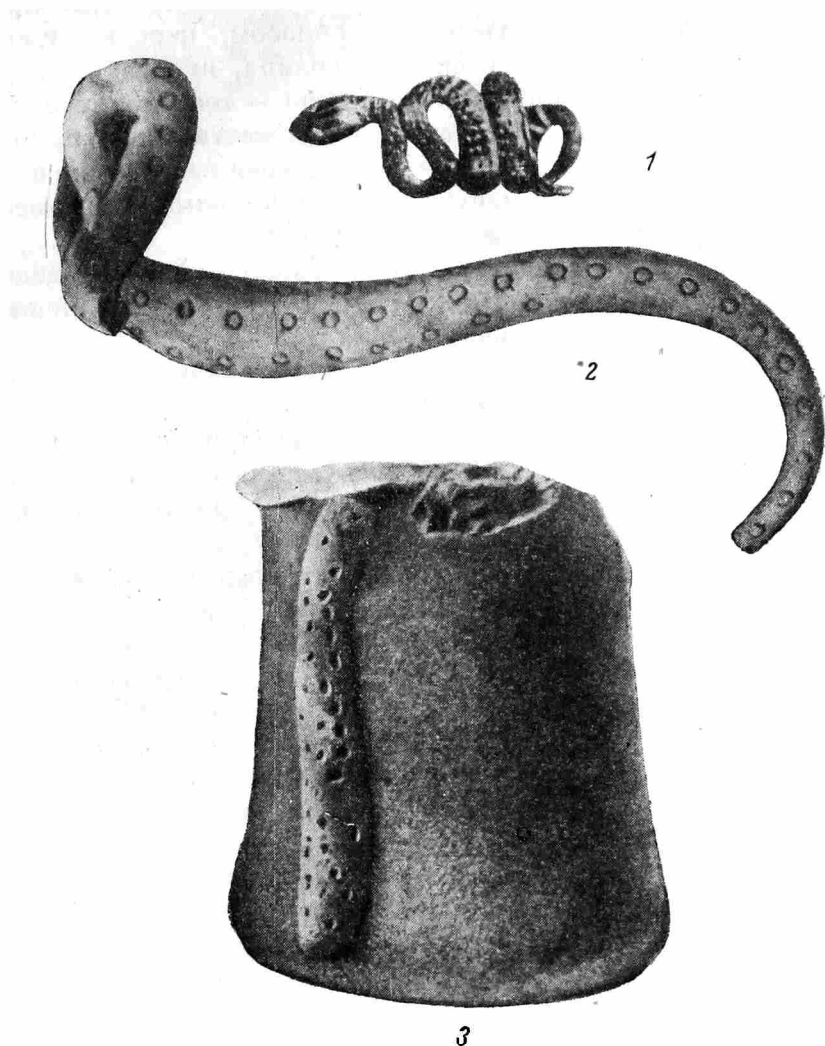

Рис. 7. Изображения змей.

1 — золотое кольцо из Аму-Дарьинского клада; 2 — двухголовая змея из обожженной глины (близ Ташкента); 3 — глиняная кружка с налетом (Анау).

Как указывалось выше, глиняная кружка с налетом в виде змеи (Анау III), очевидно, была оберегом. К числу подобных предметов следует отнести навершие рукоятки бронзового кинжала из Минусинского округа, состоящее из двух обращенных друг к другу змей³.

Во всех этих и им подобных изображениях и текстах, число которых можно было бы значительно увеличить, змеи служат символом доброго начала.

¹ Почитание змей в древности было широко распространено в Египте, Индии, Греции, Риме, Израиле и сейчас существует у отсталых народов Африки, Австралии, Океании, Южной Америки и в других странах. В данной статье мы касаемся только Средней Азии, где найдена описываемая вещь.

² Геродот, III, 107. (Подчеркнуто мной. — М. В.).

³ В. В. Радлов. Сибирские древности, т. I, вып. 2, табл. XI, рис. 10.

Не менее богат в домусульманских древностях Средней Азии и сопредельных стран изобразительный и текстовый материал, характеризующий змею как символ злого начала. Остановимся прежде всего на некоторых авестийских текстах¹: «...На змея темноватого, изрыгающего яд, чтобы уничтожить тело праведника, Хаом, желтый направляй оружие...» (Ясна, IX, ст. XXX: «...Тройтасы убил змея Дахака, злое, опасное творение, которого произвел Агроманью... на гибель существ праведности...» (Ясна, IX, ст. VIII)). В древнеиранском искусстве божество времени Эрван, сходное до некоторой степени с греческим Хроносом, нередко изображается с душащей его змеей. Митра, бог света и солнца, иногда воспроизводится в виде всадника, который топчет конем змею — «опасное творение Агроманью». И в последующих литературно-художественных произведениях, созданных на древней среднеазиатской основе, змея или две змеи становятся символом злого начала, как, например, в Шах-наме две змеи Зохака, питающиеся человеческим мозгом.

Таковы идеологические представления древнего оседло-земледельческого населения Средней Азии и сопредельных с ней стран, послужившие основой для создания публикуемой нами вещи².

Вероятно, две змеи (в которых, несмотря на значительную стилизацию изображения, чувствуется озлобленность борьбы) с их широко раскрытыми, обращенными друг к другу пастьми, должны воспроизводить борьбу злого и доброго начала, света и тьмы. Не касаясь вопроса о генезисе этого мировоззрения, мы должны отметить, что дуализм с древнейших времен был присущ религиозным системам Среднего Востока, и наше толкование приведенного выше изображения не противоречит представлениям древних народов Средней Азии. Сохское изваяние каменных змей едва ли было предметом декоративного или бытового назначения. Повидимому, оно теснейшим образом связано с культом, признающим дуалистическую концепцию.

При самом тщательном изучении внешних особенностей изваяния нам не удалось установить, каким образом оно употреблялось. Стоять без какой-либо опоры оно не могло — сделан предмет очень неустойчивым; ни в нижней части его, ни по бокам не обнаруживается следов длительного трения о перевязь или о стержень, на котором прикреплялось бы изображение. Лишь в верхней части можно заметить многочисленные неглубокие штрихи, как бы сделанные крепкой металлической проволокой в исключительно мягком серо-голубом камне, из которого изготовлено изваяние. Возможно, в этом месте тело змеи охватывала какая-то петля, на которой и подвешивалось изображение.

Уникальность для территории Средней Азии публикуемой вещи заставляет искать сравнительный материал в сопредельных странах. Так, нам известны два обломка каменных изделий из Месопотамии, близких по технике орнаментации сохским змеям и относящихся к эпохе бронзы. Один из них — это фрагмент каменного сосуда с частью сцены борьбы двух змей, повидимому, с каким-то хищником. Туловища змей и хищника покрыты высверленными круглыми углублениями, служившими, очевидно, для инкрустации. Возможно, что в древности они были заполнены, как и ямки на туловище сохских змей, беловатым гипсом, что создавало впечатление пятнистой расцветки и пресмыкающихся, и хищника, вероятно, леопарда (рис. 8). Еще ближе к сохскому изваянию фрагмент диоритовой вазы с изображе-

¹ Работы В. В. Струве, К. В. Тревер, С. П. Толстова и других советских авторов устанавливают с достаточной авторитетностью среднеазиатское происхождение зороастризма и Авесты.

² У многих земледельческих народов — русских, украинцев, болгар и других — до недавнего времени змея (уж) в доме почиталась признаком благополучия; поедая мышей и обладая сильным специфическим запахом, она способствовала исчезновению мышей, уничтожающих запасы зерна, муки и других земледельческих продуктов.

нием двух змей, борющихся с орлом. Эта вещь тоже происходит из Двуречья (рис. 6 — 2). Эбелинг и Мейсснер относят ее к шумерскому времени. Художественный стиль и техника орнаментации полностью совпадают со стилем и техникой сохского изображения¹.

Фигуры змей изваяния из Соха и на обломке диоритовой вазы, найденной в Двуречье, сходны по многим характерным чертам, дающим основание для определения вида пресмыкающегося. Голова змеи, на том и на другом изображении, четко отделена от туловища, на котором несколько рядов беловатых пятен, морда короткая, тупая. Эти признаки больше всего подходят к внешнему виду эфы: «Голова у нее резко отделена от шеи, морда

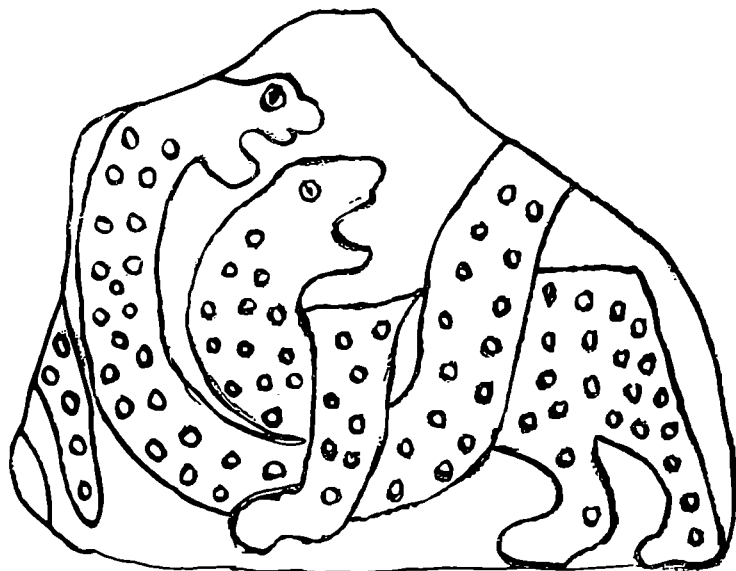

Рис. 8. Обломок каменного сосуда из Месопотамии. (Прорисовка изображения сцены борьбы двух змей с хищником).

короткая, закругленная... на спине один или три ряда беловатых (кремовых) пятен, окруженных темными. В Туркестане эфа — пришелец. В Северной Африке, Палестине, в Аравии, Персии, Афганистане и Индии — ее родина»².

Техника орнаментации месопотамских и сохских изображений полностью совпадает. Все туловище змеи, кроме хвоста, покрыто овальными углублениями; для ушей сделаны полукруглые ячейки, а для глаз — круглые, сверленные; в передней части поперек морды проведена углубленная черта, как бы отделяющая часть морды с ноздрями. Общий облик изображений из Двуречья и Соха настолько близок, что их можно признать за работу, сделанную по одному трафарету, продиктованному, вероятно, однородными представлениями.

Несомненно, очень существенным является вопрос о том, насколько уровень развития техники у среднеазиатских народов в эпоху бронзы обеспечивал возможность такого искусного изготовления из камня художественного произведения, которое в мелочах совпадает с каменными изделиями, происходящими из древней Месопотамии с ее высокой материальной культурой.

¹ Reallexikon der Assyriologie, herausgegeben von E. Ebeling und Bruno Meissner, T. I, Taf. 6.

² Д. Н. К а ш к а р о в. Животные Туркестана. Ташкент, 1932, стр. 88.

Археологические раскопки курганов около Анау и городища Намазга-тепе, относящихся к III—II тысячелетиям до н. э., выявили многочисленные изделия из камня; среди них больше всего сосудов из светлого полупрозрачного камня, возможно, алебаstra, из мрамора и других горных пород. Сосуды эти очень хорошо выточены, нескольких форм и разнообразных размеров — от миниатюрных чашечек и флаконов, требующих тонкой работы, до сосудов, достигающих громадных размеров. Б. А. Литвинский в работе о Намазга-тепе отмечает, что «при изготовлении... продуманно использовалось наличие в камне цветных прожилок; сосуды имеют нарядный вид»¹.

Прекрасно шлифованные каменные бусы, сделанные с использованием рисунка (слоев) самого камня, мы встречаем при погребениях эпохи бронзы около оз. Заман-баба, Бухарской области².

В районе хребта Большой Балхан (Туркменской ССР) обнаружена мастерская по изготовлению резных бус из раковин и из известняка³. Напомним также о находках на территории Средней Азии большого количества сверленных и шлифованных каменных топоров, молотов и кирок конца неолитического времени или начала эпохи бронзы. Все это свидетельствует о том, что техника обработки камня в Средней Азии в эпоху бронзы стояла весьма высоко, мало чем уступая технике, получившей широкое развитие в III—II тысячелетиях до н. э. в древнем Двуречье.

Обращаясь к вопросу о датировке сохского изображения, необходимо учесть следующие моменты.

1. Изображения не только пятнистых, но и одноцветных змей в большинстве своем относятся ко времени до широкого проникновения в Среднюю Азию кочевых и полукочевых элементов с севера и северо-востока, т. е. до VI—VII вв. н. э. В последующие столетия, вплоть до последнего времени, изображения змей, хотя и встречаются в изобразительном искусстве и в фольклоре, но утрачивают самостоятельное сюжетное значение, превращаясь по большей части в орнаментальный мотив и являясь очевидным пережитком.

2. Изображения змей, привлеченные в качестве сравнительного материала, в значительной своей части относятся к эпохе среднеазиатской бронзы, притом к культуре земледельческо-оазисного типа. К упомянутым выше памятникам можно еще прибавить находки изображений змей на Намазга-тепе (III—II тысячелетия до н. э.), о которых Б. А. Литвинский пишет: «Культ змеи нашел проявление в соответствующем орнаменте на расписной керамике и в рельефной извивающейся змейке с подчеркнутой головкой на стенке сосуда черного лощения»⁴. Автор дважды отмечает наличие наряду с расписной керамикой чернолощеной и инкрустированной. К сожалению, в его статье мы не находим важного для нашей темы описания особенностей инкрустации. Но независимо от того, какова инкрустация на сосудах из Намазга-тепе, следует вспомнить, что, например, и для эпохи бронзы на Кавказе характерна инкрустация беловатой массой, повидимому, гипсом на чернолощеной глиняной посуде⁵.

¹ Б. А. Литвинский. Намазга-тепе по данным раскопок 1949—1950 гг. СЭ, 1952, № 4, стр. 42.

² Раскопки Я. Г. Гулямова 1951 г. Вещи экспонируются в Музее истории АН УзССР.

³ А. П. Окладников. Изучение древнейших археологических памятников Туркмении. КСИИМК, XXVIII, 1949, стр. 69.

⁴ Б. А. Литвинский. Указ. соч., стр. 48.

⁵ А. А. Ивановский. По Закавказью. Археологические наблюдения и исследования 1893, 1894, 1896 гг. МАК, VI, табл. XIV; П. С. Уварова. Могильники Северного Кавказа. МАК, VIII, стр. 72, табл. XI, XII.

Таким образом, сюжет сохской находки, воспроизводящей змей среднеазиатской фауны, дуалистическая трактовка сюжета, нередко встречающаяся в древних среднеазиатских поделках, местный материал¹, из которого сделана вещь, — все это свидетельствует о том, что сохское каменное изваяние змеи является древним среднеазиатским изделием. На наш взгляд, оно относится к эпохе бронзы, вероятнее всего, ко II тысячелетию до н. э., к эпохе расцвета оазисно-земледельческой культуры типа Анау, Намазгате и других, им подобных, памятников.

¹ По определению Геологического института АН УзССР, минерал, из которого сделаны змеи, происходит из полосы южноферганских основных и ультраосновных пород; ближайшие выходы их находятся на расстоянии 25 км к северо-востоку от Соха. В других областях Средней Азии выходы этих пород неизвестны. В основном порода сложена минералами группы серпентинов, а минерал, послуживший для выделки сохских змей, — хризотил.

А. М. БЕЛЕНИЦКИЙ

О НЕКОТОРЫХ СЮЖЕТАХ ПЯНДЖИКЕНТСКОЙ ЖИВОПИСИ

Городище древнего Пянджикента было последним и одним из наиболее любимых объектов археологических исследований А. Ю. Якубовского, положившего прочное начало его изучению. Бесспорно, наиболее важным из открытий, сделанных на этом городище, можно считать открытие памятников искусства и в первую очередь живописи.

В многокрасочных настенных росписях Пянджикента мы сейчас приобрели такой источник первостепенной важности, мимо которого не пройдет ни один исследователь культуры Тогда и, пожалуй, всей Средней Азии кануна арабского завоевания.

В настоящем сообщении делается попытка разобрать три сюжета росписей, причем для двух уже предложены толкования. Третья сцена открыта в 1953 г.; ее истолкование в самом кратком виде дано в нашей статье, посвященной итогам работ 1953 г. в Пянджикенте¹.

Первая композиция, о которой будет идти речь, обнаружена на стенах небольшого придела, входящего в комплекс так называемого первого Пянджикентского храма². Придел состоит из небольшого, открытого на юг айвана и примыкающего к нему закрытого помещения. Росписи сохранились на трех стенах айвана и на одной — во внутреннем помещении.

На двух стенках айвана изображены сидящие мужские фигуры в одинаковых позах. Каждый из мужчин держит в одной руке чашу, а в другой — ветку какого-то растения с желтыми цветами. В тех случаях, когда сохранились головные уборы, видно, что к ним прикреплены такие же ветки. Кроме того, изображены и блюда с какими-то яствами на них (рис. 9). На третьей стене айвана — фигура жреца, стоящего на коленях перед курильницей или жертвенником, позади которого размещен целый «капитул», состоящий из пяти человек.

Наиболее крупная по числу участников сцена представлена на стене внутреннего помещения. Несмотря на очень плохую сохранность, композиция все же поддается реконструкции. В центре частично сохранились полосы от рамки, которой была обведена эта часть стены. Живопись внутри рамки, к сожалению, целиком утрачена. Справа и слева от рамки видны очертания человеческих фигур (по пяти с каждой стороны), в очень динамических позах. Некоторые из изображенных фигур частично обнажены. У отдельных

¹ А. М. Беленицкий. Раскопки на городище древнего Пянджикента в 1953 г. КСИИМК, вып. 60, стр. 80—96.

² М. М. Дьяконов. Росписи-Пянджикента и живопись Средней Азии. Сб. Живопись древнего Пянджикента. М., 1954, стр. 104 и след., табл. VII—XIV.

Рис. 9. Фрагмент росписи восточной стены айвана в приделе первого Пянджикентского храма.

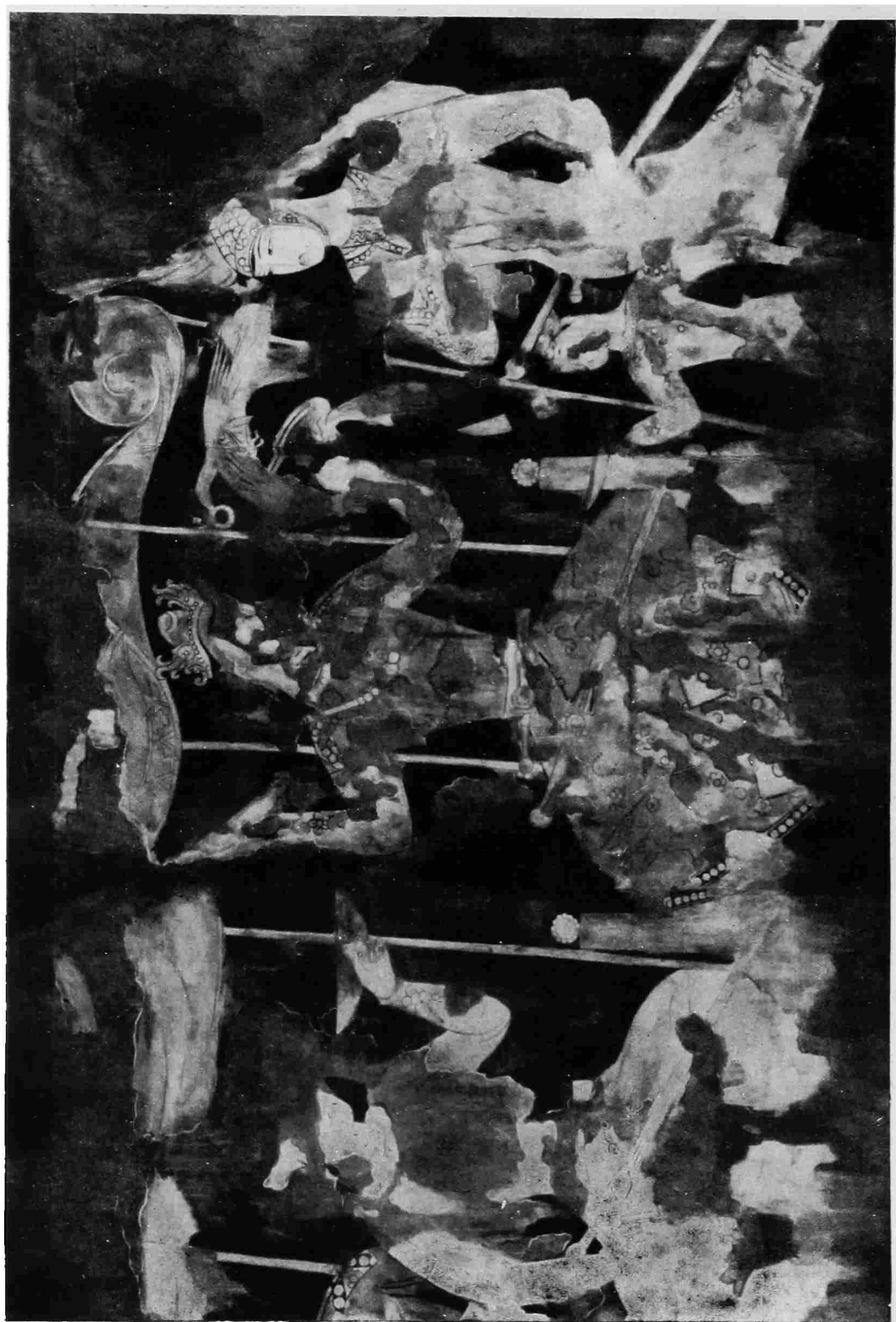

Рис. 10. _Фрагмент росписи _восточной стены помещения 1. (Панджикент, здание VI).

действующих лиц сцены в руках музыкальные инструменты. В целом, несомненно, перед нами картина ритуальной пляски, сопровождающейся игрой на музыкальных инструментах.

А. Ю. Якубовский высказал предположение о том, что в этих сценах изображен праздник весны. Я связал эти сцены с некоторыми текстами, имеющими отношение к манихейству. Однако при дальнейшем изучении выяснилась возможность привлечь для их разъяснения новые материалы.

Если внимательно присмотреться к веткам в руках у сидящих и цветам, прикрепленным к головным уборам, невольно бросается в глаза то, что все они переданы одним желтым цветом. Между тем весенние празднества, судя по этнографическим материалам, обычно связаны с «гул-и-сурх» — красным цветком. Случайно ли это? Мне представляется, что это факт не случайный. Обратившись к этнографическому материалу, мы узнаем, что желтый цвет — это цвет траура. Вот небольшая выписка из этнографической заметки, касающейся одного из горных районов Таджикистана, расположенного между Каратегином и Дарвазом: «В Тавиль-Даринском районе и в некоторых других местах, если умерший был молод, повязывали его голову чалмой («сала») и в чалму втыкали желтый цветок» (желтый цветок, указывает при этом автор заметки, считался знаком печали)¹. Если приведенное наблюдение может быть применимо к рассматриваемой сцене, то мы должны признать, что сюжетом ее является отнюдь не праздник весны, а, наоборот, изображается, повидимому, момент, связанный с похоронной обрядностью.

В какой мере соответствует такому толкованию композиция в целом? На первый взгляд, этому противоречит сцена на росписи внутреннего помещения — большая группа пляшущих. Однако в этнографии таджиков мы находим материалы, заставляющие считать приведенное толкование правдоподобным.

Н. А. Кисляков, описывая похоронные обряды у язгулемцев на Памире, пишет: «Через некоторое время после смерти человека члены его семьи резали корову, собирали всех представителей своего рода и других жителей селений и устраивали для них угощение. Гости размещались на глинобитных возвышениях вдоль стен дома и жена или мать умершего вместе с другими женщинами плясала в проходе посередине под звуки музыки. В разгаре пляски она резким движением разрывала спереди свое платье. В этот момент к ней подскакивала одна из женщин и подпоясывала ее большим платком. Этот платок вдова или мать умершего должна была носить некоторое время, и по наличию такого платка можно было узнать, что данная женщина потеряла мужа или сына»².

О таком же обычае у язгулемцев сообщается в одной из работ М. С. Андреева, в которой есть раздел, озаглавленный: «Танец оплакивания вдовой смерти своего мужа». Здесь, между прочим, говорится, что «женщина выходила с распущенными волосами и с разодранной рубашкой на груди... танец происходил под звуки оркестра», состоящего из рубоба, ду- и се-тора, под аккомпанемент бубна, и сопровождался пением соответствующих песен. По словам М. С. Андреева, «в старое время, помимо танца в течение трех ночей, вдова провожала с таким же пением, музыкой и танцем тело умершего мужа до могилы, как это она делает в случае смерти своего ребенка»³. Об аналогичном обряде, существовавшем в Рушане и Дарвазе,

¹ М. Рахимов. Обычаи и обряды, связанные со смертью и похоронами у таджиков Кулябской области. Изв. АН Тадж. ССР, вып. III, 1953, стр. 112.

² Изв. ВГО, т. 80, вып. 4, 1948, стр. 370.

³ М. С. Андреев. К характеристике древних таджикских семейных отношений. Изв. АН Тадж. ССР, 1949, № 15, стр. 4—8.

сообщает Ваневский, посетивший эти районы в 1893 г., где, по его словам, «жена должна танцевать на его [мужа] могиле до самозабвения»¹.

Известно также, что коллективные похоронные танцы существовали и в районе Ура-Тюбе². Любопытную и неслучайную аналогию этому обычаю мы находим в древней Армении. «По смерти Нерсеса (374 г. н. э.), — пишет Фавстос Бузанд, — когда оплакивали умерших, мужчины и женщины составляли хоры, при звуках труб, кифар и арф, с растерзанными руками и лицами при омерзительных чудовищных плясках, совершаемых друг против друга, били в ладоши и таким образом провожали умерших»³. Сообщение армянского историка интересно не только как случайная этнографическая параллель; оно имеет значение важного исторического свидетельства, которое мы вправе отнести и к Средней Азии. Осуждаемый Фавстосом обычай, как это очевидно из контекста, является возрождением похоронного обряда, существовавшего в Армении в аршакидское время, до победы христианства. Именно при Аршакидах в Армении чрезвычайно много было общих со среднеазиатскими явлениями в области верований и культа. Нельзя при этом не напомнить, что династия армянских Аршакидов — ветвь Парфянской династии, ведущей свое происхождение из Средней Азии, и что на протяжении всей парфянской эпохи между Средней Азией и Арменией, несомненно, сохранялись тесные связи.

Описанный обычай раскрывает значение рельефных изображений на стенках двух оссуариев из Пянджикента: на одном — женщины с шарфом над головой, совершающей обрядовый танец, а на другом — полуобнаженной женщины, видимо, также в момент пляски⁴. Приведенному истолкованию содержания росписи в приделе храма не противоречит и изображение жреца перед курильницей. В недавно опубликованной монографии М. С. Андреева⁵ говорится и о том, что в обрядах, связанных с похоронами и поминовением умерших, существенную роль играло сжигание благовонных веществ. С этой целью употребляются арчовые или другие палочки, которые обматывают тряпочками и затем обмакивают в коровье масло или жир. Дым при горении арчи и масла считается благовонным. В упомянутой статье М. Рахимова мы находим еще более интересное сообщение — об окуривании дома по праздникам в течение года после смерти испандом и болотным луком и другими ароматными травами, причем этот обряд так и называется «хушбуй медозан», т. е. «окуривают благоуханиями»⁶.

Следовательно, все элементы, сохранившиеся в пережиточной форме до последнего времени, мы видим и на росписях придела храма. Если прибавить, что в соседнем храме сохранилось изображение сцены оплакивания покойника, то связь рассмотренных сцен с похоронной обрядностью следует признать весьма вероятной. Наконец, данное толкование подтверждается и свидетельством китайских источников о большом месте, которое занимал в Согде и соседних районах Средней Азии культ умерших, и о посвященных этому культу заупокойных храмах.

Вторая живописная сцена, толкование которой я хочу предложить, была открыта в помещении 1 объекта VI⁷. Сюжет сцены достаточно понятен. Перед нами открытый шатер или балдахин, натянутый на высоких тонких шестах. В центре, на троне сидит человек в золотой короне. с чашей в руке. Слева от него под шатром, на ковре сидят три безбородых молодых человека, вооруженных мечами и кинжалами. У первого и вто-

¹ М. С. Андреев. Указ. соч., стр. 6, прим. 2.

² М. Рахимов. Указ. соч., стр. 114.

³ История Армении Фавстоса Бузанда. Ереван, 1953, стр. 176.

⁴ Оссуарные рельефы публикуются в подготовленном к печати III томе Трудов ТАЭ.

⁵ М. С. Андреев. Таджики долины Хуф. Сталинабад, 1953, стр. 201 и прим. 2.

⁶ М. Рахимов. Указ. соч., стр. 115.

⁷ Об этом объекте см. СА, XVIII, 1953, стр. 322.

рого в руках также чаши, у третьего в правой руке жезл со сложным навершием.

Справа от трона — воин в своеобразном чешуйчатом шлеме, склонившийся перед царем на одно колено. У трона изображен в значительно меньшем масштабе, чем остальные персонажи, виночерпий, подающий царю очередную чашу. Кроме того, справа же от царя нарисована крупная птица в полете, несущая в клюве венок с лентами (рис. 10).

Можно полагать, что сцена изображает торжественный царский прием, поводом для которого послужило какое-то важное событие, причем, как мне казалось, воин справа от царя мог быть и героем, и вестником военной победы, в честь чего и происходит торжество. М. М. Дьяконов полагал, что это торжественный прием по случаю приезда посла.

Однако и при первом, и при втором толковании сцены остается непонятным смысл птицы, несущей венок и ленты — предметы, считавшиеся, как известно, символами царской власти. Если мы обратимся к фольклору, то найдем весьма любопытный сюжет, объясняющий значение птицы и тем самым всей сцены. В фольклоре таджиков, так же как и других народов Средней Азии, весьма распространен сюжет, главным элементом которого является избрание царя посредством охотничьей птицы, обычно сокола, носящего название «боз-и-давлят» — «сокол (приносящий) царство»¹. Для нас особо интересно, что этот мотив сохранился и в народном творчестве ягнобцев, говорящих до сих пор, как известно, на одном из диалектов согдийского языка. В одной ягнобской сказке (с довольно сложной фабулой) о героях, совершающих путешествие, говорится следующее: «Ехали они (герои) по дороге три дня и три ночи (приближались к одному городу). Им встретился один человек. Спросили они его: какие в этом городе новости. Сказал (он): умер царь этого города. (Люди) вышли, чтобы пустить летать (охотничью) птицу. Говорят они (люди): на чью голову эта птица сядет, того мы сделаем царем»². Весьма вероятно, что ягнобская сказка сохранила представление, имеющее прямое отношение к интересующей нас детали росписи — птице, несущей символы царской власти — диадему с лентами. В целом, можно полагать, что художник передал легенду об избрании царя таким способом, как это рассказано в ягнобской сказке, присовокупив реальную обстановку пиршества.

Перехожу к третьей сцене, истолкование которой я хочу предложить. Эта роспись открыта в 1953 г. также на объекте VI, на западной стене помещения 13, — обширной прямоугольной комнаты (13 × 5,70 м), предназначенной для парадных, торжественных приемов. Сохранность живописи здесь относительно хорошая, но композиция уцелела далеко не полностью. Главное место в ней занято двумя лицами, играющими на доске в какую-то игру типа нард (рис. 11)³.

Отметим, что во время раскопок этого здания была обнаружена часть игровой кости. Целая игральная кость (деревянная) найдена на горе Муг.

О том, что в это время игра в нарды в Средней Азии была очень распространена и велась с большим азартом, вызывая сильные страсти, мы имеем интересные свидетельства письменных источников. Так, в рассказе ат-Табари⁴ об известном сражении между арабами и тюркским Хаканом в 119 г. х. (737 г. н. э.) на берегу Аму-Дарьи в местности Харистан говорится следующее: «Однажды Хакан играл с Курсулем в нарды, (поставив

¹ На этот сюжет мне указала А. З. Розенфельд, за что приношу ей благодарность.

² Цитирую по рукописи М. С. Андреева «Ягнобские сказки», предоставленной мне А. К. Писарчик, которой выражаю свою благодарность.

³ Эта же роспись в более мелком масштабе была опубликована нами в 60 вып. КСИИМК, 1955, стр. 94, рис. 41.

⁴ Ат-Табари, II, 1613, 7—11.

на кон) фазана. Курсуль тюркеш выиграл. И потребовал он от него (Хакана) фазана. И сказал он — (бери) самку. Сказал другой — самца! И возникла у них ссора, (во время которой) Курсуль переломил руку Хакану. Хакан поклялся, что он обязательно переломит руку Курсулю. Об этом узнал Курсуль и удалился (из ставки). Затем он собрал группу из своих сторонников и, напав ночью на Хакана, убил его».

Таким образом, в рассматриваемой сцене можно было бы видеть остатки какой-то жанровой композиции. Но вместе с тем считать ее только бытовой сценой нельзя по ряду важных деталей.

В правой от зрителей фигуре игрока изображен, несомненно, царь, о чем свидетельствует его головной убор в виде короны с крыльями. Такая форма короны хорошо засвидетельствована на монетах и в росписях Пянджикента. Однако это не обычное изображение царя. Наиболее важными иконографическими деталями служат два языка пламени, поднимающиеся по обе стороны головы из-за плеч, и нимб вокруг головы. Характерна внешность его партнера — прежде всего по одежде. Вместо обычного для персонажей пянджикентских росписей плотно облегающего тело кафтана верхняя одежда представлена в виде ниспадающего свободными складками плаща, из-под которого видна обнаженная грудь. Длинные волосы на голове правильными прядями зачесаны назад и повязаны лентой. Вокруг головы также сделан нимб. Характерно и то, что фигура эта показана сидящей с вытянутыми ногами в отличие от остальных, сидящих скрестив ноги.

Сцена составляет лишь часть более обширной композиции, от которой, помимо указанных персонажей, уцелели остатки изображений еще нескольких фигур. Несмотря на разрушенность росписи, можно, однако, утверждать, что в этой части сцены повторяются те же персонажи, что и в основной. Иначе говоря, перед нами ряд эпизодов, участниками которых являются одни и те же лица. К сожалению, восстановить содержание этих эпизодов не представляется возможным. Вернемся к основной сцене — игре в нарды.

Как известно, распространение игры в шахматы и нарды нашло отражение в древней и раннесредневековой письменности на Ближнем Востоке. С этими играми связываются, в частности, судьбы героев эпических сочинений. Напомним индийскую поэму о Нале и Дамаянти из Махабхараты¹.

В специальной работе И. А. Орбели и К. В. Тревер собран обильный материал, посвященный истории этих игр. Я позволю себе лишь привести одно место из пехлевийского сочинения, помещенного в этой книге, касающееся игры в нарды: «Важургмихр (изобретатель игры в нарды) сказал... Доску Неварташира (т. е. нард) я уподобляю земле Спандармед, и тридцать камней я уподобляю тридцати дням и ночам, пятнадцать белых я уподобляю дню и 16 черных уподобляю ночи. Каждую кость — гарда-нак — уподобляю движению звезд и движению небосвода»². Приведенные слова свидетельствуют о том, что с игрой в нарды ассоциировались мифологические или космогонические представления.

Учитывая сказанное, можно было бы предположить, что и в сцене пянджикентской росписи заключен аналогичный сюжет. Однако, присмотревшись ко всей композиции, мы вынуждены признать, что она не содержит близких данным представлениям иконографических деталей. Поэтому обра-

¹ Существует ряд переводов этой поэмы на русский язык. См., например, Петров. Песнь Налы из Махабхараты. «Телескоп», М., 1835, XXVI (7), стр. 342 и сл., а также известный стихотворный перевод В. А. Жуковского. Ср. Махабхарата. Пер. В. И. Кальцова. М.—Л., 1950, стр. 604 и сл.

² И. А. Орбели и К. В. Тревер. Шатранг. Гос. Эрмитаж. Л., 1936, стр. 51.

тимся к другому источнику для объяснения содержания рассматриваемой сцены — к сказочному материалу, заключенному в буддийской письменности и в первую очередь в сборниках «джатак», т. е. рассказов о перерождениях Будды. Среди имеющихся в переводах «джатак» нам без труда удалось обнаружить два рассказа, стержнем которых служит игра в кости. В одной джатаке рассказывается, что Будда, родившись в богатой семье, по достижении зрелого возраста сделался игроком в кости. Его партнером был человек, который играл нечестно и, в конце концов, был жестоко за это наказан Буддой¹.

Согласно другой джатаке Будда во время одного из перерождений был царем и часто играл в кости с главным жрецом своего царства (Пурогитой). Эпизоды, связанные с игрой, о которых рассказано в джатаке, включают в себе мораль: женщина, не устоявшая против соблазна, в конце концов жестоко расплачивается за это².

Мне кажется, что аналогичный сюжет представлен на пянджикентской картине. Характерной деталью являются поднимающиеся из-за спины царя два языка пламени — атрибут, распространенный в буддийской иконографии. Весь облик, приданный художником партнеру Будды, заставляет предполагать в нем брахмана — жреца.

Разумеется, утверждать, что и остальное содержание сцены совпадает с содержанием той или иной джатаки, мы не можем из-за плохой сохранности живописи. Однако особого значения это не имеет, потому что при тех же основных действующих лицах сюжет джатаки мог, видимо, передаваться в различных вариантах.

Такому толкованию сцены, как передающей буддийский сюжет, не противоречат и известные нам исторические данные о распространении буддизма в Средней Азии.

Письменные источники и археологические данные свидетельствуют о том, что начиная с I—II вв. н. э. и приблизительно по V или VI в. буддизм получил сравнительно широкое распространение на среднеазиатской территории, в том числе и в Согде. Напомню известия китайских хроник, наличие обширной буддийской письменности на согдийском языке, находки на территории Средней Азии памятников буддийского культа и искусства.

Правда, позже влияние буддизма, по крайней мере в Согде, резко падает. Рассказ буддийского паломника Сюань Цзана (ок. 630 г.) об опустевших буддийских монастырях в Самарканде, а также о враждебности населения к буддийским монахам хорошо известен в литературе. Со слов биографа Сюань Цзана известно, что этот паломник, заручившись покровительством местного правителя, предпринял шаги к восстановлению монастырей. В. В. Бартольд весьма скептически оценивает результаты, достигнутые Сюань Цзаном. С этой оценкой в целом можно вполне согласиться. Но все же не исключена возможность, что у некоторой части местных жителей, особенно в среде господствующего класса, буддийские миссионеры сумели снова приобрести некоторое влияние. В этом смысле представляет интерес упоминание о каком-то буддисте в одном из документов с горы Муг³. К сожалению, текст документа до сих пор не опубликован, и неизвестно, в какой роли выступает этот буддист. Но вряд ли это случайный факт. Во всяком случае, он служит доказательством того, что еще в период арабского завоевания буддисты в Согде проявляли определенную деятельность.

¹ И. П. Минаев. Несколько рассказов из перерождений Будды. ЖМНП, 1871, № 11, стр. 95.

² И. П. Минаев. Индийские сказки. ЖМНП, 1874, № 6 (ч. 176), стр. 85.

³ А. А. Фрейман. Опись рукописных документов... Согдийский сборник, Л., 1934, стр. 39.

Указанные наблюдения и соображения делают вероятным предположение о том, что владелец дома, в котором обнаружена интересующая нас живописная сцена, мог быть приверженцем буддизма. Само собой разумеется, что это заключение не следует рассматривать как показатель преобладающего или значительного распространения в Пянджикенте буддизма. Пока для этого нет оснований. Оно означает только, что в Пянджикенте, видимо, одновременно жили представители разных культов, в том числе и буддисты, — положение, которое характерно для периода кануна арабского завоевания и для других районов Средней Азии.

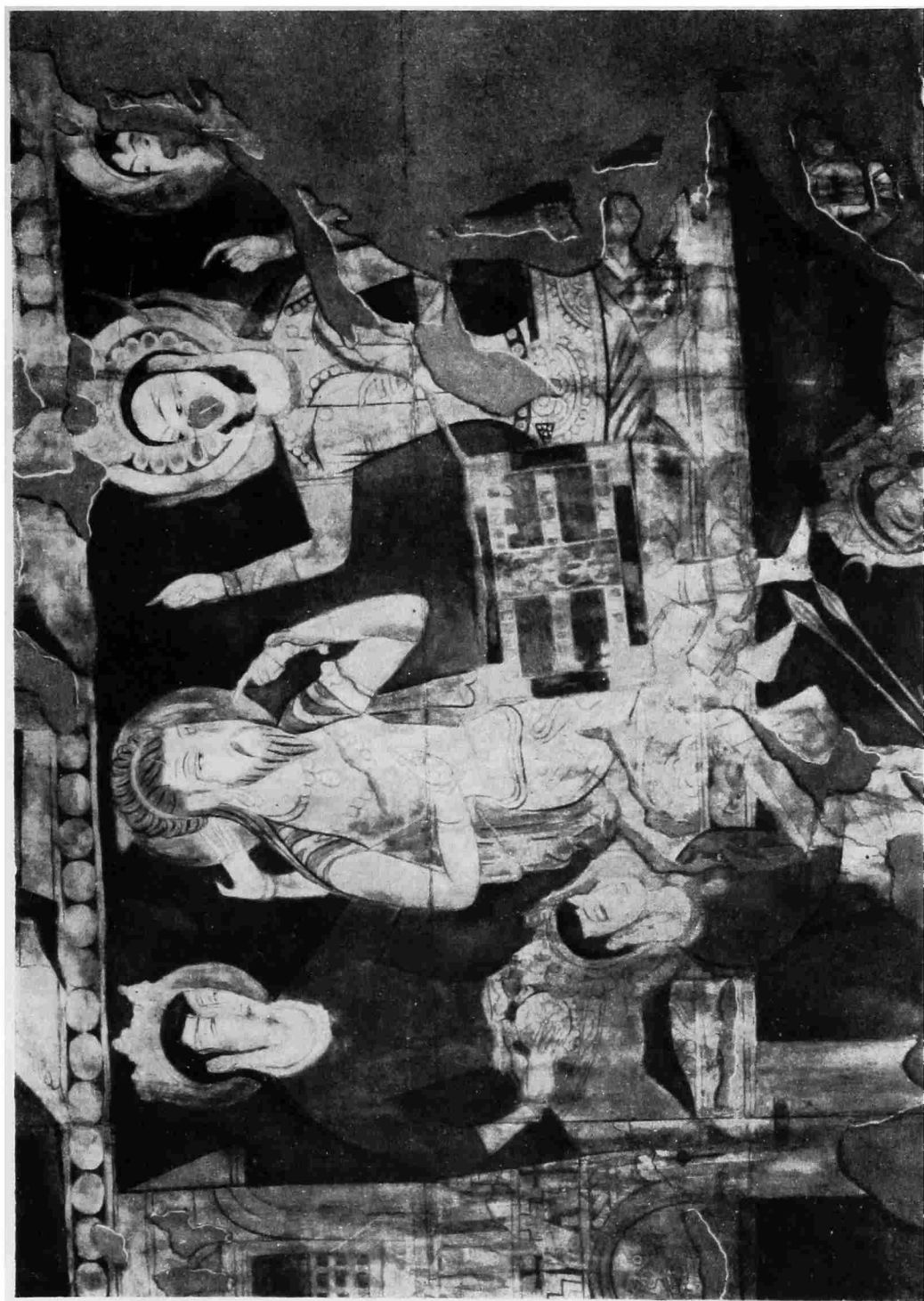

Рис 11. Фрагмент росписи западной стены помещения 13. (Панджикент, здание VI).

Рис. 12. Изображение конного воина на щите, найденном на горе Муг.

Б. Я. СТАВИСКИЙ

О ДВУХ ПАМЯТНИКАХ СОГДИЙСКОГО
ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА*(Всадник с мугского щита и конный воин из объекта VI древнего Пянджикента)*

Ставший широко известным в науке парадный «мугский щит» с красочным изображением конного воина, найденный в 1933 г. при раскопках замка на горе Муг, был впервые опубликован А. Ю. Якубовским в путеводителе по Среднеазиатской выставке Государственного Эрмитажа¹ и позднее — в его же работах, посвященных живописи древнего Пянджикента².

«Главное значение этого замечательного щита, — писал А. Ю. Якубовский, — в том, что это первый памятник согдийской живописи, дошедший до нас в таком виде, что мы могли по нему судить об уровне живописного искусства у согдийцев»³. Более того, А. Ю. Якубовский отмечал далее, что «щит этот представляет не только памятник замечательного изобразительного искусства древних таджиков, но и ценен как первоисточник для изучения вопроса о вооружении согдийца, воина-всадника в конце VII—начале VIII в., т. е. в период борьбы согдийцев с арабами за свою независимость»⁴.

Следует, однако, признать, что отнесение мугского щита к согдийским памятникам конца VII—начала VIII в. оставалось до известной степени условным. Правда, найден он в комплексе конца VII—начала VIII в., в замке одного из согдийских князей, владельца древнего Пянджикента — Диваштича. Но находки в этом же комплексе фрагментов китайских тканей, обломков деревянных изделий с китайским лаком и китайской бумаги свидетельствовали, что в замке на горе Муг были вещи не только местного, согдийского, но и иноземного (вплоть до китайского) происхождения. Поэтому нельзя было исключить возможность не согдийского, а иного происхождения мугского щита, тем более, что памятники такого рода в Согде долгие годы не были известны, а всадник на щите (рис. 12), как отметил А. Ю. Якубовский, «имел немало сходства с изображениями на стенных росписях в буддийских монастырях далекого Синьцзяна»⁵. Но тонкое историческое чутье не обмануло А. Ю. Якубов-

¹ А. Ю. Якубовский. Культура и искусство Средней Азии. Путеводитель по выставке. Л., 1940, стр. 25 и рис. на стр. 27.

² А. Ю. Якубовский. Живопись древнего Пянджикента по материалам Таджикско-Согдийской археологической экспедиции 1948—1949 гг. Изв. АН СССР, сер. ист. и филос., т. VII, 1950, № 5, стр. 474—476; его же. Древний Пянджикент. Сб. «По следам древних культур». М., 1951, стр. 215—218.

³ А. Ю. Якубовский. Живопись древнего Пянджикента..., стр. 475.

⁴ Там же, стр. 474.

⁵ А. Ю. Якубовский. Древний Пянджикент, стр. 217.

ского. Открытие памятников согдийского изобразительного искусства VII—VIII вв. в Варахше и Пянджикенте, свидетельствующих о высоком уровне художественного творчества согдийских мастеров, подкрепило его заключение, тем более, что некоторые элементы этой живописи нашли близкие аналогии в изображении на мугском щите. Наиболее яркое свидетельство в пользу согдийского, а может быть, даже и более узко—пянджикентского происхождения щита получено в результате открытия в древнем Пянджикенте в 1953 г. новых образцов росписей.

Фрагмент живописи, о котором идет речь, представляет собой небольшой участок настенной росписи, северной стены прямоугольного зала или внутреннего дворика, получившего условное обозначение «помещения 13», входившего в состав объекта VI— крупного строительного массива на восточной окраине пянджикентского шахристана. Помещение 13 непосредственно примыкало к городской стене¹.

В этом помещении, как и в других залах объекта (№ 1 и 8), живопись в древности покрывала, видимо, все четыре стены от поверхности суфы до потолка.

У левого края уцелевшего фрагмента росписи сохранилась часть конского крупа, правее виден второй конь с всадником, а вокруг них и в промежутках между ними заметны части пластинчатых панцирей и каких-то других изображений. Роспись включала, видимо, группу конных воинов, направлявшихся влево. К сожалению, до нас дошла лишь незначительная часть сцены, и сейчас интересно лишь одно изображение воина на коне (рис. 13), несмотря на ряд отличий, близкое к мугскому всаднику. Сходство заключается не только в близости сюжета обоих изображений. Еще больше их сближает общность художественного стиля и приемов рисунка. Оба они сочетают чрезвычайную точность в передаче отдельных деталей (например, одежды, вооружения, конской сбруи и т. п.) с манерностью и вычурностью всего изображения в целом. Грудь всадника в обоих случаях изображена повернутой в полоборота, тогда как ноги даны в профиль; плечи всадника развернуты, грудь — подчеркнуто широкая, а талия — удлинённая и чрезвычайно тонкая. В обоих случаях повторен один и тот же манерный, вычурно-изысканный жест правой руки, поддерживающей поводья, и столь же неестественное положение левой руки — с рукоятью булавы или жезла на мугском щите и древком копья на пянджикентском фрагменте (на последнем часть руки сохранилась крайне плохо).

Изображения коней в обоих случаях также оказываются чрезвычайно близкими; в частности, очень сходна передача гривы и контура крупа. Различия же зависят от различия материала (в одном случае — живопись на коже, натянутой на небольшой деревянный щит, в другом — монументальная стенная роспись на глиняной штукатурке) и от сюжета (одиночное изображение конного воина, вероятно, в парадной одежде, и изображенный в составе боевой группы готовый к бою всадник, одетый в пластинчатый панцирь).

Следует, конечно, отметить, что сюжет настенной росписи нам все-таки недостаточно ясен. Но для решения поставленного вопроса важны не сюжетные отличия, а то общее, что связывает пянджикентский фрагмент со щитом из мугского замка. Общее же это столь характерно, что позволяет нам рассматривать оба изображения как произведения высокого мастерства согдийских, а возможно, и более узко — пянджикентских художников VII—VIII вв. н. э. и тем самым подтвердить на новом материале правильность высказанного А. Ю. Якубовским мнения о происхождении мугского щита и общего суждения о согдийском изобразительном искусстве.

¹ См. статью А. М. Беленицкого. Из археологических работ в Пянджикенте 1951 г. СА, XVIII, 1953, стр. 332—334, 336—340 и рис. 3, 5, 6 и 7.

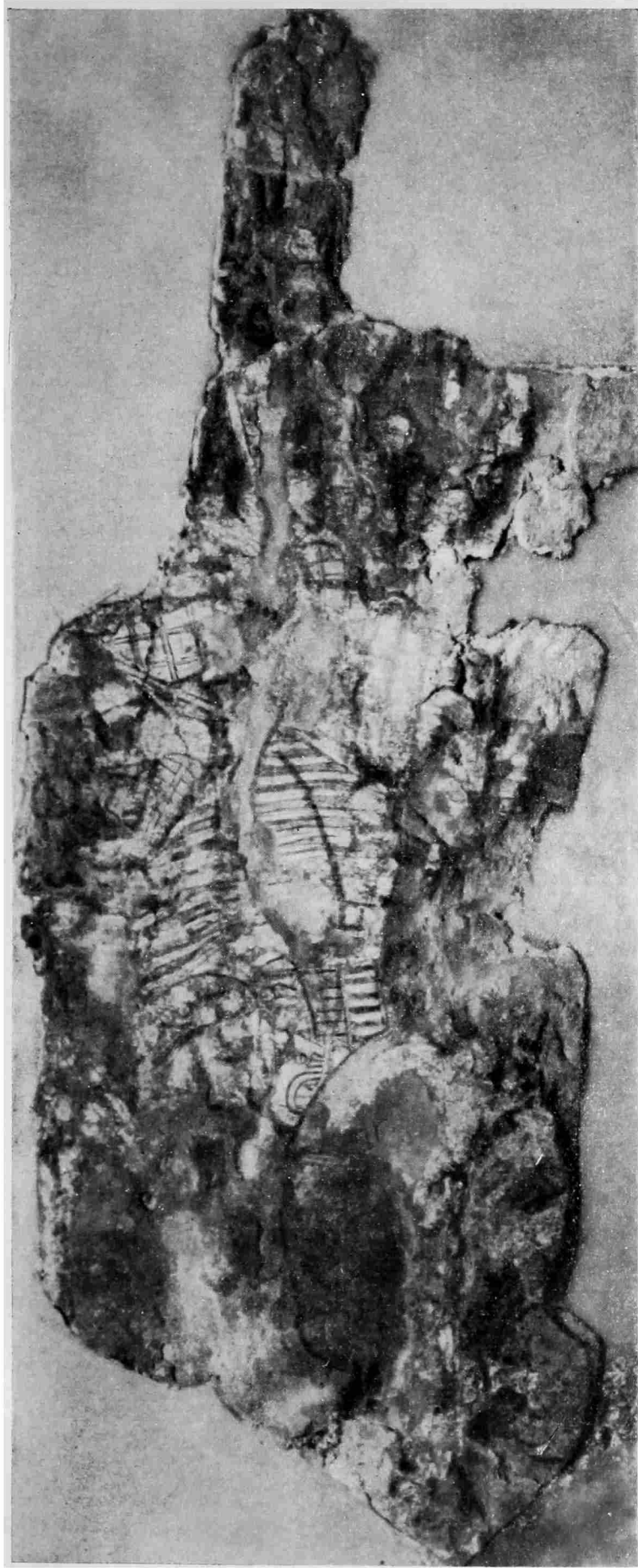

Рис. 13. Изображение конного воина на росписи в Пянджикенте. (Помещение 13, здание VI).

И. Б. БЕНТОВИЧ

ПЛЕТЕННЫЕ ИЗДЕЛИЯ
ИЗ РАСКОПОК НА ГОРЕ МУГ

Раскопки замка на горе Муг в 1933 г., произведенные экспедицией Академии Наук СССР под руководством А. А. Фреймана, дали большое количество предметов материальной культуры.

Несмотря на то, что прошло уже более 20 лет со времени раскопок, коллекция эта почти совсем не изучена. Очень неполное представление о ней дается А. И. Васильевым¹; часть коллекции, хранящаяся в Сталинабадском музее, описана С. В. Ивановым². Бóльшая же часть всех находок, хранящихся в Государственном Эрмитаже, до сих пор не издана. Некоторые вещи с горы Муг опубликованы в одной из последних работ А. Ю. Якубовского³.

Настоящая заметка посвящена описанию трех плетеных головных сеток, хранящихся в Государственном Эрмитаже. К сожалению, из-за отсутствия полевой документации мы не знаем, где именно и при каких условиях они были найдены.

Все три сетки хорошо сохранились. Это прекрасные образцы ажурного художественного плетения, аналогий которым мы не знаем ни в этнографическом, ни тем более в археологическом материале Средней Азии. Изготовлены они из тонких хлопчатобумажных нитей и, надо полагать, что первоначально были белыми; в настоящее время они грязновато-серого цвета.

Сетки в верхней части (примерно на $\frac{1}{3}$ общей длины) плелись в виде прямого целого полотнища, которое затем раздваивалось. Основной узор плетения располагался в верхней части, покрывавшей голову. Над лбом край прямого полотнища стягивался продернутой ниткой.

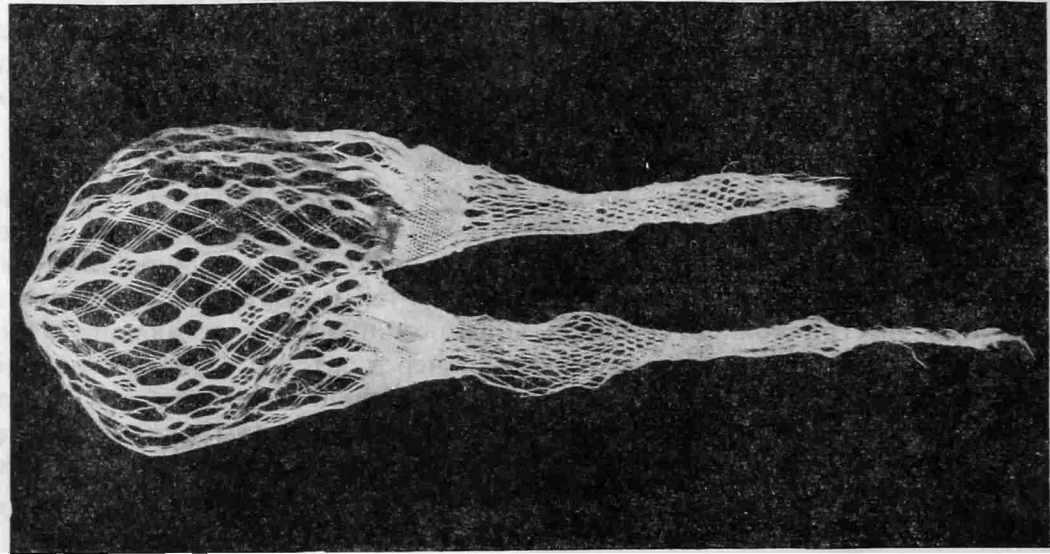
Ниже приводим описание каждой из сеток.

Головная часть сетки (инв. № СА 9004; рис. 14 — 1) имеет довольно простой, но изящный узор, образующийся сочетанием вертикальных рядов очень плотного и редкого плетения в одну нитку. Узкие ряды плотного плетения через равные промежутки раздваиваются и образуют окружность, заполненную внутри тонкой сеткой в виде ромбиков или оставленную без узора, причем две заполненные окружности чередуются с одной свободной. Ряды плотного плетения (их восемь на полотнище) соединяются между собой как бы поясками из трех нитей, идущими от середины каждой окружности. В местах перекрещивания их получают ромбы. Нитка, стягивающая

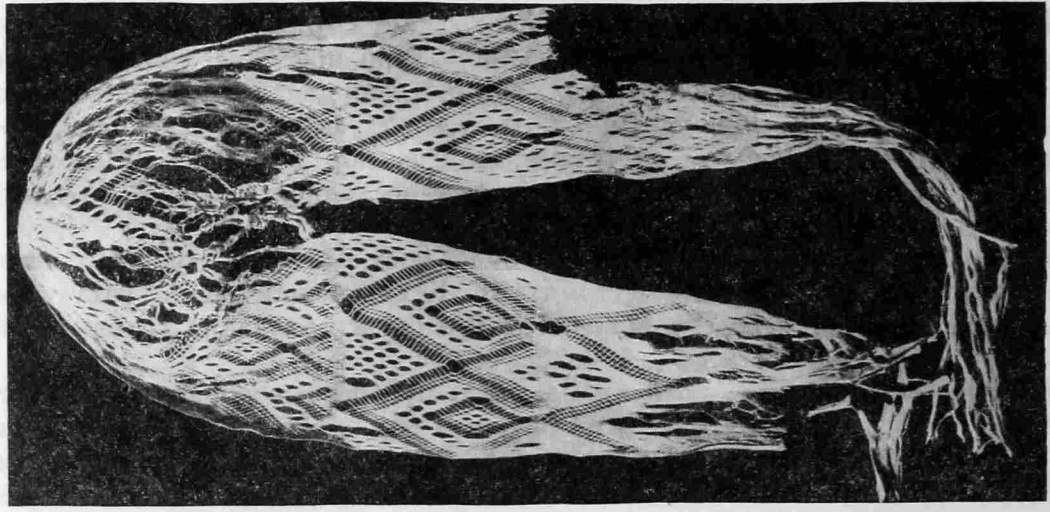
¹ А. И. Васильев. Согдийский замок на горе Муг. Согдийский сборник. Л., 1934, стр. 18.

² С. В. Иванов. О находках в замке на горе Муг. Изв. Отд. общ. наук АН Гадж. ССР, 1952, вып. 2, стр. 37.

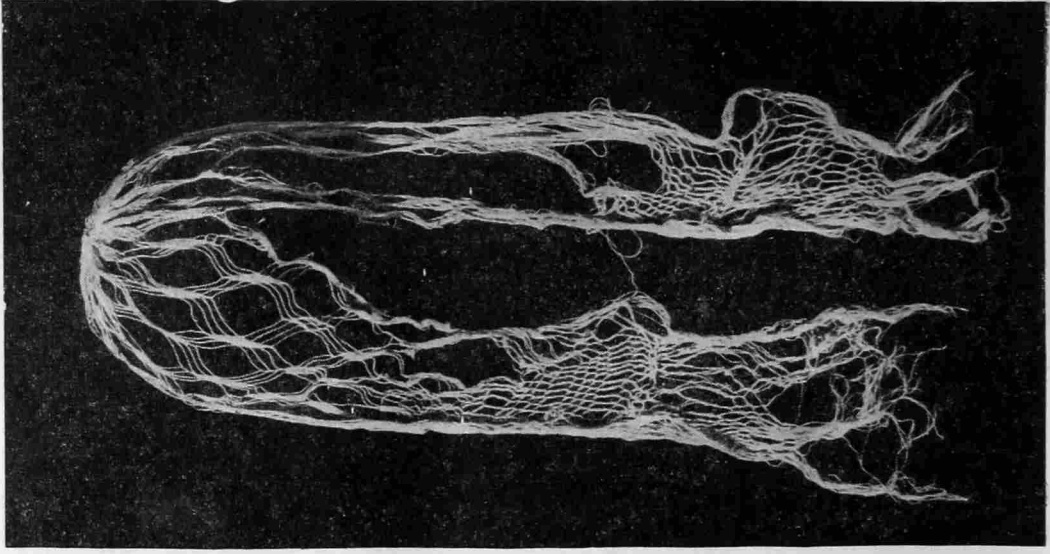
³ А. Ю. Якубовский. Древний Пянджикент. Сб. «По следам древних культур», 1951, стр. 209—269.

1

2

3

Рис. 14. Плетеные головные сетки из находок на горе Муг.

сетку над лбом, прoderнута в узкую, довольно плотную полосу. При стягивании рисунок плетения образует над лбом звездообразный узор.

Ниже головной части сетка разделяется на два полотнища. В каждом из них сначала следует широкая полоса (8 см) — гладкая, безузорная. Верхняя ее половина, более плотная, сплетена, как и вся сетка, в одну нитку, нижняя — в две. Эта полоса помещается под затылком и как бы служит переходом к длинным висящим концам. Здесь нити связаны в маленькие узелки, после чего начинаются сужающиеся полотнища (длиной 25 см) редкой сетки в две нитки. Концы головного убора завязывались узлом; возможно, что от него спускалась кисточка. Узел и кисточка придавали всей сетке некоторую тяжесть, благодаря чему она несколько оттягивалась вниз и хорошо держалась на голове.

Вторая сетка (рис. 14 — 2) сохранилась хуже. Очевидно, еще при жизни владельца она была сильно изношена, так как в нескольких местах отремонтирована более грубыми нитками.

Узор ее головной части сложнее и состоит из сочетания крупных ромбов и треугольников очень плотного плетения в одну нитку с частыми овальными отверстиями внутри. Контуры ромбов ажурны и напоминают мережку на современных вышивках. За ажурным ромбом следует ромб плотного плетения, аналогичного плетению треугольников с такими же овальными отверстиями. В ромб плотного плетения снова вписан ажурный ромб, заключающий в свою очередь ромб плотного плетения с четырьмя отверстиями. Таков же и рисунок части сетки, приходящейся под затылком. Узор нижней части, спускающейся на спину, имеет в основе то же построение, но отличается более плотным плетением. Вся сетка как бы разделена узкими полосами гладкого плетения на 3 части.

Необходимо отметить, что правый спускающийся конец не во всех деталях сходен с левым, однако оба конца значительно шире, чем у первой сетки; они покрывали всю спину и очень незначительно сужались книзу.

Над лбом сетка стягивалась, причем треугольники плотного плетения образовывали шестиконечную звезду.

Судить о том, как заканчивалась сетка, мы можем на основании двух отдельных фрагментов, на которых сохранились обрывки плетения. Хотя эти фрагменты (инв. № СА 9059 и 9060) не считаются принадлежащими к данной сетке, однако плетение их аналогично, и можно без сомнения утверждать, что они относятся именно к ней. Это обрывки каймы, в которую переходят все нити спускающихся концов. Кайма состоит из нескольких узких рядов прямых столбиков «мережки» и столбиков, стянутых в «жучки». Заканчивается она маленькими, короткими кисточками. Кайма массивнее и тяжелее, чем все плетение, и потому должна была хорошо оттягивать сетку вниз. Общая длина сетки — 84 см, ширина — 30 см, длина спускающихся концов — 62 см, ширина их — 14,5 см.

Третья сетка (рис. 14 — 3) — худшей сохранности. Плетение ее редкое, ажурное, в одну нитку. Узор несложен. В рисунке головной части — вытянутые ромбики плотного плетения; расположены они в шахматном порядке и соединены между собой тонкими, переплетающимися нитями таким образом, что нижняя часть одного ромба соединяется четырьмя нитями с верхней частью ромба из последующего ряда, а верхняя соединяется с нижней частью ромба в предыдущем ряду.

Ниже затылка, так же как и у первых двух, сетка раздваивается и спускается на спину двумя полотнищами простого плетения в одну нитку, а по мере сужения, к концу — в две нитки. Концы оборваны, но можно предположить, что и эта сетка, так же как и первая, завязывалась на конце узлом.

Кто носил эти сетки, были ли они принадлежностью женского или мужского туалета, в каких случаях они надевались?

Все эти вопросы остаются для нас пока неясными.

Ни на одном из известных нам изобразительных памятников Средней Азии мы не встречаем сеток или каких-либо более или менее сходных плетеных головных уборов. Все известные головные уборы представляют собой матерчатые шапки или металлические короны, из-под которых на плечи и спину спускались распущенные волосы. Все персонажи на изобразительных памятниках представлены в торжественный или официальный момент; очевидно, и головные уборы являются частью парадной одежды. Ношение сетки предполагает иную прическу — не распущенные по плечам волосы, а подобранные или гладко зачесанные назад. Поэтому возможно, что сетки носили в домашней, неофициальной обстановке.

К сожалению, в этнографических материалах также нет никаких сведений не только о подобных головных уборах, но и об ажурном плетении вообще.

Тем не менее узоры сеток находят себе близкие аналогии в узорах вышивки и вязания Средней Азии. Так, в рисунках цветных вязаных чулок дарвазских таджиков часто можно видеть сочетание ромбов и треугольников. Встречается также орнамент в виде соединений ромбов небольшого размера, ступенчатого контура, с вписанными в них крестообразными узорами¹.

Необходимо отметить, что и в живописи древнего Пянджикента ромбовидный орнамент был довольно широко распространен. Таким орнаментом, например, окаймлена сюжетная роспись на восточной стене в помещении 6 объекта III.

В поисках аналогий мы вынуждены были обратиться к памятникам материальной культуры более отдаленных от Средней Азии районов.

Среди находок из второго Пазырыкского кургана есть кружевной плетеный накосник², который по рисунку плетения до некоторой степени сходен с публикуемыми сетками. Можно указать также на хранящиеся в Государственном Эрмитаже коптские головные уборы³. Один из них, наиболее хорошо сохранившийся (инв. № 13113), представляет собой широкое кружевное полотнище коричневатого-бурого цвета, сплетенное из довольно толстых ниток. Полотнище сложено вдоль пополам и сшито поверху. Таким образом, когда убор был надет на голову, на макушке оставался уголок, как на современных башлыках.

Кружевное полотнище спускалось на плечи двумя широкими концами, узор которых несколько отличается от рисунка головной части сеток, но в общем имеет тот же характер. Основной узор плетения располагается рядами вдоль всего полотнища и сходен с рисунком второй из публикуемых сеток. Здесь также с плотным плетением сочетаются продольные ряды ромбов редкого плетения, орнаментированные внутри маленькими отверстиями.

Другой фрагмент плетеного коптского кружева (инв. № 13112) из черных и цветных ниток также очень близок по узору к той же сетке, особенно по сочетаниям ромбов и внутренним их заполнениям. Здесь на поле плотного, гладкого плетения в шахматном порядке расположены не связанные между собой ромбики плотного плетения с четырьмя отверстиями внутри, обрамленные в свою очередь ромбиком ажурного плетения в виде «мережки».

Мастерству кружевного плетения в России и на Западе посвящено несколько работ. Однако вопрос о месте происхождения кружев и тем более о времени их появления пока остается неясным. В России первые упомина-

¹ А. А. Бобринский. Орнамент горных таджиков Дарваза. М., 1900, табл. XIV, 3; табл. XI, 3.

² С. И. Руденко. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.—Л., 1953, табл. LXXV, 5, 6.

³ Автор с благодарностью отмечает, что коптские головные уборы были рекомендованы ему для рассмотрения М. Э. Матье.

ния о кружеве относятся к XIII в., а на Западе — к XV в.¹ В связи с этим находку ажурного плетения в согдийской крепости VIII в. можно считать очень интересной, а вопрос о древнем искусстве плетения должен стать предметом специального исследования. Здесь мы ограничимся только приведением некоторых сведений о возможной технике плетения.

Коптские головные сетки были исследованы в 80-х годах прошлого столетия в специальной школе кружевниц², где пытались получить подобное плетение. На обычной кружевной подушке-валике переплетом при помощи коклюшек кружевницы получили плетение сходное, но не тождественное. Тогда вместо подушки попробовали плести в пальцах, и плетение вышло совершенно аналогичным. Получилось это потому, что коклюшки на этот раз оттягивали нитки и давали ровное полотно, причем все плетение производилось в одну сторону — справа налево. Таким образом, достигались и густое плотное плетение, и ровная сквозная сетка, и отверстия.

Сетки с горы Муг по характеру плетения совершенно аналогичны коптским; естественно, можно предположить и близкую технику их изготовления. Ровное плетение свидетельствует о том, что в процессе производства изделие было равномерно натянуто. Необходимо отметить также, что, очевидно, и характер узора подсказывался самой техникой выполнения: ажурные «мережечные» ромбы с дырчатым заполнением, ромбы на перекрещении отдельных нитей — все это получалось в результате плетения изделия на каком-то, может быть, и очень примитивном, приспособлении.

Как мне было сообщено сотрудницей Государственного Русского музея В. А. Фалеевой, специально занимающейся изучением кружев, близкие по узору и технике изделия XIX в. имеются в Львовском музее, где хранится большое собрание женских чепцов, способ плетения которых хорошо известен. Плетение производится вручную в специальной небольшой четырехугольной раме. Поперек рамы снизу и сверху натягивается веревка или толстая нитка, к которой прикрепляются нити сетки. Каждый выплетенный ряд узора закрепляется продетой между нитями плоской палочкой. В раме выплетаются одновременно два чепца (снизу и сверху рамы), и палочки продеваются в оба изделия. По мере выделки узора палочки переставляются. Кроме этих палочек, между нитями в середине продета еще третья, которой мастерица подбивает и уплотняет плетение. После того как работа заканчивается на середине полотнища, оно закрепляется с обеих сторон и перерезается пополам. Таким образом, получают два ажурных полотнища; каждое из них потом сшивается так, как требует форма чепца.

По характеру плетения сетки с горы Муг настолько близки изделиям из коллекции Львовского музея, что можно более или менее уверенно говорить о подобной или очень сходной технике плетения.

Датировка публикуемых нами предметов определяется всем комплексом находок на горе Муг — VII—VIII вв. Что касается места происхождения головных сеток, то этот вопрос в настоящей заметке, имеющей целью первую публикацию интересных предметов, не решается, так как в распоряжении автора пока нет достаточных материалов.

¹ М. Н. Левинсон-Нечаева. Золото-серебряное кружево XVII в. Труды ГИМ, вып. XIII, М., 1941, стр. 167.

² С. Давыдова. Русское кружево и русские кружевницы. СПб., 1892, стр. 8.

Г. А. ПУГАЧЕНКОВА

АРХИТЕКТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ
В СЕЛЕНИИ АСТАНА-БАБА*(Из работ Южнотуркменистанской археологической
комплексной экспедиции 1948 г.)*

Селение Астана-баба расположено в 12 км к северо-западу от г. Керки, на стыке орошенных земель Аму-Дарьинского побережья и сыпучих песков.

Архитектурные памятники района мало известны. В эпоху присоединения Туркестана и Прикаспия Керки оставался во владении бухарского эмира. В эту пору памятники прошлого привлекали внимание лишь случайных любознательных посетителей. В числе их был офицер русской службы, любитель-художник Б. Литвинов, сделавший зарисовку с комплексного здания «подземной мечети-усыпальницы» и составивший подробное описание памятника и связанных с ним легенд¹.

В советское время район посещался экспедицией Туркменкульта (1931 г.), пришедшей к неверному отождествлению селения Астана-баба с упоминаемым средневековыми географами городом Земмом; четырехстолпный зал описанного Б. Литвиновым памятника был сочтен за элемент мечети IX—X вв. этого города. В архиве Туркменского филиала Академии Наук СССР хранятся фотографии, выполненные, видимо, по заданию Туркменкульта с двух архитектурных памятников Астана-баба: «мечети» и расположенного в 3 км от нее безымянного мавзолея.

Однако сооружения эти ни разу не были объектами специального историко-архитектурного обследования². Детальное изучение их было осуществлено нами в 1948 г. при работах 12-го отряда ЮТАКЭ³.

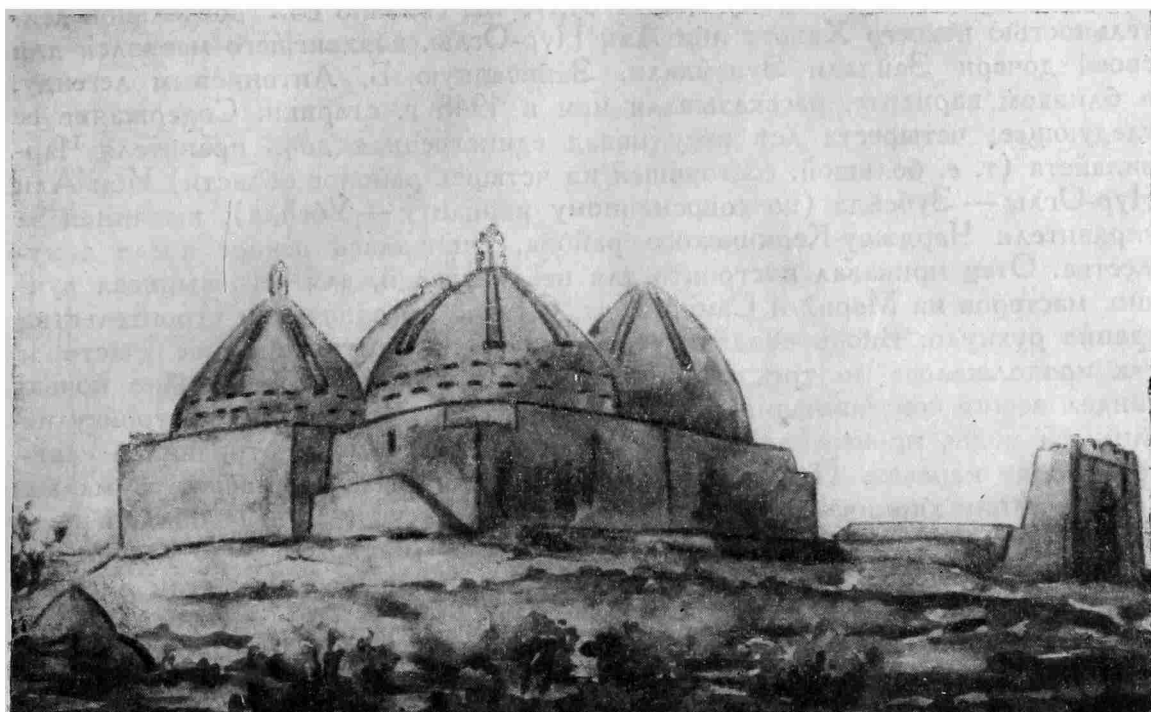
На расстоянии полукилометра от комплекса общественных зданий Астана-бабинского сельсовета, у края проезжей дороги, на территории современного кладбища высится оригинальная четырехкупольная постройка. Древние могилы так окружили здание, что уровень полов его на 2,5—3 м как бы врос в толщу земли (рис. 15).

Этот памятник известен под разными названиями: жители именуют его и мазаром Астана-баба, и мавзолеем двух братьев — Зейд-Али и Зувейд-Али и их жен — Кызляр-биби, а по объяснению старика Джума Джафар Оглы — неких Убейда и Зувейды. Мавзолей издавна пользовался большой

¹ Б. Литвинов]. Астана-баба. «Туркестанские ведомости», 1910, № 25.

² Во время подготовки настоящего выпуска к печати вышла в свет работа А. М. Прибытковой (Памятники архитектуры XI века в Туркмении. М., 1955), где один из разделов посвящен архитектурному анализу мавзолея Аламбердара (стр. 65—76), публикуемого Г. А. Пугаченковой. (Ред.).

³ Состав отряда: начальник ЮТАКЭ М. Е. Массон, этнограф Д. М. Овезов и архитектор Г. А. Пугаченкова.

1

2

Рис. 15. Мавзолей Астана-баба.
— общий вид с юго-востока; 2 — западный фасад.

популярностью у определенной части населения. Считалось, что в нем можно исцелить сумасшествие; «женский» мазар Кызляр-биби привлекал женщин, страдавших бесплодием или приносивших сюда детей, чтобы исцелить их от «сглаза». Б. Литвинов слышал от жителей название «Хазрет Шах-и-Майдан» («святой с Шахской площади»)¹, хотя одновременно записал предание, по которому здание будто бы связано со строительной деятельностью некоего Хазрет ибн Али Нур-Оглы, воздвигшего мавзолей для своей дочери Зайдали Зувайдали. Записанную Б. Литвиновым легенду, в близком варианте, рассказывали нам в 1948 г. старики. Содержание ее следующее: четыреста лет тому назад единственная дочь правителя Чарвилайета (т. е. большой, состоявшей из четырех районов области) Ибн Али Нур-Оглы — Зубейда (по современному варианту — Убейда), выданная за управителя Чарджуу-Керкинского района, скончалась вскоре после замужества. Отец приказал построить для нее мавзолей, для чего выписал лучших мастеров из Мерва и Самарканда. Однако по окончании строительства здание рухнуло. Вновь воздвигнутое сооружение постигла та же участь, и так продолжалось до трех раз. Нур-Оглы пришел в отчаяние, но ночью увидел вещий сон: явившийся ему старец дал совет возвести постройку из глины и воды, привезенных из Мекки. Тогда Нур-Оглы отправил в «святой город» караван. Привезенная оттуда земля была подмешана в малых дозах в глину кирпичей, а вода вылита в колодец, откуда воду брали в нужных количествах на строительство, и сооружение мавзолея было удачно завершено. После смерти Нур-Оглы тело его также погребено в этом здании, в помещении, смежном с усыпальницей дочери.

Легенда, видимо, содержит народное объяснение наличия в комплексном памятнике Астана-баба двух купольных усыпальниц с надгробиями. Возможно также, что в рассказе отразились смутные воспоминания о тех разрушениях и капитальных перестройках мавзолея, которым он подвергался, судя по архитектурным данным, уже в давние времена.

Что же представляет собой этот интересный памятник?

Это комплекс многочисленных разновременных сооружений, пристраивавшихся к какому-то первоначальному ядру, но с известным соблюдением общих планировочных принципов и единства архитектурной композиции. Описание памятника мы даем в хронологической последовательности возведения отдельных сооружений, составляющих архитектурный ансамбль. Взаимное расположение помещений ясно из публикуемого чертежа (рис. 16 — 1).

Ориентация основных осей здания почти совпадает с направлением частей света; вход расположен с восточной стороны; могилы ориентированы с севера на юг.

Из четырех главных, примерно одинаковых по размеру, квадратных в плане, перекрытых большими куполами помещений (рис. 16 — 1, Е, Ж, З, К) помещение «мечети» (Е) — старейшее. Оно сохранило древнюю кладку южной и восточной стен из обожженного кирпича размером $24 \times 24 \times 4,5$ см (варианты размеров — до 23 см в сторонах, до 5 см в толщине); 10 рядов кладки и 10 швов равны по высоте 58 см. Кладка — на хорошем ганчевом растворе.

В южной стене — две неглубокие арочные ниши; арки стрельчатого очертания, округлые в основании, почти спрямляющиеся к замку. Разделяющие их простенки фланкированы трехчетвертными колонками диаметром 48 см, на которых покоятся архивольты арок. Стволы колонок выложены горизонтально и вертикально положенными, чередующимися рядами кирпича, с разделяющим их широким горизонтальным швом и широкими клинчатыми швами между вертикальными кирпичами (до 2,5—3 см).

¹ Вероятно, искаженное «Шах-и-мардан» — эпитет Алиа. (Ред.).

В простенках между колонками кирпич размещен вертикальными рядами, поставленными попеременно то торцом, то плашмя.

Восточная стена сохранила в нижней своей половине древние кладки из спаренных кирпичей, с разделяющим их широким вертикальным швом.

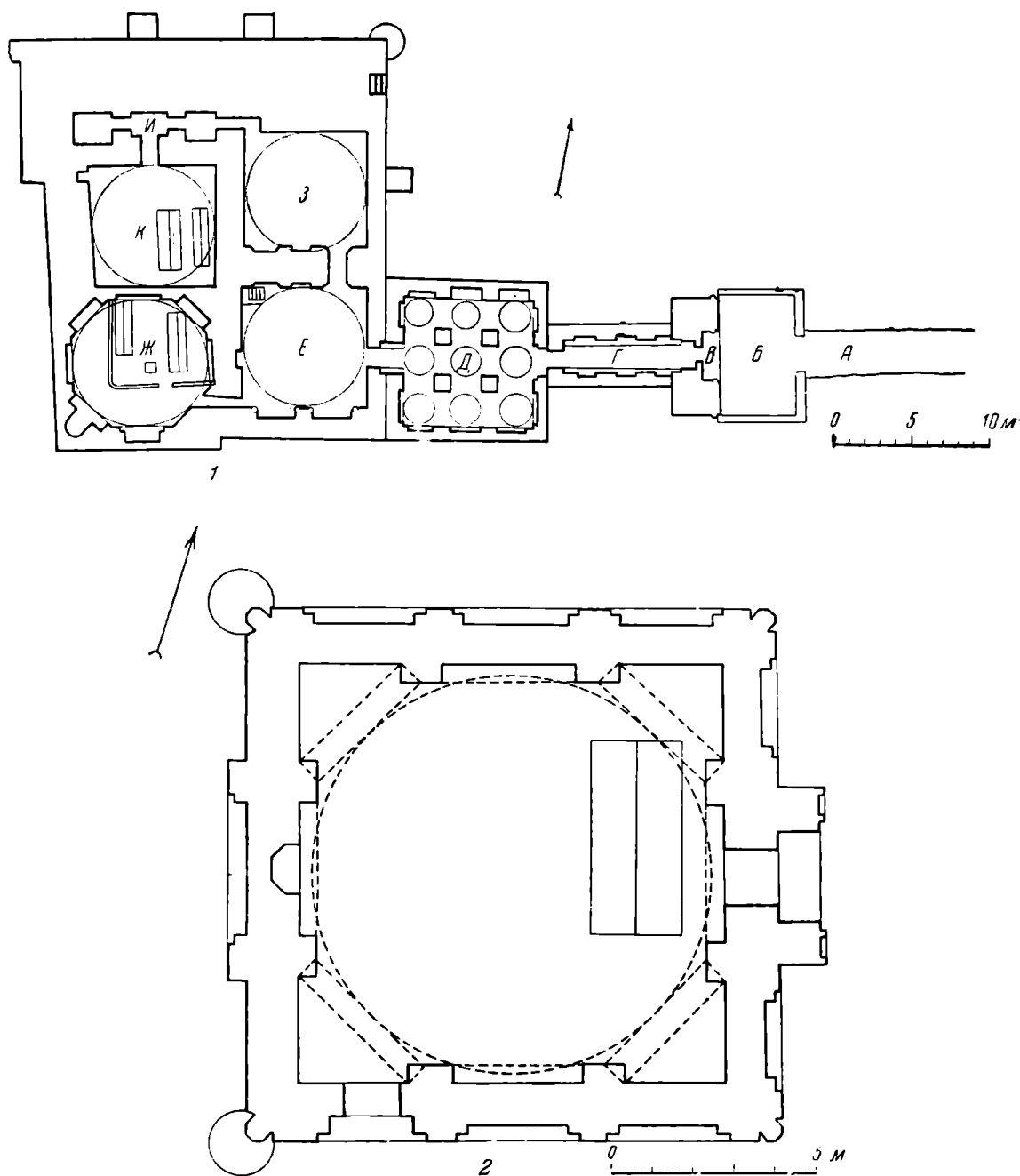

Рис. 16. Планы мавзолеев Астана-баба (1) и Мунтасира (2).

На плане мавзолея Астана-баба: А — открытый коридор, Б — дворик, В — пештак, Г — галерея, Д — четырехстолпный зал, Е — «мечеть», Ж — усыпальница Зейд-Али и Зувейд-Али, З — дивана-хана, И — крытый коридор, К — усыпальница Кызляр-биби.

Здесь заметны остатки двух арок; одна ведет в смежное помещение, другая, ей симметричная, заложена. Эта древняя стена продолжается и дальше, в помещении «дивана-ханы».

Западная стена сильно переделана при последующих реставрациях здания; при этом в ней была устроена против входа (но асимметрично относительно оси помещения) ниша михраба. Тогда же, видимо, в северо-западном

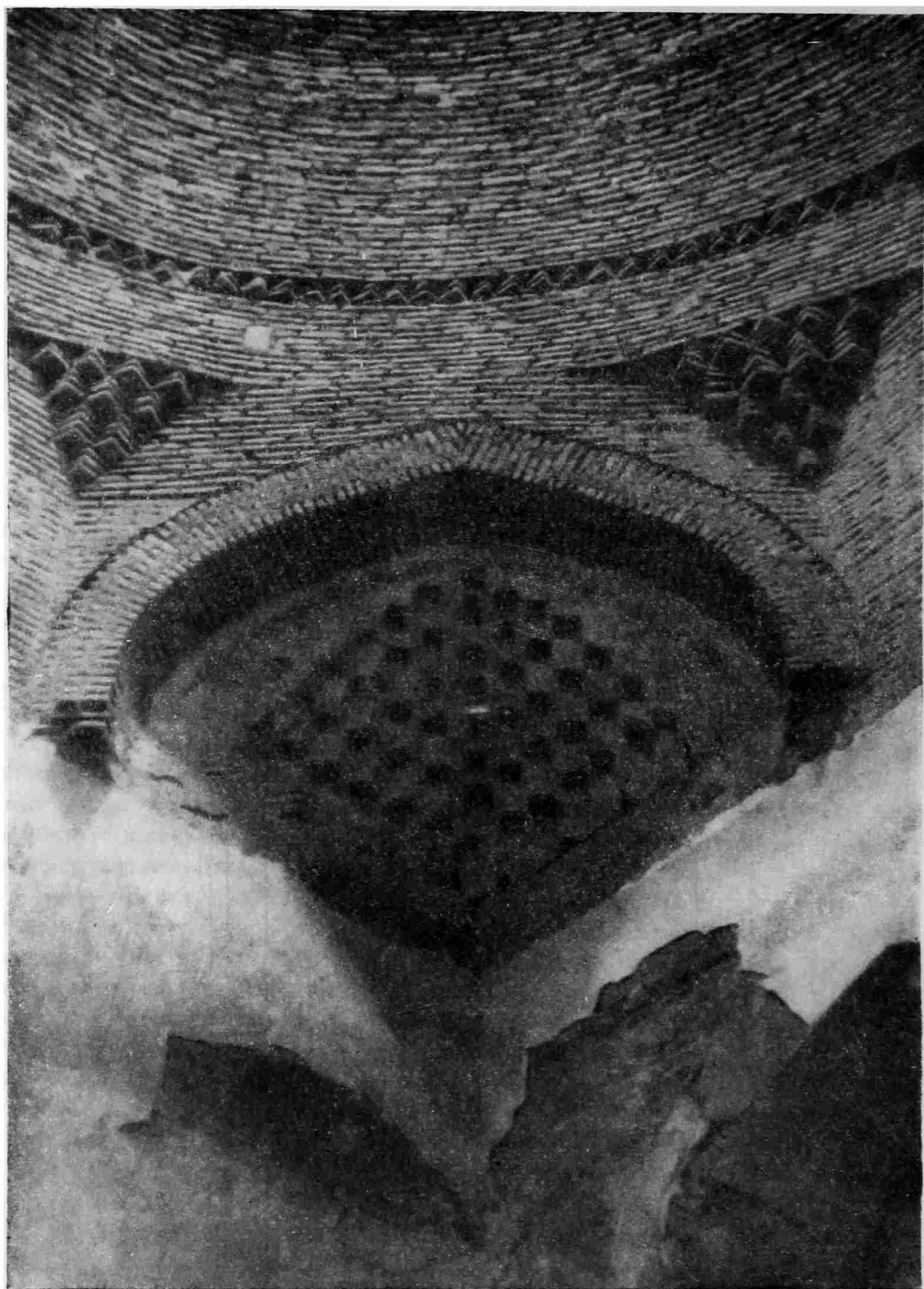

Рис. 17. Мавзолей Астана-баба. Деталь паруса.

углу сооружен кирпичный минбар. Однако вверху, на уровне парусов, сохранился небольшой участок древней кладки спаренными кирпичами.

Северная стена — позднего происхождения. Она выведена из кирпича размером $25-26 \times 25-26 \times 5$ см «вперебежку» швов каждого ряда. Кладка — на алебастровом растворе. Верхний участок оформлен аркатурой из шести разных ниш; например, северо-западная ниша почти вдвое уже остальных.

Переход к куполу через восьмигранник осуществлен посредством парусов «ячеистого типа», образованных многорядным напуском диагонально положенного кирпича (рис. 17). Юго-восточный и юго-западный углы при ремонте не подвергались существенным переделкам; они были лишь

штукатурены, два других паруса переложены. Старый конструктивный прием в них сохранен, но форма кривых в сравнении с четко очерченными архивольтами первоначальных арок очень несовершенна; в северо-западном парусе сохранилось алебастровое лекало, по которому при ремонте корректировали кладку. Купол эллиптической формы переложён при позднейшем ремонте. Снаружи он основан на восьмерике; в верхней части скуфьи купола видны 8 ребер его конструкции, между которыми велось заполнение отсеков поверхности. Верхушку оформляет небольшой фонарь-ротонда, увенчанный куполом. Этот тип конструкции повторен и в остальных трех куполах.

Пол мечети в настоящее время глинобитный.

Для выяснения устройства фундаментов древнейшей части здания а также уровня древнего пола в юго-западном углу «мечети» был заложен небольшой разведочный шурф размером $1,5 \times 1,5$ м. Оказалось, что на 5—6 см ниже слоя натопанной земли находится пол, небрежно выложенный из обломков кирпича, среди которых встречена целая квадратная плита штампованной терракоты размером $28 \times 28 \times 7$ см с геометрическим орнаментом плетенки, основанным на фигуре восьмигранника. Аналогичные плиты вмазаны в портале здания (об этом см. ниже); они датируются XIV в. Лежащий под этим полом 15-сантиметровый слой земли содержит керамику XVI—XVII вв.

Следующий пол выложен также довольно небрежно из целых и битых кирпичей. На этом уровне трехчетвертные колонки ниш сохранили гладкую алебастровую обмазку, которая выше давно облетела. Следует отметить, что большая засоленность почвы разрушила алебастровую штукатурку всего комплекса; штукатурка отслаивается и свисает лохмотьями там, где не производилось регулярной подмазки.

Непосредственно под вторым полом лежит самый древний, сильно попорченный пол, соответствующий по времени кладкам первоначальных стен, от которого сохранилось несколько обломков кирпичей; из них одни квадратные, размером 27×27 см, другие — лекальной формы. На 10—12 см ниже его уровня кладка стен заканчивается. Фундаментов не было.

Расположенное к северу помещение возникло одновременно с «мечетью». Его называют «дивана-хана», т. е. «комната умалишенных». Название это возникло потому, что сюда к врытому некогда столбу привязывали на цепи сумасшедших, привезенных «на исцеление». Кладка стен (кроме древней — южной) — из кирпича размером $25 \times 25 \times 5$ см. Южная стена расчленена на три стрельчатые ниши с прямоугольными панно над ними. Система парусов повторяет конструкции помещения «мечети», но очертания кривых парусных арок сильно заострены; основание эллиптического купола имеет форму не вполне правильной окружности. Помещение полутемное. Свет проникает в него через небольшое световое отверстие в куполе.

Смежно с «мечетью» с западной стороны расположена усыпальница Зейд-Али и Зувейд-Али, оштукатуренная внутри алебастром. В ней находятся два крупных, обмазанных глиной надгробия, окруженных грубой оградой. Основные кладки — из кирпича того же размера, что и в «мечети», — $24 \times 24 \times 2,5$ см; на отремонтированных участках кирпич — различного типа. Наиболее значителен последний ремонт, уже кирпичом европейского образца; тогда же были заложены углы помещения (кроме юго-западного, где оставлена глубокая михрабная ниша), и внутренний план его преобразован из квадратного в многогранный.

Наиболее позднее из четырех купольных помещений комплекса — мавзолей Кызляр-биби. Из «дивана-ханы» в него ведет узкий коленчатый коридорообразный проход, один из участков которого сохранил древнюю кладку спаренным кирпичом размером $24 \times 24 \times 4,5$ см. При составлении архитектурного плана выяснилось интересное обстоятельство: к северу от этого

коридора расположена пятиметровая толща закладки какого-то помещения, проникнуть в которое в настоящее время невозможно.

Мавзолей Кызляр-биби считается «женским»; здесь располагаются две саганы. При посещении Б. Литвинова вход сюда мужчинам был решительно воспрещен. Мавзолей, квадратный в плане, сложен из самого разнообразного кирпича, видимо, взятого с пришедших в ветхость старых построек ($25—26 \times 5$ см; $23—24 \times 4$ см и др.). Система перекрытий и ребристого купола имитирует конструкцию «мечети», но формы арочных кривых неодинаковы, выведены небрежно, купол имеет овальное основание, округленное в углах восьмигранника. На восточной стене между парусами сохранился алебастровый вкладыш в виде лекала; на других стенах арок нет.

Расположенный к востоку от «мечети» четырехстолпный зал квадратен в плане; стены его расчленены тремя нишами; перекрытие девятикупольное. Купола основаны на подпружных арках, переброшенных между стенами и мощными прямоугольными кирпичными столбами.

На основании неправильного отождествления селения Астана-баба со средневековым Земмом¹ и аналогий с древнейшими (столпными) мечетями Средней Азии в 30-х годах высказывалось предположение, будто четырехстолпный зал представляет собой остатки соборной мечети Земма, упоминаемой Макдиси (X в.)². Решить этот вопрос в положительном или отрицательном смысле представлялось чрезвычайно важным.

Наш осмотр показал, что в действительности зал этот пристроен к помещению «мечети» (рис. 16 — 1, E); западная стена его примазана на алебастровом растворе к древней стене, выложенной спаренными кирпичами. Кладка стен и столбов сложена из разномерного кирпича, видимо, взятого со старых построек: $24 \times 24 \times 4$ см, $26 \times 26 \times 5$ см, $21 \times 21 \times 4,5$ см, $23 \times 23 \times 4$ см и др. Кривые арок также разностильны; система парусов — явно позднего типа, скуфьи куполов отремонтированы кирпичом европейского образца.

Для окончательной проверки и для выяснения, покоятся ли несущие конструкции на древних фундаментах, — близ одного из устоев был заложен разведочный шурф, позволивший установить следующее: на 4—5 см ниже утоптанного слоя земли находилась вымостка пола из обломков кирпича; под ним — другая такая же вымостка; на 12 см ниже ее, на грунте залегала выступающая на 25—30 см платформа устоя, сложенная из одного ряда кирпичей размером $28 \times 16 \times 6$ см, с бороздками на постелях. Уровень полов и основания четырехстолпного зала находился выше уровня полов «мечети», к которой он был пристроен в более позднее время.

Галерея, ведущая от входа в четырехстолпный зал, сложена из кирпича $25—26 \times 5—5,5$ см на ганчевом растворе и перекрыта сводом «отрезками». Характерно, что наклон «отрезков» обращен на восток. Таким образом, кладка свода велась от пештака, сложенного из кирпича европейского типа, который с тыльной стороны пештака переходит на кладки галереи. Несомненно, что здесь — следы позднего ремонта. Подтверждение этому находим у Б. Литвинова. Описывая пештак, он сообщает об украшавших его колонках четырех типов, «которые чрезвычайно хороши как по рисунку, так и по выполнению, и являются однотипными с украшениями на оконных щечках могилы Султана Санджара в Старом Мерве»³. В настоящее время колонок этих нет.

¹ Работами 12-го отряда ЮТАКЭ установлено, что в действительности местоположение Земма совпадает с г. Керки.

² Ал-Макдиси (Мукаддаси), Извлечение из «Ахсан ат-такасим фи ма'рифат ал-акалим». МИТТ, т. I, М.—Л., 1939, стр. 188; см. также ВГА, III.

³ Б. Литвинов]. Астана-баба. «Туркестанские ведомости», 1910, № 25.

Что касается современного вида портала, то в оформлении его «лопатками», лучковыми арочками и другими деталями кирпичной фактуры чувствуется участие не среднеазиатского, а русского мастера.

Заслуживает внимания группа плиток резной терракоты, видимо, собранных из разных мест и вмазанных над дверью в щековой стене порталной арки. Плитки двух типов — с узором, резанным от руки, и со штампованным орнаментом. Среди плиток резной терракоты отметим часть оформления архивольта арки с куфической надписью «аль-мульк» — «власть» (подразумевается «принадлежит Аллаху») довольно строгого почерка и две плитки с куфической надписью более сложного начертания на фоне утонченного растительного орнамента (резьба трехслойная). Интересно, что в кладку арки четырехстолпного зала у входа в «мечеть» вмазана плита, аналогичная по стилю резьбы и растительного орнамента: на фоне замысловатых растительных сплетений размещено несколько сочных букв почерком несхи.

Ближайшие стилевые аналогии терракотовым плиткам находим в облицовке караханидского мавзолея Афрасиаба¹ и орнаментации резного штука данденаканской мечети конца XI в.²

Орнаментация штампованной терракоты иная. Здесь мы видим квадратные плитки с мотивом «плетенки», основанной на пересечении восьмигранников, мелкую плетенку, построенную также на принципе пересечения восьмигранников, надпись, исполненную витиеватым почерком «дивани» на фоне растительного орнамента. Употребление резной неполивной штампованной терракоты характерно в Средней Азии для XIII—начала XIV в. Ближние к описанным орнаментальные мотивы отмечаем на терракотовом надгробии 1312 г. из Наринджана³. С XIV в. большое распространение получает терракота поливная (ср. мавзолей Буян-кули хана в Бухаре, ранние мавзолеи Шах-и-Зинда в Самарканде и др.); две такие плитки с мелким штампованным геометрическим орнаментом, облитых зеленовато-голубой глазурью, также вмазаны на щипцовой стене портала.

Вымостка прямоугольного двора перед порталом, ограниченного кирпичной оградой, залегает на 2 м ниже уровня обступивших его могил. Попасть в этот дворик можно через узкий, открытый коридор, который, по свидетельству Б. Литвинова, вел сюда от здания ныне не существующей мечети легкого типа, завершавшей архитектурную композицию ансамбля.

Таково в общих чертах описание комплексного сооружения мавзолея Астана-баба.

Обследование памятника показывает, что ни о какой соборной мечети Земма X в. не может быть речи. Древнейшая часть его связана с помещением E (рис. 16 — 1), превращенным в мечеть лишь впоследствии, так как местоположение михрабной ниши, лишенной даже какого-либо архитектурного оформления, — самое случайное. Кладка стен спаренным кирпичом, а колонок — чередованием вертикально и горизонтально положенных рядов, мотив оформления стен интерьера арочными нишами с трехчетвертными колонками в углах — характерны для памятников XI—XII вв. Северного Тохаристана и Северного Хорасана. Ближайшей аналогией может служить 1-й мавзолей из группы Султан-Саадат в Термезе XI в.⁴ Однако наличие

¹ Б. Н. З а с ы п к и н. Архитектурные памятники Средней Азии. М., 1948, рис. 32. Плитки хранятся в Самаркандском музее и, по определению В. Л. Вяткина, принадлежали облицовке караханидской мечети Афрасиаба. Расшифровка М. Е. Массоном некоторых надписей позволила установить, что в действительности терракоты эти украшали мавзолей одного из караханидских правителей второй половины XII в.

² С. А. Е р ш о в. Данденакан (Археологические разведки у Таш-Рабата в 1942 г.). КСИИМК, XV, 1947, рис. 60, 61.

³ Б. П. Д е н и к е. Архитектурный орнамент Средней Азии. М., 1939, рис. 99—102, стр. 108.

⁴ Б. П. Д е н и к е. Указ. соч., стр. 12, 13.

фрагментов резной неполивной терракоты высокоразвитого стиля, характерного для XII в., позволяет уточнить датировку раннего здания первой половиной XII в., т. е. до «гузской смуты», разрушительные последствия которой коснулись и Керкинского района. К этому времени, очевидно, относится и нижний пол, обнаруженный в шурфе «мечети».

Каково первоначальное назначение здания? Если бы это была мечеть, ось постройки была бы обращена в сторону кыблы, т. е. северо-восток — юго-запад. Ориентация же по странам света скорее указывает на то, что это был мавзолей, так как суннитские мусульманские погребения обычно обращены с севера на юг. Видимо, памятник сооружен у могилы высокочтимого духовного лица (мавзолеи светских лиц обычно не окружаются культом), имя которого не сохранилось. Отсюда — долговременный культ, связанный с памятником. Главный мавзолей (ныне именуемый мавзолеем Зейд-Али и Зувейд-Али) имеет, видимо, ту же древнюю основу, но сильно искажен позднейшими перестройками. Об этом можно судить и по кирпичу основной кладки, и по обнаруженной при осмотре интерьера интересной детали — вмазанному в ограду надмогильников фрагменту резного штука с растительной орнаментацией, близкой по стилю к некоторым узорам резных алебастровых облицовок данденаканской мечети (1096/1097 гг.) и дворца термезских правителей (XII в.).

Может быть, в XII в. уже существовал и порталый вход в какой-то дворик при здании, оформленный резными терракотовыми колонками, которые еще застал Б. Литвинов.

К концу XIII—XIV вв., после монгольского нашествия, пагубно сказавшегося на жизни района, пришедшее в упадок здание значительно реставрируют. С этой эпохой мы связываем и вымостку среднего пола «мечети», и развитые ячеисто-сталактитовые конструкции парусов, особенно характерные для памятников первой половины XIV в. (мавзолеи Хасани-Саурани в Хорезме, Сейид-Алаеддина в Хиве, Султана Сейид-Джелаладдина в Касане и др.). Тогда же были изготовлены штампованные резные неполивные плитки, а для особо парадных участков архитектурных поверхностей — поливные терракоты.

Следующая значительная реставрация здания относится к XVI или, скорее, к XVII в. (часть опавших терракотовых плиток XIV в. оказалась в вымостке верхнего пола «мечети»), когда Керкинский район входил в состав сильного Балхского владения. С восточной стороны пристраивается четырехстолпный зал, грубоватые кирпичные устои которого напоминают галереи (на подобных же столбах) мечети Калян в Бухаре (XVI в.) и Тилля-Кари в Самарканде (XVII в.); крытый коридор соединяет его с пештаком. Видимо, лишь к середине XVIII в., когда в области Чарджоу — Керки прочно укрепилось туркменское племя эрсари (может быть, в 40-х годах, когда правителем Керки был влиятельный Рустамбек-кара)¹, относится период капитального ремонта памятника и его основных помещений («мечети», «дивана-ханы» и др.). Еще позднее, возможно, в XIX в., было осуществлено строительство мавзолея Кызляр-биби, на возведение которого брался разнотипный кирпич из пришедших в упадок древних частей комплекса. Для подхода к нему замуровывается часть какого-то помещения в северной группе, так что оставшийся участок его образует темный коридор.

Здание уже глубоко вросло в толщу окружающих его могил, и как на многих других старых среднеазиатских кладбищах (Шейхантаур в Ташкенте, Шах-и-Зинда и Абди-Дарун в Самарканде) подход к нему превратился в род открытого коридора. В таком состоянии застал мавзолей в 1910 г. Б. Литвинов. Капитальная реставрация русским кирпичом

¹ Мухаммед Казим. Надир-наме. Пер. П. П. Иванова. МИТТ, II, стр. 189—191.

главного мавзолея и входного пештака, видимо, связана со строительной деятельностью бухарского эмира в 1918—1920 гг.

Мавзолей Астана-баба — интереснейший памятник местного строительного искусства. Композиция его очень оригинальна. Ее характеризует развитое пространственное решение с осевым построением — от узкого открытого коридора, через полузамкнутый дворик, к небольшому, но достаточно монументальному по пропорциям пештаку, и дальше — через крытую

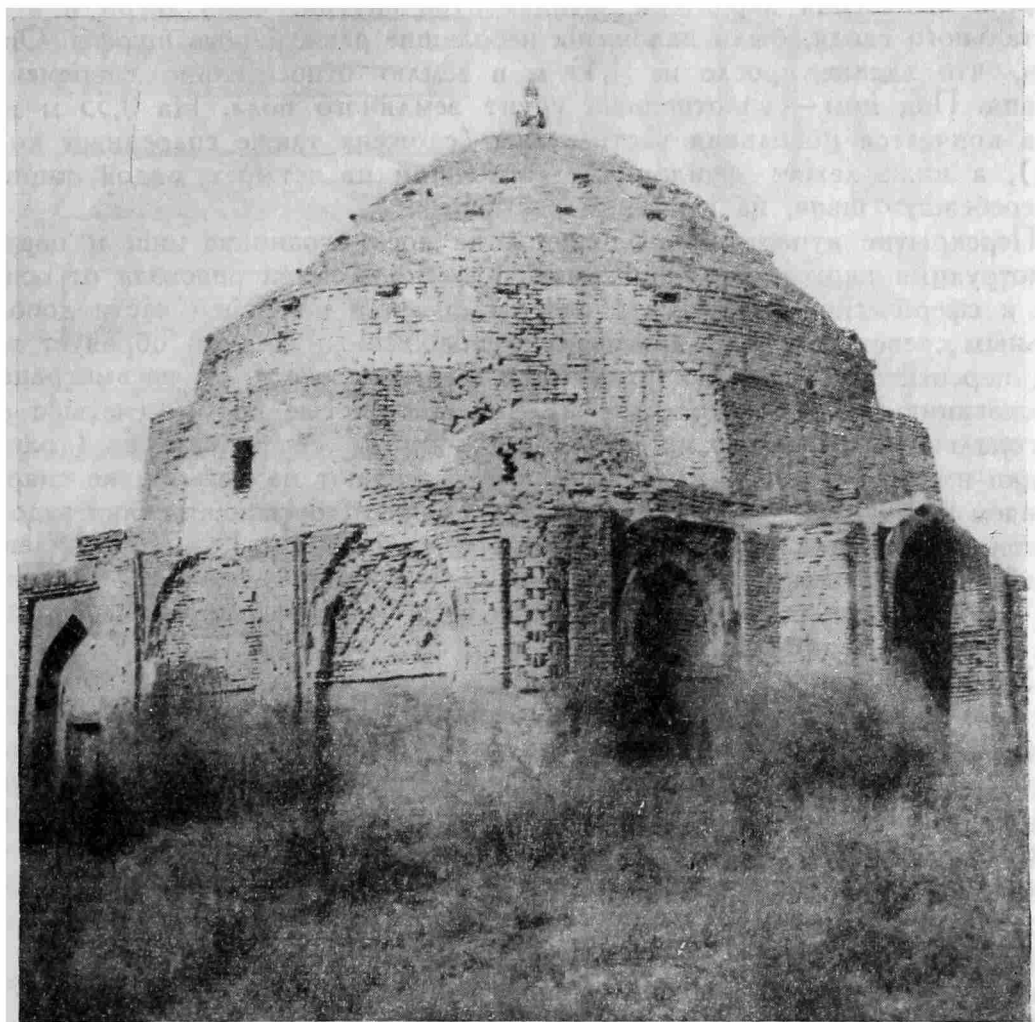

Рис. 18. Общий вид мавзолея Мунтасира (Аламбердара).

галерею в многокупольный четырехстолпный зал, «мечеть» и главный мавзолей. Во внешнем построении доминирует своеобразное четырехкупольное сочетание объемов.

В 3 км к северу от мазара Астана-баба, неподалеку от дороги, среди хлопковых полей, высится небольшой кирпичный мавзолей (рис. 18). Население плохо знает этот памятник; в отличие от мазара Астана-баба он не пользуется популярностью среди жителей.

При опросе далеко не сразу удалось даже установить наименование — мазар Аламбердара (или Аламдара, тугчи — «знаменщика»). По преданию Аламбердар был военачальником, сподвижником Алия. Однажды, продвигаясь в пустыне где-то в районе Астана-баба, отряд его остался без воды. Аламбердар отправился на розыски колодца, уговорившись с воинами, что к ночи, для того, чтобы он не заблудился, ему зажгут огни. Отыскав воду, Аламбердар уже затемно возвращался к отряду, но по ошибке пришел

к огням врагов — кызылбашей, которыми и был убит. Утром его воины бросились на розыски, отбили тело и при погребении воздвигли над ним мавзолей. Было это тысячу лет назад.

Мавзолей однокамерный. Выстроен из обожженного кирпича размером 26—27 см в стороне на 4,5—5 см толщины (10 рядов и 10 швов по высоте равны 57 см). Стены сложены на глиняном растворе, арки паруса и купол — на алебастровом. Кладка стен снаружи и внутри осуществлена спаренным кирпичом, с широким разделяющим вертикальным швом.

Для выяснения характера фундаментов внутри, близ двери и в углу portalного свода, были заложены небольшие разведочные шурфы. Оказалось, что здание вросло на 1,15 м в землю относительно современного уровня. Под ним — уплотненный грунт земляного пола. На 0,55 м ниже пола кончается цокольная часть стены (сложена также спаренным кирпичом), а ниже лежит фундамент, состоящий из четырех рядов кирпича, «вперебежку» швов, на глиняном растворе.

Перекрытие купольное, основанное на восьмиграннике ниш и парусов. Конструкция паруса — в виде сомкнутого свода. Угол перехода от основания к сферической поверхности свода смягчен в пазушной части дополнительным срезом под 45°; диагонально положенный кирпич образует здесь ряд перспективно смыкающихся ниш. Углы перехода от восьмигранника к основанию купола заполняют маленькие ячеистые паруса (четыре ряда диагонально выпущенных кирпичей). Сомкнутые своды парусов (толщина кладки их — всего лишь в полкирпича) выступают на восьмерике снаружи и ничем не замаскированы. В основании арок и парусов для связи заделано диагонально по два деревянных бруса сечением до 13—15 см. Неспиленные деревянные кругляки торчат в уровне начала кривизны арок. Возможно, они служили основанием для подмостей, на которых закреплялось ганчевое правило для кривой.

Здание за все время своего существования лишь один раз было подвергнуто капитальной реставрации, причем заново возведена западная стена, в которой устроили нишу михраба, в наружных углах сооружены круглые башенки — контрфорсы, переложены северо-западный и юго-западный паруса и заново возведена скуфья купола, которому придали форму, несколько напоминающую верх юрты. В кладке купола заделаны в трех уровнях полувыступающие снаружи кирпичи. Верхушку его венчает фигурное навершие — кубба. Кирпич ремонта — размером 25 × 25 × 5 см; кладка — на алебастровом растворе, «вперебежку» швов.

Здание квадратное в плане — 12,8 м по наружной стороне, 8,5 м по внутренней (рис. 16—2). Внутри близ восточной стены находится большое обмазанное глиной надгробие; стены расчленены каждая тремя стрельчатыми нишами. Снаружи северный и южный фасады оформлены тремя неглубокими нишами. Западный фасад, видимо, первоначально был таким же; при ремонте он переложен и в настоящее время включает одну центральную настенную нишу. Центрический характер композиции мавзолея подчеркивается встроенными угловыми восьмигранными колонками (с западной стороны они включены в ремонтные башни — контрфорсы). Главный фасад отличается от боковых тем, что средняя ниша его развита в небольшой пештак, выступающий вперед на 1,08 м и слегка возвышающийся относительно стены.

В оформлении архитектурных поверхностей большую роль играет фактура строительного кирпича. Наряду с характерной кладкой наружных рядов спаренными кирпичами с сильно выраженным вертикальным швом между каждой смежной парой, выделяются особые резные фигурные кирпичи, которые иногда условно именуют «бантиками». Насчитывается их 15 типов, причем в различных взаимных комбинациях они образуют разнообразные варианты геометрического узора. Резьба осуществлена на всей

узкой стороне обычного кирпича, на ее половинке или четверти еще до обжига (рис. 19).

Основная кладка фасада — из спаренных кирпичей. В простенках между арочными нишами введены фигурные кирпичики в виде двух скобок и «сигмы». Арки ниш сложены «отрезками» из плашмя положенного кирпича, но арки портала и входа — клинчатой кладки. В тимпанах настенных арок — ромбовидные фигуры, выложенные из квадратиков. В тимпане арок

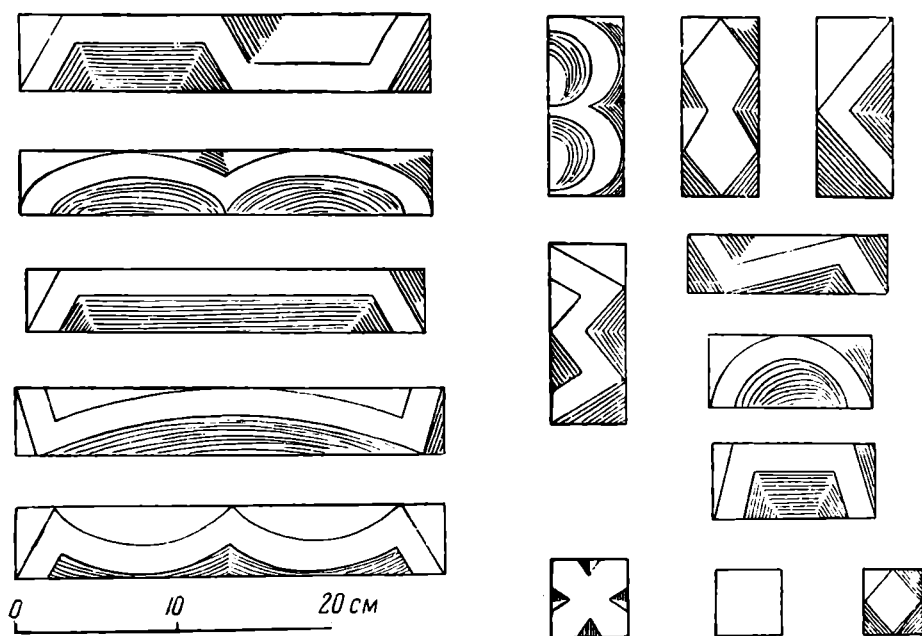

Рис. 19. Типы резных кирпичей. (Мавзолей Мунтасира).

пештака — ажурный узор, образованный из С-образных резных кирпичиков. Межарочные пространства заполняют простые, но разнообразные геометрические фигуры, основанные на зигзаге, на диагональной или квадратной сетке, а также образованные кладкой кирпича «в елку». Горизонтальные бордюры, подчеркивающие линию пяти арок, выложены из резных кирпичиков. Мотивы орнамента очень разнообразны; они варьируются на всех фасадах и содержат фигуры из кружков, эллипсов, ромбов, зигзагов и пр. Очень характерна выкладка угловых колонок чередованием спаренных кирпичей и вертикально поставленных, также спаренных полукирпичиков; так как они расположены по сторонам восьмигранника, то кладка рядов идет как бы «вперебежку» с взаимным последовательным нахлестыванием рядов. Кладка стен интерьера однотипна, выполнена спаренным кирпичом (рис. 20).

На основании стилизованных признаков можно наметить датировку здания. Центрическая композиция главной части сооружения с характерными встроенными колоннами в углах восходит к памятнику IX—X вв. — знаменитому мавзолею Саманидов в Бухаре¹. Однако некоторые элементы — наличие пештака как еще не вполне развитой, но уже определившейся архитектурной формы, переход от индивидуальных фигурных плиток к резным кирпичам — приближают это здание к кругу памятников XI в. Зарождение пештака отмечается в мавзолее Мир-Саид-Бехрам в Кермине² и в так

¹ Мавзолей Саманидов публиковался неоднократно; см., например, Б. П. Денике. Указ. соч., стр. 8—10.

² А. К. Писарчик. Памятники в Кермине. Академия архитектуры СССР. Сообщения Института истории и теории архитектуры, вып. 4, 1944, стр. 22, 25.

называемом Среднем мавзолее Узгенда (оба относятся к XI в.). Прием оформления стен интерьера тремя стрельчатыми нишами использован при сооружении первого мавзолея из комплекса Султан-Саадат в Термезе (XI в.)¹ и мавзолея Абу-Саида в Меана (середина XI в.).

К такому же заключению приводит нас и сравнение кирпичной фактуры стен. В мавзолее Саманидов в Бухаре уже употреблена кладка из трех рядов кирпича с разделяющим их диагонально поставленным кирпичом².

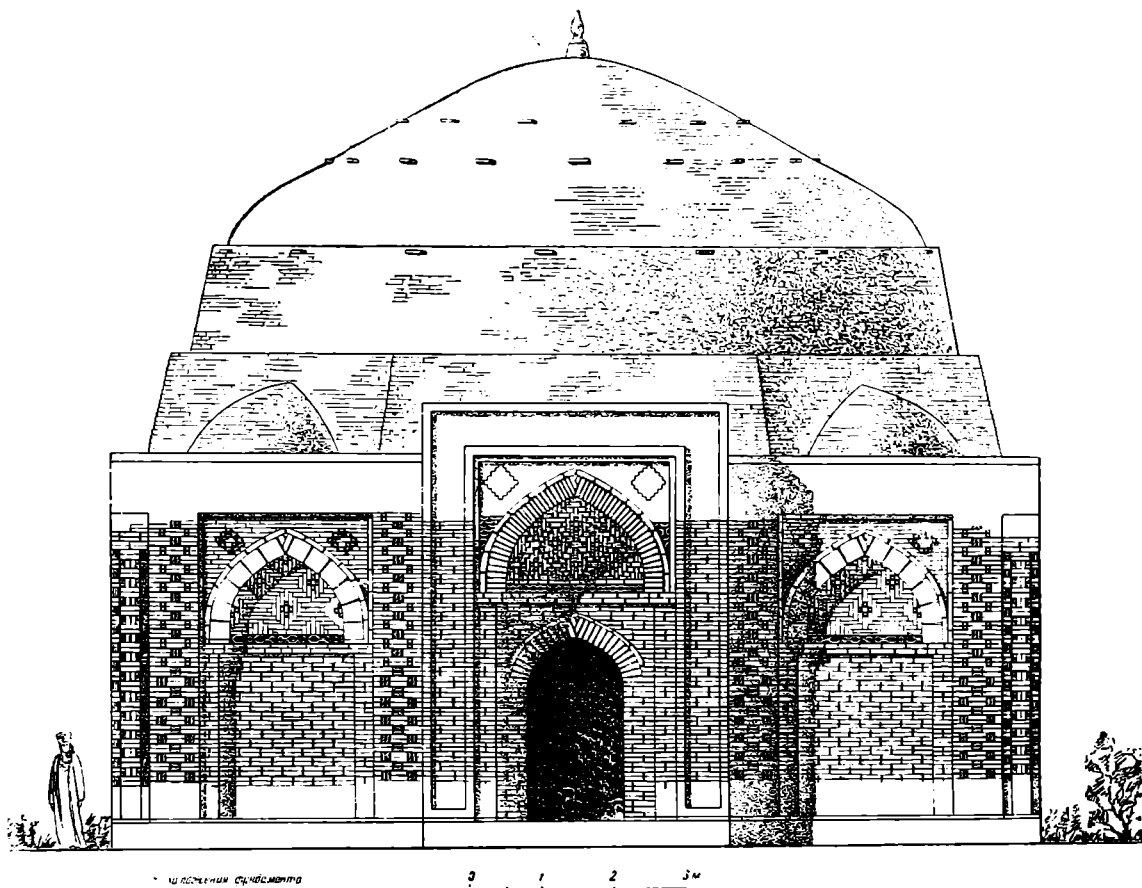

Рис. 20. Мавзолей Мунтасира. Главный фасад. (Реконструкция).

Что касается кладки спаренным кирпичом, то употребление ее характерно для всех упомянутых выше памятников XI в. К ним можно добавить мавзолей Абул-Фазла в Старом Серахсе (около 1024 г.) и Карахана в Джамбуле (XI в.). Выкладка угловых колонок мавзолея Аламбердара, аналогична колонкам мавзолея Мир-Саид-Бехрам в Керамине.

Самый ранний пример появления фигурных резных кирпичей пока отмечен для круглобашенного мавзолея в Ладжике (1022/1023 гг.) и близкой по стилю и по времени башни в Расджете³. Здесь можно указать аналогичные встречающимся на мавзолее Аламбердара узоры бордюров, выложенных из квадратиков, из полукруглых, скобкообразных, трапециевидных фигур, вырезанных на кирпиче. Различные типы фигурных кирпичиков были выявлены на первоначальных (XI в.) кладках айвана двора термез-

¹ А. А. Семенов. Происхождение термезских Сейидов и их древняя усыпальница «Султан-Саадат». ПТКЛА, г. 19-й, Ташкент, 1914 (фотография между стр. 8 и 9).

² Л. Н. Воронин. Кирпичная фактура стены. Труды САИИ, Строительный факультет, вып. 4, Ташкент, 1939, фиг. 5.

³ A. Godard. Les tours de Ladjim et de Rasdget. Athar-e-Iran, t. I, fasc. 1. Paris, 1936, стр. 109—121.

ских правителей¹, в мавзолее Абу-Саида в Меана (середина XI в.). В памятниках конца XI—XII вв. встречаются уже более сложные системы выкладок, чем в мавзолее Аламбердара. Большую роль в них играет резная терракота снаружи и резной штук внутри помещения. Усложняется и орнаментация, в которую широко вводятся надписи (в мавзолее Аламбердара их нет) и растительные мотивы.

Итак, архитектурный анализ позволяет отнести мавзолей Аламбердара ко времени несколько более позднему, чем период сооружения мавзолея Саманидов в Бухаре, но близкому к постройкам XI в.

Изучение некоторых исторических фактов XI в., связанных с городом Земмом, дает основание раскрыть инкогнито погребенного в мавзолее. К концу X в., как известно, Мавераннахр вошел в состав владений Караханидов. С 1003 г. последний Саманид Абу-Ибрагим Исмаил, принявший титул «Мунтасир» (Победоносный), четырежды пытался вернуть потерянную его династией власть. Однако каждый раз он был вынужден бежать за Аму-Дарью².

В конце концов Исмаил пал жертвой интриги Махмуда Газневидского³. Когда в 1004 г. Исмаил прибыл в стоянку арабов, кочевавших в Амульской пустыне (т. е. между Чарджоу и Керки), некий Абу-Абдаллах Махруй, бывший там сборщиком податей от Махмуда, велел арабам устроить засаду на дороге и убить Исмаила. По сообщению ал-Утби, тело убитого было привезено в Маймарг в рудбар Земма и похоронено там в раби 1, 395 г. х. (декабрь 1004 г./январь 1005 г.)⁴. Термин «рудбар» означает берег реки. Что касается Земма, то местоположение его на месте Керки доказано работами ЮТАКЭ в 1948 г. Определение «рудбар Земма» как нельзя более подходит к селению Астана-баба, старинным названием которого, видимо, было «Маймарг». Ал-Утби сообщает далее, что султан Махмуд воспользовался убийством Мунтасира (Исмаила) для того, чтобы разграбить стоянки всех кочевых арабов, наказав для видимости действовавшего, разумеется, не без его ведома Махруя. Быть может, из политических соображений, — для того, чтобы подчеркнуть свое уважение к памяти бывших своих сюзеренов и свои преемственные права на многие из принадлежавших им некогда владений, — Махмуд приказал отстроить над могилой Мунтасира особый мавзолей. Так исторически можно расшифровывать происхождение мавзолея Аламбердара.

Интересно отметить, что элементы исторической правды сохранились в приведенной нами легенде, бытующей до сих пор среди туркменского населения аула Астана-баба. Отзвук исторических событий мы находим в самом наименовании мавзолея; в войске Мунтасира в перипетиях его последней борьбы за Самарканд участвовал глава саманидских газиев Харис, по прозвищу Ибн Аламдар, предводитель трехтысячного отряда⁵. Сам рассказ о гибели «знаменщика» в пустыне между Чарджоу—Керки от руки разбойников-кочевников, переносе его тела сподвижниками в селение Астана-баба и, наконец, предполагаемая датировка эпизода («1000 лет тому назад») — дают почти полное совпадение легенды с историческими событиями, сообщаемыми ал-Утби. Характерно, что мавзолей Аламбердара, как

¹ В. Д. Жуков. Развалины ансамбля дворцовых зданий в пригороде средневекового Термеза. ТАКЭ, Тр. Узб. фил. АН СССР, сер. 1, вып. 2, Ташкент, 1941, стр. 171.

² Абу-Наср ал-Утби. Китаб ал-Иамини. Пер. С. Волина. МИТТ, I, стр. 222—226; В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, ч. II. СПб., 1900, стр. 282—284.

³ Анализ социально-экономической и политической обстановки в Средней Азии на рубеже X—XI вв. дан в статье А. Ю. Якубовского «Махмуд Газневи» — Сб. «Фердовси», Л., 1934, стр. 51—96.

⁴ Абу-Наср ал-Утби. Указ. соч., стр. 226.

⁵ Там же, стр. 225; В. В. Бартольд. Указ. соч., стр. 284.

мавзолее светского лица, в отличие, например, от мазара Астана-баба, не окружен культовым почитанием.

Мавзолей Мунтасиру мог быть возведен, видимо, вскоре же после погребения, т. е. около 1005 г.¹ Перед нами, таким образом, вероятно, самый ранний в Средней Азии памятник XI в. Он восполняет большой пробел в истории развития среднеазиатского зодчества, в частности, в эволюции мавзолеев от центрических сооружений к порталным.

Сохранившиеся ранние порталные мавзолеи Средней Азии характеризуются выделением главного фасада его приподнятой стеной с развитой аркой входа (мавзолей Мир-Саид-Бехрам в Кермине²; узгендский Средний мавзолей³ — оба XI в.). Вместе с тем уже на примере Рабат-и-Малик⁴ мы видим сильно выдвинутый, объемный пештак. В архитектуре мавзолея Мунтасира (как мы можем теперь называть мазар Аламбердара) как раз наблюдается процесс, когда общее центрическое решение памятника с равнозначной, как в мавзолее Саманидов в Бухаре, трактовкой фасадов нарушается выделением входа особым (пока небольшим) архитектурным объемом портала, который позднее приобретает сильно развитые пропорции.

Мавзолей Мунтасира свидетельствует также о важном в истории среднеазиатского зодчества процессе становления монументальной архитектуры из обожженного кирпича. Если в строительстве саманидской эпохи последний употреблялся лишь в исключительных случаях (постройки Бухары, столицы государства, были по преимуществу сырцовыми, каркасными и деревянными, что вызывало частые пожары, засвидетельствованные письменными источниками), то в XI—XII вв., в период бурного роста феодальных городов и монументального общественного строительства — культового и гражданского — создаются широкие предпосылки для появления качественно нового архитектурного стиля. Взамен системы отдельных, индивидуально трактованных геометрических кирпичных плиток, насыщающих архитектурную поверхность, как в мавзолее Саманидов, появляется ряд сборных деталей, составленных из сочетания мелких фигурных кирпичей, образующих многообразные орнаментальные комбинации, в основе которых лежат элементарно простые фигуры — круг, треугольник, зигзаг и пр. Но рациональная в основе идея конструктивно экономного и внешне эффектного использования фактуры обычного строительного кирпича включает в себе тенденции известного декоративизма форм.

Для мавзолея Мунтасира, как и для ряда других, более поздних монументальных кирпичных зданий XI в., характерно использование кирпичной фактуры и во внешней, и во внутренней отделке. К XII в. интерьеры оформляют по преимуществу резным шtukом или живописью, а во внешнюю облицовку вводят резную терракоту. Наглядную иллюстрацию дает дворец термезских правителей, в одном из залов которого кирпичная кладка XI в. с «бантиками» была закрыта в XII в. толстым слоем резного алебаstra; разумеется, в течение одного столетия кладка не могла разрушиться, и причина здесь лежит в радикальном изменении вкусов. Среди памятников XI в. можно, например, назвать мавзолей № 1 Султан-Саадат в Термезе (XI в.), Абу-Саида в Меана (около 1049 г.), Ярты-Гумбез в Серахсе (1098 г.), мечеть Талхатан-баба (конец XI в.), для которых

¹ Ремонт мавзолея, судя по характеру строительных приемов и типу кирпича, можно отнести к середине XVIII в., когда был капитально реставрирован и комплекс мазара Астана-баба.

² В. А. Нильсен. Мавзолей Мир-Саид-Бехрам в Кермине. Сб. Материалы по истории и теории архитектуры Узбекистана, вып. 1, 1950, стр. 54, 55.

³ Б. Н. Засыпкин. Памятники архитектуры в Средней Азии и их реставрация. М., 1926, стр. 154 и сл.

⁴ Б. Н. Засыпкин. Архитектурные памятники Средней Азии. Проблемы исследования и реставрации. М., 1928, стр. 12 и сл.

характерно фактурное использование строительного и резного кирпича снаружи и внутри. Между тем в таких зданиях Мерва, как мавзолей Мухаммеда б. Зейда (так называемый мавзолей Мухаммеда Ханапья) и мавзолей Султана Санджара (оба первой половины XII в.), кирпичная фактура используется лишь снаружи, в интерьерах же применена стенопись.

Для истории архитектуры мавзолеев в селении Астана-баба — памятники большой принципиальной значимости. Они восполняют недостающие звенья в истории среднеазиатского зодчества; они свидетельствуют, что архитектура Керкинского района в XI—XII вв. развивалась в едином стиле, характерном для областей Серахса, Мерва и приамударьинских районов — от Чарджоу до Термеза включительно.

А. Н. БЕРНШТАМ

К ПРОИСХОЖДЕНИЮ МАВЗОЛЕЯ БАБАДЖИ ХАТУН

В 1938 г. А. Ю. Якубовский, будучи консультантом экспедиции по раскопкам древнего города Тараза (современный г. Джамбул) на р. Талас, которые проводил автор настоящей статьи, посетил находящиеся недалеко к западу от Тараза два мавзолея — Айша Биби и Бабаджи Хатун. А. Ю. Якубовский тогда же посоветовал детальнее заняться их обследованием, что и было сделано усилиями членов экспедиции. Результаты этих работ, к сожалению, еще не появились в печати. Настоящая статья освещает одну из частных проблем, связанных с исследованием происхождения мавзолея Бабаджи Хатун и тех культурных традиций, на основе которых он возник.

* * *

Открытие несторианских кладбищ в Чуйской долине в 1885—1886 гг. и последующие раскопки Н. Пантусова¹ дали большое количество несторианских надгробий в основном XIII—XIV вв. и среди них одно с армяно-сирийской надписью², найденное на так называемом Пишпекском кладбище (у г. Фрунзе). Текст надписи гласил о том, что здесь был погребен армянский епископ Иоанн, умерший в 772 г. армянской эры (1323 г. н. э.). Присутствие епископа в Семиречье свидетельствовало о том, что здесь была многолюдная армянская колония.

О наличии армян в Семиречье можно судить по Каталонской карте, где указан армянский монастырь св. Матфея на берегу оз. Иссык-Куль. В. В. Бартольд, считая указание Каталонской карты 1375 г. достоверным, сообщает: «На известной каталонской карте 1375 г. город Иссык-Куль (Issicol) отмечен на северном берегу озера и прибавлено, что в нем находится монастырь армянских братьев, где, по слухам, хранятся мощи св. апостола и евангелиста Матфея»³.

Помимо указанной надписи, исследователи видели армянские лексические и грамматические формы и в некоторых других (по изданию С. Служкого № 131 и 167)⁴. Одна из этих надписей относится к 1313 г. и другая — к 1288 г. н. э. Таким образом, семиреченские памятники свидетельствуют о пребывании здесь армян с 1288 по 1323 г. (или 1375 г.). Письменные же источники сообщают, что армяне в степях Средней Азии и Семи-

¹ См. А. Бернштам. Археологический очерк Северной Киргизии. Материалы и исслед. по истории киргизов и Киргизстана. Фрунзе, 1941, стр. 12 и сл.

² Надгробный камень из Семиречья с армяно-сирийской надписью 1323 г. ЗВОРАО, т. VIII, вып. III—IV, стр. 344—349.

³ В. Бартольд. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью 1893—1894 гг. Зап. Академии Наук, СПб., 1897, VIII серия, т. I, вып. 4, стр. 60.

⁴ Семиреченские несторианские надписи. «Древности восточные». М., 1889.

речь появились, несомненно, раньше. Достаточно сослаться на Рубрука (1253 г.), который встретил армян (Нермені) у Волги, в стране Сартах¹, армян-переводчиков в Семиречье у Койлыка², в ставке Менгу-хана, свободно исповедовавших свою веру³, причем количество их было немалым. Характерно, что Рубрук при описании исполнения обрядов христианской религии среди населения монгольского государства в Средней Азии часто отмечает армян. Рубрук встретил армян и далее, в Каракоруме (Монголия)⁴, что свидетельствует о широком распространении армянского населения в районах, занятых кочевниками. О взаимоотношениях армян с монгольскими владыками достаточно ясно повествуют армянские историки (Киракос Гандзакский, Вардан, Стефан Орбелиан, Конетабль Сембат, Инок Магакян).

Все указанное с несомненностью говорит о широком проникновении армян в Среднюю Азию и в Семиречье. Ограничено ли их проникновение только началом XIII в., т. е. временем монгольского завоевания. Очевидно, нет. И раньше, вместе с многочисленными последователями сирийско-манихейских сект, в Семиречье могли проникать армяне⁵. Напомним вторжение на Кавказ семиреченских тюрок VII в., когда армяне могли быть выведены в Среднюю Азию⁶, и более поздние свидетельства, например, отмечающие вхождение Хорезма в ту культурно-политическую общность, к которой были причастны и армяне⁷.

Количество фактов, свидетельствующих о связях Средней Азии с Закавказьем, несомненно, можно было бы увеличить. Связи эти, проявляющиеся главным образом в горных районах (Памир) и восходящие к глубокой древности, получили отражение и в архитектурных памятниках. Укажем на разительное сходство конструкций очага и потолка армянского жилища («ердик») и памирского «рузан», встреченных нами в Вахане (Памир) в 1947 г.⁸, или на совпадение плана ваханского города Сайгашень (ныне развалины Ямчун) с планом древнеармянской столицы Ани.

Особый интерес в этом смысле представляют постройки из камня на Памире и в припамирских районах, где до недавнего прошлого хотя и редко, но даже мавзолеи строились из камня. Имею в виду мавзолей, приписываемый киргизской женщине — предводительнице Курман джан Датха (1816—1906 гг.) в местности Ак-Киндык в Чон Алае. Общий план и конструкция этой постройки ничего общего не имеют с обычными типами киргизских мавзолеев⁹. Экстерьер здания напоминает скорее башни Сванетии и Дагестана, но не гумбазы Киргизии. На Тянь-Шане известна чуть ли не одна только каменная постройка — Таш-Рабат — явно местного происхождения¹⁰.

¹ В. де Рубрук. Путешествие в восточные страны. Пер. А. И. Малеина. СПб., 1911, стр. 91.

² Там же, стр. 115. Развалины древнего города Койлыка под названием Дунгене находятся в 18 км к юго-востоку от г. Талды-Курган одноименной области Казахской ССР. См. А. Н. Бернштам. Памятники старины Алма-Атинской области. Изв. АН Каз. ССР, серия археол., вып. 1. Алма-Ата, 1948.

³ В. де Рубрук. Указ. соч., стр. 137.

⁴ Там же, стр. 142.

⁵ В. Бартольд. О христианстве в Туркестане в домонгольский период. ЗВРАО, т. VIII, вып. 1—2, 1893.

⁶ М. Артамонов. Очерки древнейшей истории хазар. Л., 1937.

⁷ С. Толстов. Новогодний праздник «каландас» у хорезмийских христиан начала XI века. СЭ, 1946, № 2.

⁸ А. Н. Бернштам. Советская археология Средней Азии. КСИИМК, XXVIII, 1949, стр. 14, 15.

⁹ См. А. Н. Бернштам. Архитектурные памятники Киргизии. М., 1950; ср. дополнение в нашей статье «Материалы по архитектуре киргизов и казахов», КСИЭ, X, 1950.

¹⁰ Описание и литература — А. Н. Бернштам. Архитектурные памятники Киргизии, стр. 109 и сл.; ср. интересную концепцию Г. А. Пугаченковой о происхождении Таш-рабата — Труды ИЯЛИ, вып. III, Фрунзе, 1952, стр. 213 и сл.

На юге Казахстана имеется недостроенное здание из камня — Акыр-Таш, по всей вероятности, домонгольского времени¹. До сих пор остается загадочным его происхождение, но очевидно, даже судя по плану, характеру отдельных конструкций и строительному материалу, оно не принадлежит к местной традиции строительного искусства. Наконец, отмечу редко встречающиеся казахстанские мавзолеи из камня в Казахстане, которые резко отличаются от припамирских и развивают местную строительную традицию².

Ближе к казахским мавзолеям, чем к памирским постройкам, каменные полусферические курганообразные сооружения Ферганы, так называемые «муг-хона»³, приписываемые местным населением огнепоклонникам — зороастрийцам.

Приведенные выше факты свидетельствуют о явных связях Средней Азии с Закавказьем, причем, предостерегая от излишних увлечений, укажу, что, конечно, не все постройки из камня следует выводить из технических традиций закавказских, в частности, армянских мастеров. Однако на основании исторических данных можно судить о том, что еще в домонгольский период Закавказье и Средняя Азия были тесно связаны между собой, и, в частности, эти связи получили, очевидно, свое первое сильное проявление еще в парфянский и кушано-эфталитский периоды.

Тем более несомненны исторические факты, твердо фиксирующие армянский этнический элемент в Средней Азии со времени монгольского завоевания (XIII в.). В этот период в Средней Азии, особенно в Хорезме, отмечается широкое развитие строительства шатрово-купольных мавзолеев. К числу таких сооружений и относится интересующий нас мавзолей Бабаджи Хатун (рис. 21). Он расположен в 18 км к юго-западу от г. Джамбула (Казахстан) в селении Головачевском и, как указывалось, обследован нами в 1938—1939 гг.

Мавзолей Бабаджи Хатун сохранился значительно лучше, чем стоящий рядом с ним мавзолей Айша Биби, более широко известный в литературе⁴.

Большинство авторов, упоминающих мазар Айша Биби, ничего не говорит об интересующем нас сооружении⁵. Мавзолей Айша Биби внешне, несомненно, более эффектен. Однако целый ряд деталей в архитектуре мавзолея Бабаджи Хатун ставит его в число весьма интересных и ценных памятников средневековой архитектуры Средней Азии. Это здание подкубической формы (6,9 × 6,9 × 5,0 м) с массивными стенами (1,23 м) из обожженного кирпича (24 × 24 × 5 см), с тремя одинаковыми (главный и боковые) и одним глухим (задним), без декора, фасадом. Зонтичный, шестнадцатиреберный «купол» на таком же барабане венчал здание (рис. 22). Украшение стен сделано фигурной кладкой кирпича. Посредине главного фасада в щипцовой стене, обращенной на восток, помещена стрельчатая округлая арка (как и все арки этого мавзолея); в ней находится

¹ Г. И. Пацевич. Акыр-Таш. Вестник АН КазССР, 1949, № 4 (49), стр. 109 и сл.

² А. Х. Маргулан. Архитектурные памятники района рек Кенгир и Сары-Су. КСИИМК, XXVIII, 1949, ср. рис. 2; его же. Архитектурные памятники в долине р. Кенгир. Вестник АН СССР, 1947, № 11 (32); ср. Т. К. Басенов. Архитектурные памятники в районе Сам. Алма-Ата, 1947.

³ ПТКЛА, III, Ташкент, 1898.

⁴ А. Н. Бернштам. Памятники старины Таласской долины. Алма-Ата, 1941, стр. 59.

⁵ Исключение составляет опубликованная В. В. Бартольдом я «Отчете о поездке в Среднюю Азию 1893—1894 гг.» (ЗАН, т. 1, № 4, 1897) фотография этого памятника, названного так же, как и соседний, Айшабу. Ср. А. Н. Бернштам. Памятники старины Таласской долины, стр. 59; его же. Труды Семиреченской археологической экспедиции за 1936—1938 гг. Таласская долина. Алма-Ата, 1950. Частичное издание наших материалов (без указания автора обследования) по копиям, хранящимся в Алма-Ате, см. Т. К. Басенов. Указ. соч., табл. 3—5.

вход в мавзолей. В обвалившейся ее части, заделанной саманом, вставлена теперь простая дверь в деревянной коробке.

По сторонам входной ниши ($1,83 \times 0,75 \times 3,65$ м) стены разделены узкими, высокими и неглубокими стрельчатыми декоративными нишами

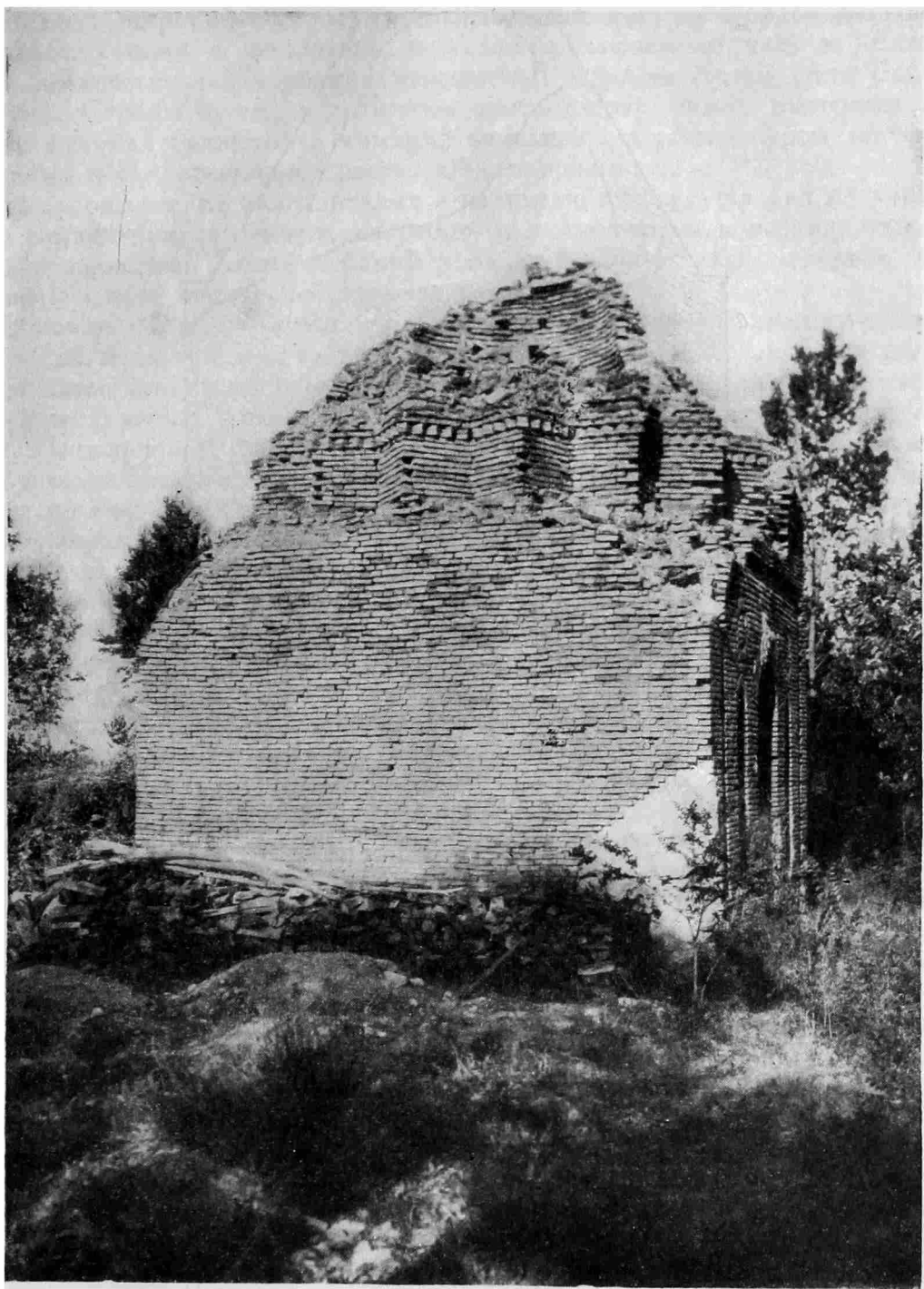

Рис. 21. Мавзолей Бабаджи Хатун. Вид с запада.

($0,50 \times 0,12 \times 2,10$ м), не достигающими до земли. По вертикальной оси ниш, над ними, в кладку стены вделаны медальоны в виде круга из половинчатых кирпичей, оконтуренных с внутренней стороны узким желобком.

Декоративные ниши с медальонами заключены в рамку в виде буквы П из прямоугольного в разрезе желобка, сделанного в кладке стены и достигающего внизу до уровня подоконников декоративных ниш (0,96 м

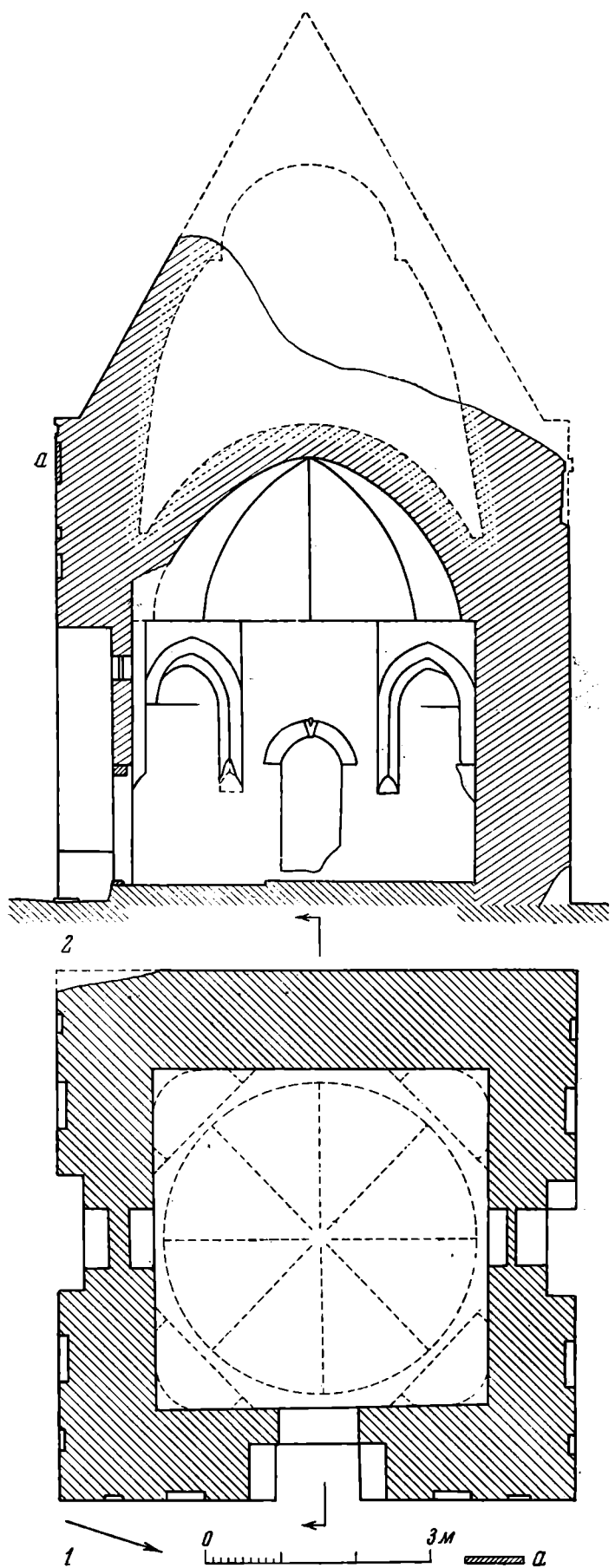

Рис. 22. Мавзолей Бабаджи Хатун. План (1) и разрез (2).
 а — наравды с арабской надписью.

от земли). Над рамкой проходит зубчатая горизонтальная полоса. Зубцы образованы сдвоенными и положенными плашмя кирпичиками, повернутыми углом кнаружи. Этой полосой заканчивается кладка стен. На боковых и задней стенах начинается барабан купола, а на главном фасаде стена приподнята, образуя парапет, закрывающий барабан. В верхней части парапета помещается широкий (0,56 м) горизонтальный пояс из 2 рядов неполивных изразцовых плит с надписью, исполненной почерком насх и гласящей: «Эта величественная гробница называемой Абаджи Хатун (или Бабаджи Хатун). Строитель ее...»¹. Пустые места сверху между высокими арабскими буквами (алифами и лямами) заполнены тонким ажуром ленточного плетения и стилизованного растительного орнамента.

Непосредственно над плитками с надписью помещается ряд из кирпичиков, широко расставленных, на ребро, и заключенных в верхних два ряда кладки парапета. Левый верхний угол стены обвалился, оборвав конец надписи и край венчающей орнаментальной полосы.

Боковые фасады — северный и южный — совершенно аналогичны главному (за исключением приподнятой части стены). Только центральные ниши здесь меньше и ниже и обрамляющие их узкие наличники более декоративны. В нишах размещены невысокие оконные проемы (шириной 0,77 и 0,74 м); хорошо сохранились их стрельчатые арки, но низкие подоконники не уцелели. Теперь окна заложены наглухо и внутреннее помещение мазара почти полностью лишено дневного света.

По верху барабана (высота его 0,90—0,95 м), обращенного четырьмя ребрами на каждую сторону здания, проложена зубчатая полоса из спаренных и повернутых углом наружу кирпичей, аналогичная такой же у основания барабана поверх стен. От наружного покрытия купола уцелело очень мало — всего лишь пять ребер со стороны главного фасада, и то не на полную высоту.

Внутренний купол был облицован положенным плашмя квадратным кирпичом такого же размера, как и в кладке здания. Ребра облицовки купола треугольные в сечении, причем каждое из них опирается на соответствующее ему по форме ребро барабана.

Как видно по сохранившимся участкам, облицовка купола поддерживалась изнутри полусферическим куполом, выведенным кольцевой кладкой. Последний, насколько можно судить по остаткам небольшого уступа, сужался в верхней части. Высота купола неизвестна, но, судя по углу наклона сохранившихся ребер, он был очень высокий, лишь незначительно меньше высоты кубической основы здания.

Квадратное помещение мазара (4,45 × 4,45 м) с земляным полом не сохранило никакой внутренней отделки, кроме простой оштукатурки, которая теперь видна лишь на полусферическом ребристом своде и отдельными участками на стенах. Внутренний свод, выложенный горизонтальной кольцевой кладкой, покоится на восьмиграннике, поддерживаемом четырьмя угловыми tromпами со стрельчатыми арками на полуциркульных полусводах и спускающимися вниз от арки призматическими тягами — кронштейнами. Стрельчатые арки оконных проемов с клиновидным замком дополняют немногочисленные детали внутреннего убранства мавзолея. Никаких следов надгробия в помещении уже не сохранилось.

¹ Надпись прочтена старшим научным сотрудником ИИМК А. М. Беленицким. Часть изразцов с надписями вставлена теперь на внутренней стороне стены соседнего мавзолея Айша Биби. На одном из них читается имя «Ильханшах». См. статью А. М. Беленицкого в сб. «Эпиграфика Востока», вып. II, 1948, стр. 16 и сл. По сведениям М. Е. Массона, на одной из старых фотографий мавзолея читалось начало имени строителя — «Мухаммад сын...». Ныне эта часть надписи не сохранилась. Ср. М. Е. Массон. Время и история сооружения «Гумбеза Манаса». Эпиграфика Востока, III, 1949, стр. 28 и сл.

Заканчивая краткое описание мавзолея Бабаджи Хатун, перечислим его основные черты:

1. Фасады мавзолея украшены декоративными нишами и фигурной кладкой кирпича, в которой основную роль играют зубчатые полосы из спаренных кирпичиков. Этот архитектурный прием характерен для памятников саманидского¹ и раннекараханидского времени² и исчезает в XII в., вытесненный вошедшим в моду и получившим широкое применение в монументальной архитектуре резным неполированным изразцом.

2. Здание не имеет собственно портала, и главный фасад отличается от боковых только нарощенным парапетом. Отсутствие разделки задней стены можно объяснить некоторым провинциализмом, скупостью украшений, которую мы наблюдаем во всем мавзолее.

Таким образом, этот мавзолей по типу ближе к ранним центрическим памятникам саманидской архитектуры, чем к мавзолеям (с порталами) караханидского времени.

3. Зонтичное, ребристое покрытие купола не имеет по существу прямых аналогий в современной ему среднеазиатской архитектуре; среднеазиатским сооружениям того времени совершенно не свойственна такая форма купола. Родственным по форме, но более поздним памятником является мавзолей Фахр-ад-дин-Рази и отчасти мавзолей Шейх Шерефа в Ургенче³; аналогичен и мавзолей Кисене в 40 км от г. Троицка Верхнеуральского уезда (ныне Челябинской области)⁴.

Родина архитектурных памятников с таким перекрытием — Закавказье, где среди немногочисленных сооружений, относимых к раннему средневековью, есть здания с граненым, коническим покрытием купола на таком же барабане, например церковь св. Рипсимэ (VII в.) в Вагаршапате (Армения). В последующие века эта форма прочно входит в архитектуру, получает дальнейшее развитие и ряд видоизменений.

В памятниках XI в. мы наблюдаем «зонтичные», ребристые «купола» с призматическими ребрами такой же формы, как купол Бабаджи Хатун, например церковь Мармашен в Галиндже и церковь в Анберде (Армения); к XII—XIII вв. относится уже целый ряд сооружений с таким перекрытием: церкви в Ани, церковь Бахтогеи XII—XIII вв. и Текорский храм, церковь в Караванк XIII в., в Зарзме (Грузия), монастырь Хнджонк в Бешкилисе и др. В этот же период в «мусульманской» архитектуре на Кавказе, а главным образом в Иране, получают широкое распространение башенные мавзолеи с коническими круглыми и гранеными куполами на разных основаниях — граненых, круглых, квадратных с многогранным барабаном и др. Укажем на некоторые памятники: мавзолеи

¹ Мавзолей Саманидов в г. Бухаре см. Б. Н. Засыпкин. Памятники архитектуры в Средней Азии. «Вопросы реставрации», вып. I, М., 1926; Б. П. Денике. Архитектурный орнамент Средней Азии. М., 1939; Б. В. Веймарн. Искусство Средней Азии. М., 1940.

² Рабат-и-Малик у Бухары см. Б. Н. Засыпкин. Архитектурные памятники Средней Азии. «Вопросы реставрации», вып. II, М., 1928; И. И. Умняков. Рабат-и-Малик. Сб. «В. В. Бартольд». Ташкент, 1927.

³ А. Ю. Якубовский. Развалины Ургенча. ИГАИМК, т. VI, Л., 1930. Ср. Б. В. Веймарн. Искусство Средней Азии. М., 1940, стр. 66. Б. В. Веймарн утверждает: «Нельзя согласиться с мнением А. Ю. Якубовского, высказанным в его исследовании «Развалины Ургенча», что мавзолей Шейх-Шереф стоит особняком». Хотя мавзолей Бабаджи Хатун и может быть причислен к этой группе памятников в Средней Азии и тем самым увеличивает их число, однако высказанное А. Ю. Якубовским мнение, с нашей точки зрения, правильно, так как здания этого типа в Средней Азии все же единичны.

⁴ И. А. Кастанье. Надгробные сооружения киргизских степей. Оренбург, 1911. Автор публикует фотографию этого мавзолея, очень сходного с мавзолеем Фахр-ад-дин-Рази, а в деталях — с мавзолеем Бабаджи Хатун; например, здесь та же разделка стен здания: нижняя часть фасада украшена такой же, как на Бабаджи Хатун, прямоугольной рамкой из неширокого желобка, огибающей стенку с входной нишей в центре.

XII в. в г. Нахичевани — Мумине Хатун, Юсуф ибн Кутейич, мавзолей в Бостане. Особенно следует отметить среди многочисленных памятников такого типа (как наиболее близких разбираемому нами) мавзолей Насир-ал-Халка в Амоле (XII в.), Мухаммед султана Рица в Зари, мавзолей в Верамине (XII—XIII вв.) и пр.¹

Происхождению памятников, аналогичных Бабаджи Хатун, посвящены специальные работы Г. А. Пугаченковой².

Г. А. Пугаченкова ищет объяснения этим конструкциям не в прямом подражании шатрам и кибиткам, а в «переходных» погребальных сооружениях и культовых предметах — оссуариях и курганах кочевников, причем оссуарии, по ее мнению, воспроизводят курганное захоронение кочевника³. Не останавливаясь на разборе последнего частного тезиса автора, — с нашей точки зрения, весьма спорного (вне связи с зороастрийцами-согдийцами происхождение оссуариев не объяснить)⁴, — общую мысль о связях основного принципа шатровых мавзолеев с погребальными сооружениями кочевников мы считаем весьма плодотворной и правдоподобной. Автор, однако, не отрицает возможности того, что «если примитивные каменные или глинобитные мавзолеи строились местными мастерами, то на возведение кирпичных, по крайней мере на первых стадиях внедрения этого материала в монументальное строительство, привлекались квалифицированные кадры из южных областей»⁵.

По нашему мнению, окончательное конструктивное оформление этого архитектурного типа следует связывать с опытом армянских зодчих, получивших в районах, связанных с кочевниками, больший простор для применения своих талантов, чем в оседлых оазисах, как, например, в Согде — Мавераннахре и Хорезме, где была весьма устойчива собственная строительная традиция. В синтетической форме мавзолеев, выработанной в степях Средней Азии, нашли удачное сочетание вкусы и требования кочевой знати с опытом старинных зодчих Мавераннахра и Закавказья. С владычеством сельджукского и караханидского государств шатровые мавзолеи и зонтичные купола получают более широкое распространение.

Влияние архитектурной и конструктивной традиций Закавказья явно сказывается на архитектуре мавзолеев Средней Азии, в том числе и мазара Бабаджи Хатун, где так хорошо разрешена проблема соединения верхней ребристой части здания с нижней кубической. В этом сооружении барабан (так же как и низ купола) по ширине равен кубическому основанию, что придает архитектуре мавзолея цельный, монолитный облик, чего нельзя сказать, например, о названных выше ургенчских мавзолеех, где чувствуется некоторая непропорциональность частей здания; возможно, впрочем, что внешний вид сооружений первоначально был несколько иным, и для восстановления его нужны тщательные раскопки⁶.

К приведенному анализу основных черт мавзолея Бабаджи Хатун нужно добавить следующее: сооружение это не является ни порталным

¹ Воспроизведение этого типа купольных покрытий см. Н. Токарский. Архитектура древней Армении. Ереван, 1946, табл. 10, 12, 21, 26, 27, 44, 48, 52, 58, 70, 76, 78 и др.; сб. «Памятники архитектуры Азербайджана». Москва—Баку, 1946, табл. 7, 11, 29, 31; E. Diez. Churasanische Baudenkmäler. Bd. I, Berlin, 1918, табл. 1, 2, 4, 6, 7. Публикация иранских мавзолеев повторена в «Survey of the Persian art».

² К проблеме возникновения «шатровых мавзолеев» Хоросана см. Материалы ЮТАКЭ, вып. I, Ашхабад, 1949.

³ Г. А. Пугаченкова. Указ. соч., стр. 61.

⁴ Напомню находки в Пянджикенте овальных оссуариев в обычных наусах. Ср. статью А. Ю. Якубовского в Сообщениях АН ТаджССР, вып. 20, 1949.

⁵ Г. А. Пугаченкова. Указ. соч., стр. 66.

⁶ Проведенные нами раскопки среднего мавзолея в 1945 г. показали, что строительный мусор и последующие накопления скрывают значительную часть первоначального «тела» здания. Мавзолей имел гораздо более вытянутые пропорции. См. нашу работу «Памятники архитектуры Киргизии», стр. 51. Раскопки вел Н. М. Бачинский.

зданием, ни памятником, для архитектуры которого характерна облицовка из неполивных резных терракот (основные черты развитой караханидской архитектуры XII в. и начала XIII в.)¹; однако в мавзолее Бабаджи Хатун мы видим зарождение обоих этих элементов — появление парапета и резных плиток с надписью, украшенных на свободных местах растительным орнаментом и плетением.

Все изложенное выше, с нашей точки зрения, говорит за то, что мавзолей Бабаджи Хатун вряд ли строился в период развитой архитектуры караханидского времени XII в. Его постройку, следует отнести к XI в. Кроме того, надпись на мавзолее, как полагает А. М. Беленицкий, принадлежит к ранним вариантам, исполненным почерком насх, который встречается на памятниках, относящихся к самому началу появления надписей в архитектуре в Средней Азии. Для памятников такого типа, как ургенчские мавзолеи, характерно уже куфи, позднее «цветущее» куфи². Форма же купола, получившая в Иране и на Кавказе наибольшее развитие в XI—XIII вв., не является, с нашей точки зрения, датирующим элементом, так как встречается и раньше, и позже этого времени.

Чрезвычайно важен самый факт появления в Семиречье памятника с элементами явно западного или юго-западного влияния, которое могло быть занесено сюда средневековыми христианами — несторианами. Как указывалось выше, о существовании несторианских общин в Семиречье с давних пор известно из персоязычных и арабоязычных письменных источников. Есть сведения, что этими общинами возводились монументальные постройки. При взятии г. Тараза Исмаилом ибн Ахмедом в 893/894 г. «... большую церковь обратили при этом в соборную мечеть»³.

Уже в упомянутой работе о памятниках Таласа мы писали, что целый ряд конструктивных и стилистических элементов «заставляет видеть в мазаре Бабаджи Хатун не только более ранний памятник (чем Айша Биби. — А. Б.), но и иные вообще традиции и приемы. Создается впечатление, что аналогии этому памятнику можно скорее всего найти среди армянской архитектуры примерно X—XII вв. По всей вероятности, этот мазар относится к указанной эпохе и связан с мастерами далекого от Средней Азии происхождения»⁴.

Однако мазар Бабаджи Хатун не одинок. Последние работы над изучением мавзолея Манаса (Г. А. Пугаченковой и М. Е. Массона в 1945 г.) подтвердили наши догадки о шатровом характере купольного перекрытия мавзолея⁵. Памятники нами были впервые передатированы: вместо укоренившейся даты — XII в. мы предложили XIV в., может быть, начало XV в.⁶ М. Е. Массон уточнил дату первой трети XIV в. Мавзолей Манаса, таким образом, входит в круг сходных памятников этого времени из Хорезма.

Учитывая даты и своеобразный характер этих памятников архитектуры, не связанных с предшествующей строительной традицией Средней Азии (исключая декор), мы полагаем весьма вероятным приобщить эту традицию к одному из многочисленных культурных воздействий на Семиречье, а именно к армянскому.

¹ Исключением является беспортальный мавзолей XII в. Султана Санджара в Старом Мерве.

² В. А. Крачковская. Эволюция куфического письма в Средней Азии. Эпиграфика Востока, III, 1949, стр. 22.

³ Нершахи. История Бухары. Пер. Н. Лыкошина. Ташкент, 1897, стр. 108.

⁴ А. Н. Бернштам. Памятники старины Таласской долины, стр. 59.

⁵ А. Н. Бернштам. Мазар Манаса. Фрунзе, 1946. В этой научно-популярной брошюре мы лишь отметили, что мавзолей имел внешний, не сохранившийся купол (стр. 4). В полном отчете, к сожалению, еще не появившемся в печати, мы свою догадку формулировали еще в 1940 г. См. Г. А. Пугаченкова. О народной традиции в орнаментации «Гумбеза Манаса». Труды ИЯЛИ, вып. II, Фрунзе, 1949, стр. 141—143.

⁶ А. Н. Бернштам. Археологический очерк Северной Киргизии. Фрунзе, 1941.

Приведенные выше данные свидетельствуют о проникновении армянской ремесленной среды в Семиречье. Несомненно также существование здесь колоний, о чем повествует надпись Пишпекского кладбища. Если учесть, что несториане (и среди них армяне) были в Семиречье с XII в. (древнейшая несторианская надпись кладбища 1205 г.), а проникновение несториан возможно в V—VI вв.¹, то нет ничего невероятного в том, чтобы видеть армянское влияние в постройке Бабаджи Хатун XI в. или тем более в мавзолее Манаса XIV в. Конечно, предложенное — это лишь рабочая гипотеза на путях к истинному познанию обмена культурными ценностями в далеком прошлом между народами нашей страны.

— — — — —

¹ Ср. древнейшую сирийскую надпись Семиречья, найденную нами в Таразе и прочитанную покойным А. Я. Борисовым, — А. Н. Бернштам. Памятники старины Таласской долины, стр. 21; ср. «Наука и жизнь», 1939, № 7; КСИИМК, I, 31—32. Полная публикация — А. Я. Борисов. Сирийская надпись на сосуде из Тараза. Изв. АН КазССР, сер. археол., вып. 1, стр. 105 и сл.; А. Н. Бернштам. Новые эпиграфические находки из Семиречья. Эпиграфика Востока, II, 1948, стр. 107, рис. 1.

В. Л. ВОРОНИНА

РЕЗНЫЕ КОЛОННЫ МЕЧЕТИ БОКБОНЛИ В ХИВЕ

В юго-восточной части Ичан-калы¹ г. Хивы находится небольшая мечеть Бокбонли, скрытая высокими стенами двора. Во двор ведет маленькая купольная проходная, фланкированная двумя подсобными помещениями. Высокий айван мечети с парой стройных колонн обращен ко входу (рис. 23); плафон айвана, украшенный орнаментальной аппликацией и росписью в обычной местной манере, помечен 1809 годом². Можно, впрочем, полагать, что само здание мечети, возведенное из обожженного кирпича ($25 \times 25 \times 4$ см) на глиняном растворе, судя по наслоениям штукатурки, много старше: в интерьере насчитываются три, а на айване — пять слоев грубого серого ганча, не считая верхнего слоя чистой ганчевой штукатурки. На айван выходит резная дверь, а над нею вделана алебастровая решетка. В стенах айвана расположены плоские ниши. Пространство купольного зала с нишами по всем четырем сторонам занимает $6,75 \times 6,80$ м. Купол покоится на тропках в три грани, из которых средняя (неполной высоты) опирается на три яруса примитивных сталактитов — конструкция, весьма характерная для памятников Хивы. Кроме того, восьмирик сводится к куполу посредством миниатюрных ячеистых парусов. Интерьер не декорирован.

Славу мечети Бокбонли составляют ее замечательные резные колонны. Эти колонны, как и мечеть в целом, упоминаются в специальной литературе лишь у Н. В. Черкасовой, в статье, составленной по материалам экспедиции Музея восточных культур в 1946 г.³ Приведенные ниже обмеры выполнены автором настоящей заметки в 1945 г.

Уже беглый осмотр показывает, что колонны в прошлом принадлежали другому зданию и, судя по характеру орнамента, — другой эпохе (по крайней мере сравнительно с айваном Бокбонли). В верхней части они наставлены, причем плоскость соединения оказывается слегка наклонной. Новые капители, — очень вытянутых пропорций, лишенные резьбы, — резко контрастируют с остальными частями колонны, пропорциональными и богато декорированными; одна из капителей слишком узка для венчающей восьмигранной подушки, которая, как и консоли, соответственно стилю резьбы была, очевидно, частью более древней конструкции. Нет сомнения, что первоначально колонны имели резные капители; замена их была вызвана необходимостью увеличить высоту колонн. Далее, консоли несут след крестовины; следовательно, колонны занимали некогда положение на

¹ Ичан-кала — древнее ядро города Хивы.

² Роспись и формы потолка см. в книге автора настоящей статьи «Народные традиции архитектуры Узбекистана». М., 1951, рис. 91, 95.

³ Н. В. Черкасова. Памятники резьбы по дереву в Хиве. КСИИМК, XXVIII, 1949, стр. 115, 116.

пересечении прогонов и, очевидно, перенесены из более низкого древнего здания, где помещались, вероятно, в интерьере, так как едва ли при подобной богатой декорировке их могли поставить в глубине айвана.

В настоящем виде высота колонн, не считая подушки и подбалки, достигает 5,6 м (рис. 24); восточная колонна немного толще западной — наибольший поперечник соответственно равен 52 и 45 см. Между ступенчатой каменной базой и ножкой колонны проложен слой войлока. Распределение орнамента сходно с тем, какое мы видим на древних резных колоннах Джума-мечети или Соборной мечети Хивы, относящихся к различным периодам (с X в. по XVI в.)¹. Шаровидное основание — «кузаги», с набегающими на него четырьмя лопастями, сплошь орнаментированное, отделено бордюром от резного полотна, которое увенчано поясом надписи, выделенным в свою очередь двумя узкими поясками. Далее ствол, многогранный и гладкий, охвачен еще одним широким поясом надписи. Интересно, что и модульная система подобна той, которая наблюдается у колонн Соборной мечети: кузаги, включая бордюр, составляет по высоте три модуля (принимая за модуль радиус кузаги)². Известная система пропорций намечается и выше, ибо высота полотна и эпиграфического пояса примерно кратна трем и двум модулям.

Орнамент колонн, единый по стилю, различен по рисунку.

Кузаги западной колонны украшен орнаментальной лентой, образующей трехлопастную петлю и переходящей под остриями лопастей в узлы (рис. 24 — 2). Оставшиеся поля заполняют витки с трехзубчатым листком. Лопасты с растительным рисунком окаймлены той же лентой. На разделяющем бордюре нанесен рисунок дужек с пятиконечным листком или цветком. Полотно разграфлено двойным контуром на шашки шести-, пятиугольной и неправильной четырехугольной формы с вихревыми розетками растительного узора. Две полосы пальметт выделяют широкий венчающий пояс письма, исполненного почерком.

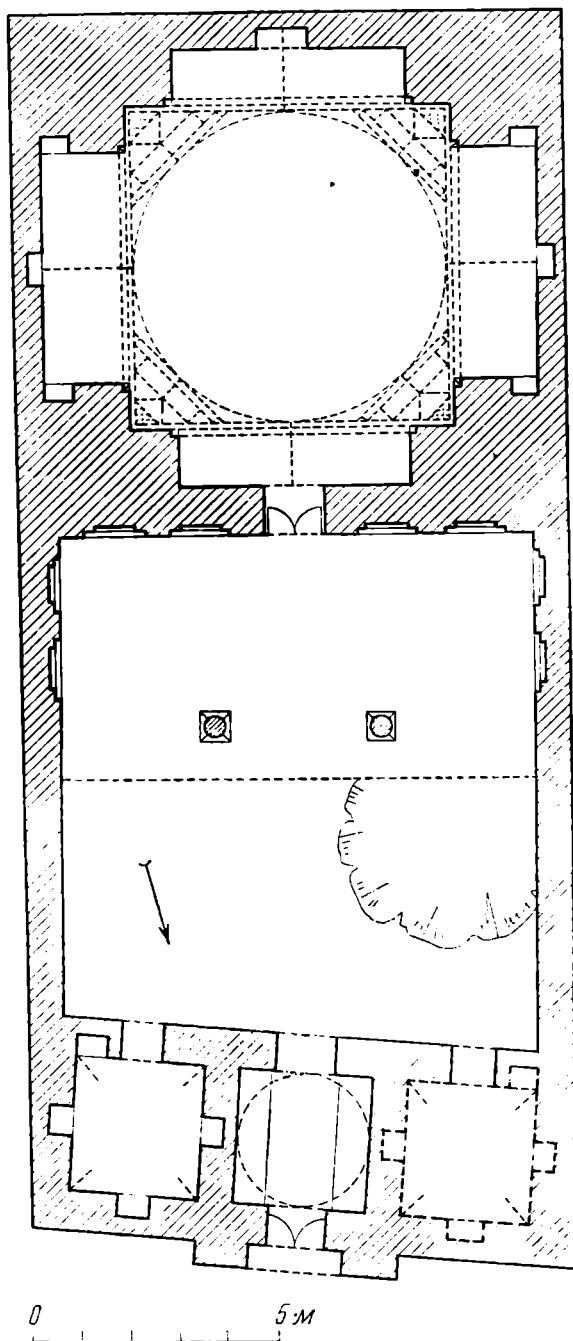

Рис. 23. Мечеть Бокбонли. План.

¹ Колоннам хивинской Соборной мечети и их датировке посвящена специальная работа автора (не опубликована).

² У западной колонны пропорции кузаги выдержана не вполне точно.

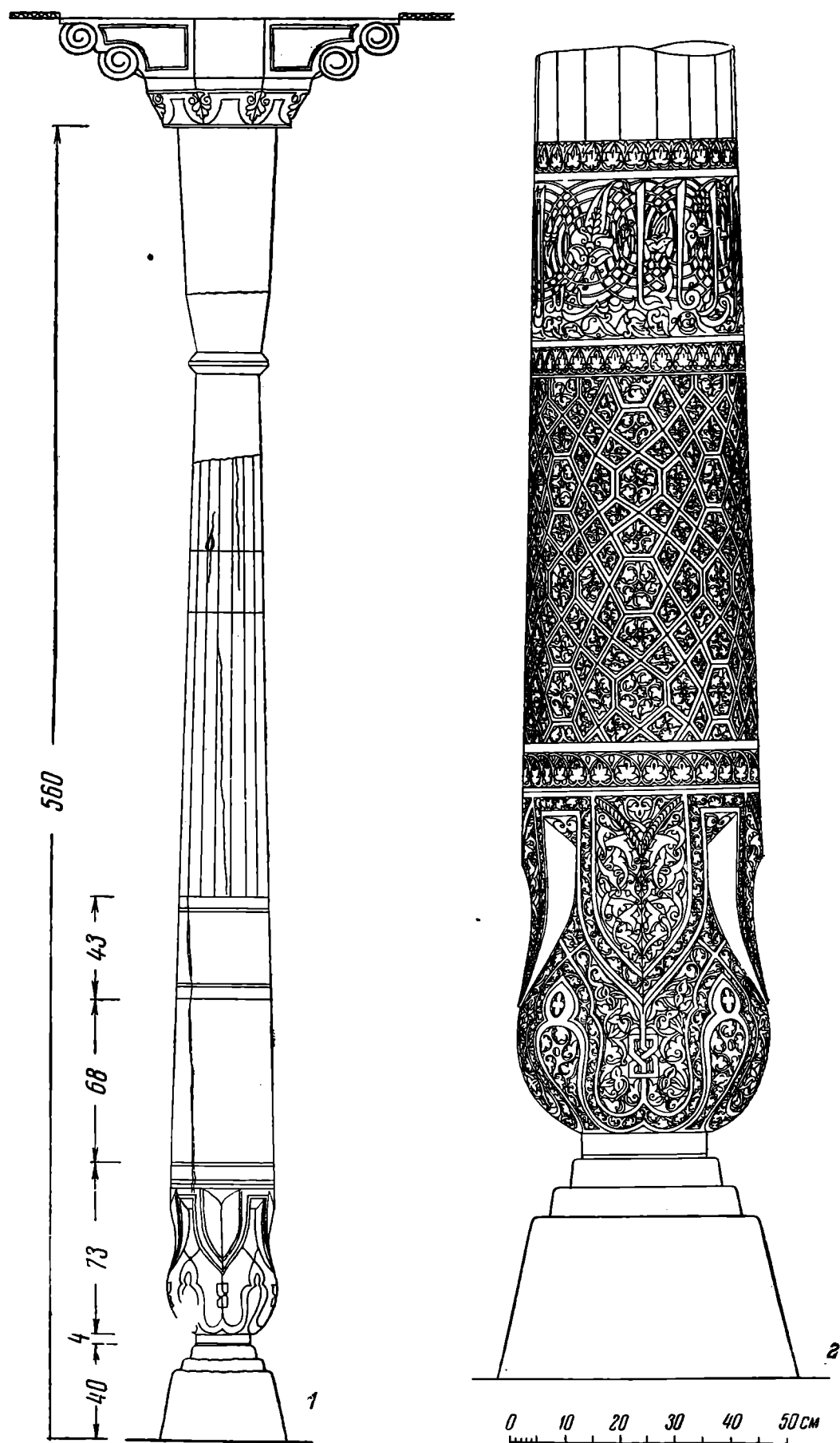

Рис. 24. Западная колонна мечети Бокбонли.
1 — общий вид; 2 — орнамент нижней части колонны.

«несхи»¹. Текст выделяется на фоне орнамента, изображающего крутые спирали с цветами в виде кистей.

Кузаги и лопасти восточной колонны целиком покрыты плетением раздвоенных листьев (как на лопастях западной колонны). Разделяющий бордюр изображает плетение стеблей в три волны, более позднего вида. Полотно разграничено извивами ленты, образующей три яруса прихотливых петель, меж которыми размещается растительный орнамент (рис. 25). Лента снабжена чешуйками. Пояс письма — того же стиля, как у первой колонны. Содержание надписей кораническое². Высоко на стволе обеих колонн, под надставной частью, виден еще один пояс текста, выполненного в той же манере, но эскизно и плоско.

Подушки над капителями венчаются полочкой с мотивом пальметт, под которой грани слегка вогнуты и украшены по ребру рельефами в форме листа, разграниченными полоской перлов, а посередине вкомпонован мотив обычного стебелька. Консоли снабжены парой волют, лишь крайняя, восточная, профилирована простой выкружкой. Волюты объемны и тщательно моделированы снизу. Фасадная поверхность консолей орнаментирована слегка и очень небрежно.

Внутри мечети, над михрабом и стрелой ниши южной стены, вмазаны резные доски с текстом и орнаментом того же стиля, как эпиграфические пояса на колоннах.

Исключительное изящество рисунка и мастерство выполнения орнамента ставят колонны Бокбонли в число выдающихся памятников резного дерева Средней Азии.

Уже на основании обследования в 1945 г. мы пришли к заключению, что колонны должны быть отнесены к XIV в. На ту же мысль наталкивает Н. В. Черкасову³ узор изразца, обнаруженного в Хиве экспедицией Музея восточных культур. Однако сходство узоров в данном случае не является само по себе достаточным основанием для датировки, поскольку оно могло оказаться случайным; к тому же дата орнамента на изразце не поддается точному определению. Мы предлагаем другие соображения, базирующиеся на сопоставлении с достоверно датированными памятниками.

Первым существенным критерием служит стиль письма на колоннах, сочетание его с правильными, пересекающимися между собой спиралями стебля с многократным витком и цветком, напоминающим стручок или шишку. Этот стиль намечается уже в резной терракоте южного узгендского мавзолея (1187 г.), но полного развития достигает в XIV в. и представлен в надписи портала мавзолея Ходжа Ахмада в Шах-и-Зинда (резная поливная терракота) и на портале мавзолея Мухаммеда Бошара в Мазар-и-Шерифе (1342—1343 гг., терракота). Подобная орнаментальная основа наблюдается и в эпиграфике зарубежного востока примерно того же времени (резной штук Ирана XIV—XVI вв., штукковый фриз мечети султана Хасана в Каире 1356—1362 гг.)⁴. Спиральные витки сохраняются в орнаменте Хивы до XIX в. (майоликовые панно Таш-Хаули).

Довольно характерна также трехлопастная фигура в орнаменте обеих колонн Бокбонли, украшающая и поливные облицовки мавзолеев Наджмед-

¹ Н. В. Черкасова определяет почерк письма, как «суль». Однако, судя по начертанию некоторых букв, особенно «лам» и «син», надписи Бокбонли выполнены почерком «несхи».

² Выражаю признательность А. М. Беленицкому, который согласился просмотреть составленный мной список надписей. Надпись на восточной колонне он переводит так: «Сказал пророк, да будет над ним мир, — молитва полезна для того, за кого молится посланец Аллаха». Однако, поскольку список носит эскизный характер, нельзя ручаться за точность перевода.

³ Н. В. Черкасова. Указ. соч.

⁴ См. A survey of Persian art, v. II, рис. 597; v. IV, табл. 399 и 401; H. Saladin. Manuel d'art musulman. Paris, 1907, рис. 82.

дин-Кубра в Куня Ургенче (XIV в.) и Туркан-Ака в Шах-и-Зинда (1371 г.).

Наконец, подтверждение датировки колонн Бокбонли можно почерпнуть в орнаменте ворот хивинской Соборной мечети. Одно полотнище их отмечено сверху надписью на фоне спиральных витков, подобной текстовым поясам колонн Бокбонли, тогда как основное поле створок покрыто рисунком того же типа, как одна из филенок терракотового надгробия Наринджан-баба, датированного в надписи 1312 г.¹

Отмеченные параллели достаточны, чтобы причислить резные колонны Бокбонли к произведениям XIV в. Круг достоверно датированных памятников резного орнамента Средней Азии XIV в. ограничен, и дальнейшие прямые сопоставления провести трудно.

Среди резных колонн хивинской Джума-мечети выделяется, однако, небольшая группа, которую можно отнести по стилистическим признакам к XIV в. Одна из таких колонн находится у восточного светового дворика, другая — против михраба, третья вывезена в Ташкент и экспонирована в Музее истории УзССР. В орнаменте их много общего с узором на колоннах Бокбонли; кузаги всех трех украшены орнаментальной лентой подобно западной колонне Бокбонли. Кстати, трехлопастная петля имеется и на полотне восточной колонны Бокбонли, и на капители колонны против михраба Джума-мечети. Сочный растительный орнамент округлого рельефа нижней части восточной бокбонлинской живо напоминает резьбу лопастей колонны у светового дворика Джума-мечети; чрезвычайно сходны мотивы орнамента полотна западной бокбонлинской и вывезенной в Ташкент из Джума-мечети: составляющая основу орнамента сетка двойных линий разбита у них по одному принципу, но заполнение ячеек сетки более сходно с подобным же мотивом на колонне, находящейся против михраба этой мечети, — в узор также включена растительная вихревая розетка, но везде трехконечная. Таким образом, стилистическая близость простирается почти до совпадения рисунка.

Тем самым подтверждается правильность датировки публикуемых нами колонн XIV в. Но можно ли отнести их стилистическую общность целиком на счет синхронности (хотя бы в пределах столетия)? Многие детали Соборной мечети указывают на какую-то общность в судьбе самих построек.

Нами уже было отмечено совпадение стиля надписи на воротах Соборной мечети и на колоннах Бокбонли. Западнее михраба высоко в стене Соборной мечети вделана доска с надписью, — совершенно такая же, как в Бокбонли. Над одной из колонн сохранился фрагмент восьмиугольной подушки того же типа, что и в Бокбонли. Наконец, в некоторых подбалках Соборной мечети угадывается грубое подражание консолям Бокбонли с парой объемных волют по концам; это подобие форм, хотя и отдаленное, никак нельзя объяснить случайностью. Дело, очевидно, в традиции преемственности, по которой мотивы резного дерева воспроизводились неоднократно через значительные интервалы времени, и можно предполагать, что мастер имел в виду конкретный образец.

Какая же связь могла существовать между обоими памятниками? В данном случае возможны два варианта:

1) колонны Бокбонли, ворота Соборной мечети и резные доски с текстом взяты из какого-то уже не существующего памятника (может быть, древнего здания мечети Бокбонли?);

2) колонны и резные доски Бокбонли принадлежали некогда Соборной мечети Хивы.

Некоторые соображения делают довольно вероятной вторую версию. Прежде всего массивные ворота едва ли могли принадлежать какому-либо

¹ Б. П. Денике. Архитектурный орнамент Средней Азии. М.—Л., 1939, рис. 102.

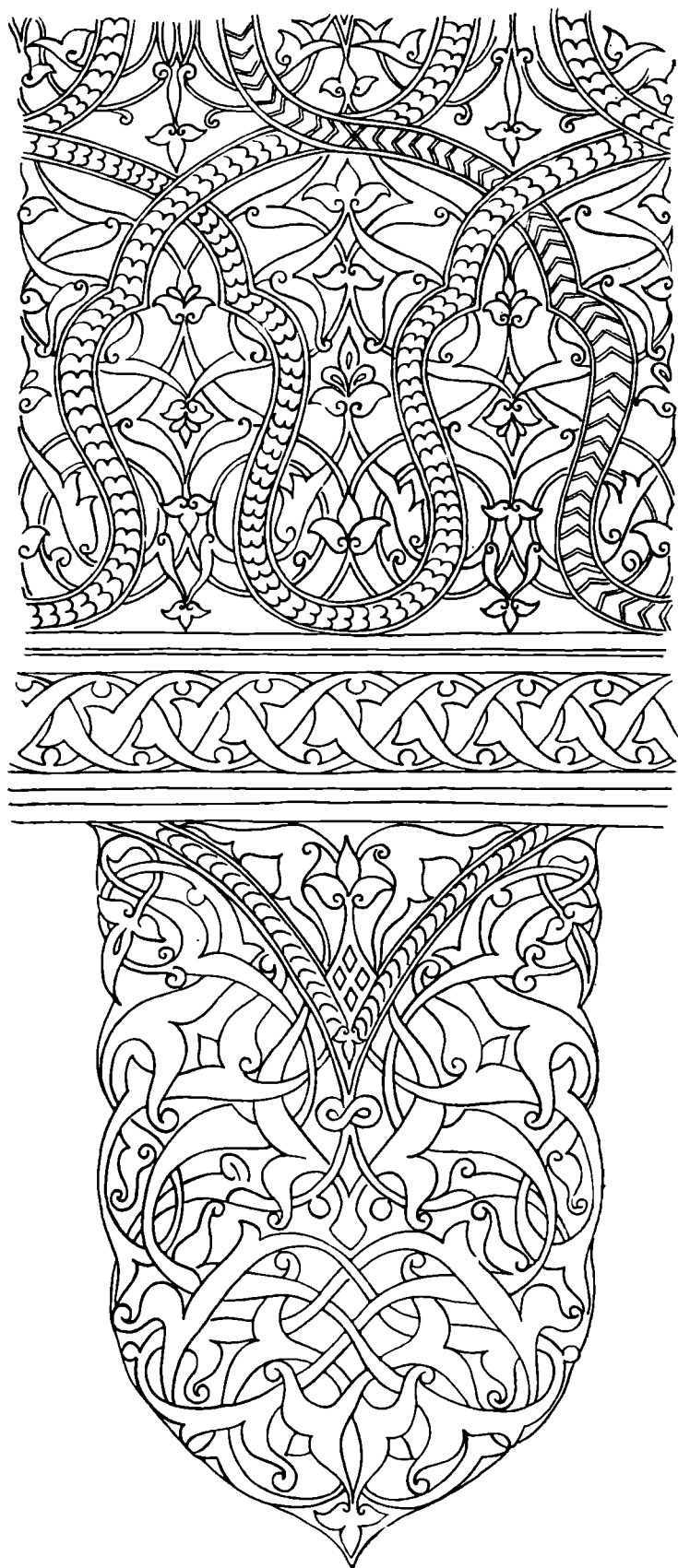

Рис. 25. Элементы орнамента восточной колонны мечети Бокбонли.

зданию, кроме большой Соборной мечети города; затем при подобных обстоятельствах удовлетворительно объясняется подражательная форма консолей в Соборной мечети — моделью служили детали, находившиеся тут же; далее габариты колонн Бокбонли не противоречат принятому предположению: высота колонн XIV в. Соборной мечети составляет 3,84 и 4,14 м, а наибольший поперечник — 44,5 и 60 см; высота колонн Бокбонли без каменной базы при предполагаемых первоначальных нормальных размерах капители должна была быть примерно такая же, а поперечник их близок указанным цифрам.

Можно наметить и место, которое занимали две нынешние колонны Бокбонли в плане Соборной мечети: они могли находиться в комплексе пяти колонн, окружающих зону михраба. Все они в прошлом должны были быть богато декорированы. В настоящее время из них сохранилась лишь одна. Доски с текстом могли составлять фриз квадрата, по периметру которого стояли резные колонны.

Городское строительство в Хиве расцветает в XIX в. после длительного экономического упадка, осложненного походами Надир-шаха, и запустения города в середине XVIII в. Обстановка, несомненно, способствовала тому, что отдельные деревянные части запущенных зданий использовались в другом месте. Этим во всяком случае можно объяснить разрозненность резных досок с текстом. Что касается колонн Бокбонли, их история была, вероятно, довольно сложной и остается в области догадок. Независимо от того, насколько правильны высказанные предположения о их прошлом, колонны безусловно принадлежат к ценнейшим образцам резьбы по дереву в Средней Азии. Это искусство, богато представленное произведениями последних двух столетий, мало сохранилось в памятниках более раннего времени. Поэтому большого внимания заслуживают колонны Бокбонли, которые по ряду признаков могут быть отнесены к XIV в. и причислены к немногим известным произведениям того времени, таким как надгробие Сайфуддина Бохарзи и резная колонна из г. Туркестана.

О. И. СМЕРНОВА

НЕИЗДАННЫЙ ФЕЛЬС ИЗ РАСКОПОК НА ГОРОДИЩЕ
ДРЕВНЕГО ПЯНДЖИКЕНТА

В 1953 г. во время раскопок на городище древнего Пянджикента (объект IX) найден фельс (рис. 26), обративший на себя внимание необычной для монет, битых при Аббасидах, центральной легендой на оборотной стороне: لا اسلكم عليه أجرا الا المودة في القربى — «В награду за это я прошу у вас только любви к (моим) близким» (Коран, сура XLII, стих 22).

До сих пор этот текст был воспроизведен только на двух типах мусульманских монет — на фельсах, битых от имени Абу-Муслима, и на фельсах с именем Абу-Дауда Халида.

На их лицевой или оборотной стороне имеется круговая легенда:

قل لا اسلكم عليه أجرا الا المودة في القربى

Круговая легенда другой стороны содержит выпускные данные, центральные — первую или вторую половину символа веры.

Как видно из приведенного текста, круговая легенда на фельсах Абу-Муслима и Абу-Дауда и центральная легенда на оборотной стороне фельса из Пянджикента одинаковы (за исключением первого слова цитаты قل — «скажи», опущенного на пянджикентском экземпляре). Однако пянджикентский фельс не принадлежит ни к чекану Абу-Муслима, ни к чекану Абу-Дауда.

Найденный фельс (диаметр — 23 мм, вес — 2,9), в противоположность большинству таких находок, — хорошей сохранности (рис. 26), но штемпель лицевой стороны несколько сбит и дата выпуска оказалась частично вне монетного кружка, так что единицы и десятки не оказалось возможным установить. Круговая легенда оборотной стороны содержит имя эмира, выпустившего данную монету, и сведения о том, что фельс отчеканен в годы наместничества в Хорасане Мухаммеда (ал-Махди), сына эмира правоверных (ал-Мансура), иными словами, — между 141 и 151 гг. х. (758/759—768 гг. н. э.). Данные круговой легенды облегчили определение монеты.

Среди материалов Собрания восточных монет Государственного Эрмитажа оказалась монета¹, подобная фельсу из раскопок Пянджикента, но другой матрицы. Круговая легенда оборотной стороны эрмитажного экземпляра частично стерта, и имя лица, выпустившего его, не было возможности установить. Однако в противоположность пянджикентской находке выпускные данные на лицевой стороне сохранились. Путем сличения лицевых и

¹ А. К. Марков. Инвентарный каталог восточных монет Эрмитажа. СПб., 1896, стр. 16, № 51.

оборотных сторон обоих экземпляров удалось восстановить легенды штемпелей полностью, а именно:

Лицевая сторона. В поле в круге из точек — لا اله الا الله | وحده | — «Нет божества, кроме Аллаха единого»; круговая легенда — جسم الله ضرب — «Вд имя Аллаха, выбит (этот фельс) в Самарканде в году сто сорок третьем».

Все в круге из точек.

Оборотная сторона. В поле в круге из точек в три строки — لا اسلكم عليه | اجرا الا المودة | في القربى | — «В награду за это я прошу у вас только любви к (моим) близким»; круговая легенда:

— امر به الامير داود بن كزار (?) في ولية (Sic!) محمد [بن] امير المؤمنين — «Приказал (выбить) его Дā'ūd, сын К?rār'a (?) в наместничество Мухаммеда (сына) эмира правоверных».

Рис. 26. Фельс из раскопок Пянджикента.

Все в круге из точек.

На монете из раскопок, в отличие от экземпляра собрания Эрмитажа, слово بن (сын), взятое в описании в скобки, опущено, видимо, по недостатку места.

Теперь мы уже имели достаточно сведений; нам были известны все необходимые выпускные данные найденного фельса: выбит в 143 г. х. (760/761 гг. н. э.) в Самарканде от имени аббасидского правителя Самарканда некоего Дā'уда, сына К?rār'a (?). Оставалось, по возможности, выяснить, кем было это лицо. Источники не упоминают правителя Самарканда с таким именем. Совпадение текста легенды на монетах неизвестного эмира и на монетах, битых от имени Абу-Муслима, навело на мысль о существовании определенной связи между этими двумя лицами. И, действительно, дальнейшие поиски по этому пути увенчались полным успехом.

В хрониках ат-Табари и Ибн ал-Асира при изложении мервских событий дважды упоминается имя некоего Дā'уда, сына Куррāза (у Ибн ал-Асира — Дā'ūd, сын Курāза).

Впервые оно упоминается под 129 г. х. (746/747 гг. н. э.), т. е. за 14 лет до выпуска монет с именем Дā'уда, сына К?rār'a (?).

Цитирую по ат-Табари: «И остановился Абу-Муслим в окопе (خندق) ал-Махувана, а он (ал-Махуван) по своему внешнему облику подобен шииту, пока не прибыл к нему Абдаллах б. Бистам и не привез ему палатки, шатры и кухни, корма для вьючных животных и сосуды для (питьевой) воды людям. И первым должностным лицом (عامل), которого назначил Абу-Муслим на какую бы то ни было должность (был) Дā'ūd б. Куррāз (اول عامل استعمله ابو مسلم على شئ من العمل داود بن كزار). И не разрешил Абу-Муслим своим рабам собираться в его окопе, а выкопал для них окоп в селении Шаввал и назначил над окопом Дā'уда б. Куррāза. А когда собралось целое сборище рабов, он их отправил к Муса б. Ка'бу в Абиверд»¹.

¹ Ат-Табари, сер. II, стр. 1968, 1969.

Вторично имя Да'уда, сына Куррāза упоминается под 130 г. х. (747/748 гг. н. э.) при дальнейшем изложении мервских событий.

Цитирую по ат-Табари: «И послал Абу-Муслим Лахиза б. Курайза и Курейша б. Шакика и Абдаллаха б. ал-Бахтари и Да'уда б. Куррāза к Насру, дабы они призвали его к книге Аллаха (т. е. Корану) и к повиновению (лицу), на котором согласятся все¹, из рода Мухаммада (т. е. Алидов)...». И ниже «...И послал (Абу-Муслим) к Насру Лахиза б. Курайза и Курейша б. Шакика и Абдаллаха б. ал-Бахтари и Да'уда б. Куррāза и большое количество персов-шиитов(اعاجم الشيعة) и вошли они к Насру...»². У тех же авторов имя Да'уда, сына Куррāза упоминается еще дважды под более поздними годами как военачальника Аббасидов, и в том числе наместника Хорасана и будущего халифа ал-Махди, первый раз — под 145 г. х. (762/763 гг. н. э.).

Цитирую по ат-Табари «...И рассказал Ибрахим б. Муса б. Иса б. Муса б. Мухаммад б. Али б. Абдаллах б. Аббас... Сказал: Я слышал, как отец мой говорил: родился Иса б. Муса в 103 г. (721/722 гг. н. э.) и участвовал в войне Мухаммада и Ибрахима, и ему было тогда 43 года. Во главе его передового отряда был Хумейд б. Кахтаба, а во главе правого его крыла — Мухаммад, сын Абу ал-Аббаса эмира правоверных, а во главе его левого крыла Да'уд б. Куррāза из людей Хорасана (من اهل خراسان), а во главе его тыловых частей — ал-Хусейн б. Шу'ба»³.

Под 150 г. имя Да'уда, сына Куррāза упомянуто еще раз в связи с интереснейшим восстанием Устада Сиса (что значит «мастер Сис») 150—151 гг. х. (767—768 гг. н. э.), в подавлении которого он принимал участие и потерпел вместе с другими арабскими военачальниками полное поражение под стенами Мерверуда. О размерах, которое приняло это движение, можно судить хотя бы по тому, что по словам ат-Табари и Ибн ал-Асира количество восставших достигало 300 000 воинов и продолжалось 2 года (150 и 151 гг. х.)⁴.

Цитирую по ат-Табари: «А из того, что случилось в этом году (т. е. 150 г. х.), — восстание (хурūdж) Устада Сиса во главе населения Херата, Бадгиса и Саджастана и, кроме того, других областей (кувар) Хорасана. И шли они (восставшие), пока не встретились они и население Марв-ар-руда. И выступил против них ал-Аджсам ал-Марварруди во главе населения Марв-ар-руда. И сражались в жестоком бою, пока не был убит ал-Аджсам и были убиты многие среди людей Марв-ар-руда; и обратилось в бегство большое количество (арабских) предводителей (القواد), из них Муаз б. Муслим б. Муаз, Джабра'ил б. Йахйа и Хуммад б. Амр и Абу-л-Наджм ас-Саджастан и Да'уд б. Куррāз. И отправил ал-Мансур, а он был в ал-Барадане, Хазима б. Хузейма к ал-Махди. И назначил его (Хазима) ал-Махди вести войну с Уставом Сисом и присоединил к нему (тех) предводителей (القواد)»⁵.

В ходе изложения дальнейших событий, связанных с восстанием Устада Сиса, имени Да'уда, сына Куррāза более не встречается. Не упоминается оно и в дальнейшем тексте летописи. О том, что во всех приведенных отрывках речь идет об одном и том же лице, вследствие редкости имени, больших сомнений быть не могло. Свидетельство монет делает это бесспорным. Да'уд, сын Куррāза был одним из ближайших сподвижников аббасидского эмиссара Абу-Муслима и, видимо, принимал непосредственное

¹ В тексте «ли-р-рида». Толкование этих слов, принятое в переводе, принадлежит В. И. Беляеву.

² Ат-Табари, сер. II, стр. 1993, стк. 16 и сл.

³ Ат-Табари, сер. III, стр. 238, стк. 2 и сл.

⁴ Краткое изложение событий восстания см. EI, III, 1073, под словом Ostādsīs.

⁵ Ат-Табари, сер. III, стр. 354.

участие в его политической деятельности. Более того, по словам ат-Табари, он был первым должностным лицом, которого назначил Абу-Муслим после своего утверждения наместником Хорасана. Как следует из тех же отрывков, Да'уд по происхождению был хорасанец и шиит. Больше, собственно, мы о нем ничего не знаем для этого периода его жизни.

Когда был назначен Да'уд, сын Куррāза правителем (т. е. представителем арабской власти) в Самарканде, — неизвестно. На основании выпускных данных, помещенных на монетах, он был им в 143 г. х. (760/761 гг. н. э.). Возможно, что он был назначен на эту должность после восстания и казни наместника Хорасана Абдалджабара (т. е. в том же 143 г.), но возможно и то, что назначение он получил при преемнике Абу-Муслима Абу-Дауде Халиде (убит в 140 г. х.). В пользу последнего предположения говорит то, что оба они на своих фельсах помещают легенду, свойственную монетам Абу-Муслима. Один этот факт уже свидетельствует об известной преемственности монетного чекана, а быть может, и о единой политической линии. Однако ничего определенного сказать нельзя, так как фельсов, битых ранее 143 г. х., пока неизвестно. В следующем, 144 г. х. (761/762 гг. н. э.) правителем Самарканда было уже другое лицо; так, нам известны фельсы с датой 144 г. х., битые в Самарканде от имени некоего ал-Ашаса б. Йахйа. Следовательно, в 144 г. х. Да'уд, сын Куррāза был уже смещен с должности самаркандского правителя. Однако он не подвергся какой-либо опале, так как в дальнейшем имя его продолжает упоминаться как имя одного из военачальников Аббасидов. Дальнейшая судьба его неизвестна. Продолжал ли он после своего поражения под стенами Мерверуда принимать участие в подавлении восстания, был ли убит во время военных действий, — мы не знаем. В летописях имя его более не встречается. Само восстание, по словам ат-Табари и Ибн ал-Асира, было подавлено в 151 г. х.¹ Что касается имени «Куррāз» у ат-Табари и «Кура̄з» у Ибн ал-Асира, то это, видимо, неточная передача иранского «Гурāз» — «вепрь», и все имя должно быть прочитано так: Да'уд, сын Гурāза.

Подведем итоги изложенному:

1. Фельс дает нам имя наместника Самарканда начала 60-х годов VIII в. Судя по второй части имени (Гурāз), он был иранского происхождения, что уже само по себе интересно.

2. Тесная связь этого лица с Абу-Муслимом несомненна. Она нашла отражение и в письменных источниках, и достаточно ярко в легенде рассмотренной нами монеты.

Что побудило Абу-Муслима, эмиссара Аббасидов и его преемника Абу-Дауда, а впоследствии, как это видно из изложенного, и Да'уда, представителя арабской власти в Самарканде, поместить на своих монетах именно этот стих Корана? Видимо, это обстоятельство было обусловлено политикой Аббасидов до того, как антиомейядское движение победило. В стихе на монетах Абу-Муслима следует видеть своего рода лозунг, содержащий намек на улучшение положения широких масс (пересмотр арабской налоговой политики) в Хорасане и Средней Азии. Как известно, пропаганда арабского эмиссара привлекла на сторону Аббасидов основную массу населения этих стран. Крайне интересно, что на других монетах, битых от имени аббасидских халифов, данная легенда не была помещена. Рассмотрение этого вопроса выходит за пределы настоящей статьи и явится предметом специального исследования.

¹ Ат-Табари, сер. III, стр. 358.

Е. А. ДАВИДОВИЧ

ВЛАДЕТЕЛИ НАСРАБАДА

(По нумизматическим данным)

Для истории Ферганы при Саманидах и для характеристики форм и развития института феодальных пожалований известный интерес представляют четыре неопубликованные медные монеты, чеканенные в Насрабаде в 340 г. х. (951/952 гг. н. э.; три экземпляра) и в 341 г. х. (952/953 гг. н. э.; один экземпляр). Одна из них принадлежит профессору А. А. Семенову и куплена им в Бухаре у антиквара; две хранятся в Музее истории Академии наук УзССР (коллекции Восточного факультета, № 73—74), а четвертая (341 г. х.) найдена при строительстве Большого Ферганского канала и хранится в Государственном музее искусств УзССР¹.

Внешний вид и содержание надписей несколько отличают монеты от обычных фельсов саманидского времени. Приводим описание монет Насрабада с датой 340 г. х. (951/952 гг. н. э.; рис. 27).

Лицевая сторона. В поле — суннитский символ веры в три строки: «Нет божества, кроме Аллаха единого, нет у него сотоварища». Вокруг, между тонкими линейными ободками, — две надписи с выпускными сведениями, именами двух лиц и благопожеланием им. Внешняя круговая надпись: *بسم الله ضرب هذا الفلّس بنصر اباد الامير بكر بن ملك اعزه الله*.

Внутренняя круговая надпись:

على يدى الحسين بن اليمى (النمر) ايدى الله سنة اربعين وثلثمائة

Оборотная сторона. В поле — конец восклицания «Власть принадлежит богу», часть символа веры и имя с титулом: *الله | محمد | رسول*. Вокруг, между ободками (внутренним двухлинейным с точечным кругом посередине и внешним точечным) — надпись с именем и титулом:

مما امر به الامير ملك بن سكرتكين مولى امير المؤمنين.

Монета 341 г. х. (952/953 гг. н. э.) отличается некоторыми деталями: начертанием наименования города (без «ā» — алифа после «ра»); титулом в поле оборотной стороны (вместо *الامير السيد* здесь *الملك الممالك*) и датой.

Четыре описанные монеты не уникальны. Аналогичные экземпляры опубликованы Х. М. Френом, который определил на них две даты — 336 г. х. (947/948 гг. н. э.) и 341 г. х. (952/953 гг. н. э.), но чтение некоторых имен оставил под вопросом. Эти же два экземпляра позже привел

¹ На бумажке, в которую завернута эта монета, рукой М. Е. Массона, приведено краткое определение: «Саманиды. Нух бен Наср, 341». В акте передачи монета числится под № 1 с тем же определением.

в своей монографии о саманидских монетах В. Г. Тизенгаузен, специально оговоривший невозможность конкретного определения лица, по приказу которого произведен чекан, в силу того, что в исторических источниках это лицо не упоминается. И, наконец, четыре монеты с датами 340 г. х. (951/952 гг. н. э.), 341 г. х. (952/953 гг. н. э.) и 343 г. х. (954/955 гг. н. э.) описаны А. К. Марковым¹. Чтение А. К. Маркова — наиболее полное. Однако надписи поля обеих сторон монетных кружков он не привел, что лишает возможности проследить титулатуру Нуха б. Насра на эрмитажных экземплярах. Круговые же их надписи на монетах 340—341 гг. х. дают незначительные варианты в начертании города (نصراپاد или نصرباد) и имени одного из четырех лиц (الحسين بن اليمان или الحسين بن اليمان). Кроме того, на одной монете 340 г. х. после имени Хусейна нет благопожелания.

Рис. 27. Медный фальс, чеканенный в Насрабаде 340 г. х. (951—952 гг. н. э.).

Приведенная А. К. Марковым монета 343 г. х. (954/955 гг. н. э.) существенно отличается от предшествующих отсутствием в круговой легенде лицевой стороны имени эмира Бекра б. Малика.

Кроме этих насрабадских монет, А. К. Марков привел под № 868 монету 344 г. х. (955/956 гг. н. э.) без обозначения места чекана, однако, на оборотной стороне попрежнему фигурирует имя, уже известное по насрабадским монетам, ملك بن سكرتکين. Следовательно, этот экземпляр также бит в Насрабаде или связан каким-либо иным образом с предшествующим насрабадским чеканом². На монете этого года нет уже не только имени Бекра б. Малика, но и Хусейна, а круговые надписи обеих сторон однострочные.

Итак, по имеющимся сейчас данным насрабадские монеты выпускались с 336 г. х. (947/948 гг. н. э.) по 344 г. х. (955/956 гг. н. э.), т. е. систематически и почти ежегодно в правление саманидского государя Нуха б. Насра [331 г. х. (943 г. н. э.) — 343 г. х. (954 г. н. э.)], почему его имя и обозначено в поле оборотной стороны под символом веры. При этом очень показательно, что даже в 344 г. х. (955/956 гг. н. э.), т. е. после смерти Нуха б. Насра, в правление его преемника Абд-ал-Малика на монетах, связанных с Насрабадом, все еще проставлялось имя покойного эмира Нуха.

Простое ознакомление с насрабадскими монетами давало основание предполагать, что они, благодаря наличию нескольких имен в надписях, могут

¹ Ch. M. Fraehn. Recensio numorum muhammedanorum... Petropoli, 1826, стр. 93, № 246; В. Г. Тизенгаузен. О саманидских монетах. ТВОРАО, ч. I. СПб., 1855, стр. 195, 196, 203, 204; А. К. Марков. Инвентарный каталог восточных монет Эрмитажа. СПб., 1896, стр. 147—149, № 835, 836, 854, 867.

² Все надписи А. К. Марковым не приведены; однако, благодаря любезности М. А. Добрынина, приславшего, по нашей просьбе, оттиски этой монеты и полное описание ее надписей, можно судить, насколько изменился тип монет 344 г. х. (955/956 гг. н. э.) по сравнению с предшествующими.

представить небезинтересный материал для истории Саманидов. Между тем, кроме указанных внешних описаний с частичным или более полным чтением надписей, в историко-нумизматической литературе, как будто, не было сделано опыта исследования этих монет.

* * *

Судя по приведенному выше описанию насрабадские монеты можно разделить на две группы: раннюю (336—341 гг. х.) с именами четырех лиц и одинакового типа за все годы и позднюю (343—344 гг. х.), характеризующуюся изменением типа и последовательным исчезновением двух имен.

На ранних монетах, кроме имени саманидского эмира Нуха б. Насра с титулом *الامير السيد* или *الملك المالک*, читаются имена еще трех лиц:

1) *أمير ملک بن سکر تکين مولى امير المومنين* — «Эмир Малик, сын С. к. р. (?) тегина, клиент повелителя правоверных» (в круговой надписи оборотной стороны)¹.

2) *امير بکر بن ملک* — «Эмир Бекр, сын Малика» (во внешней круговой легенде лицевой стороны).

3) *الحسين بن اليمان = اليمان (؟) النمار = النمر* — «Хусейн, сын Юмана (Нумара?)» (во внутренней круговой легенде лицевой стороны)².

Перед именем Хусейна в надписи стоит формула «под руководством», «при посредстве», что до некоторой степени определяет его место и функции как чиновника, каким-то образом связанного с деятельностью монетного двора. В. Г. Тизенгаузен прямо называет его «директором Насрабадского монетного двора». Не случайно это лицо не имеет никакого титула, а его имя помещено на лицевой стороне (о чем ниже) вместе и в связи с обозначением даты выпуска.

Два других лица, наоборот, имеют такие же титулы, как у самих саманидских правителей — «эмиров» и «клиентов повелителя правоверных». При сопоставлении имен обращает на себя внимание интересный и существенный факт, не отмеченный ни одним из исследователей, публиковавших насрабадские монеты. Факт этот заключается в том, что два лица с титулами эмиров, несомненно, являются прямыми родственниками: эмир Бекр б. Малик — это сын эмира Малика б. С. к. р. (?) тегина; таким образом, перед нами три поколения:

С. к. р. (?) тегин
|
Малик
|
Бекр

¹ Чтение имени отца эмира Малика затруднительно, хотя только последнюю букву можно рассматривать и как «ра», и как «нун», тогда как первые две не вызывают сомнений. Возможно, его следует читать как арабское *شُكْرُ* — «Шукр». По аналогии с разбираемым ниже именем отца Хусейна, которое писалось то с «алифом», то без него, — можно и здесь допустить пропуск долгого «у» («вав») и принять огласовку «Шукур». Более вероятным кажется предположение А. А. Семенова, предлагающего читать его, как «Сунгар» (*سنگر* или *سگر*) — слово означающее в тюркских языках, особенно в среднеазиатских, «сокол» или «кречет». Однако окончательно решить вопрос или предположить иные варианты смогут, вероятно, лингвисты.

² Имя отца Хусейна может быть прочтено и читалось различно. Х. М. Френ видел здесь *النمار* | *؟ الحمار*; В. Г. Тизенгаузен более уверенно читал *النمار* и транскрибировал как «Номар»; А. К. Марков читал *اليمن* и *اليمان*. Такие разночтения вполне закономерны, ибо в почерке круговых надписей этих монет по всем примерам «нун» и «ра» написаны совершенно одинаково, а первая буква не имеет никаких диакритических знаков. Два вида написания (с «алифом» и без него) намекают на то, что в огласовке после буквы «мим» слышалось «а», не всегда, однако, передаваемое «алифом», так что при любом варианте чтения огласовка в форме «Нимр» и «Юмр» исключается.

Имя деда вскрывает еще одну важную деталь. Слово «тегин» — хорошо известный тюркский титул. Он сохранился и позднее и вошел в состав удельной титулатуры караханидской династии. Следовательно, названные на насрабадских монетах лица по происхождению — тюрки. Само по себе такое заключение не может вызывать никаких недоумений, ибо роль тюрков в государстве Саманидов хорошо известна. Из тюрков формировалась гвардия, они занимали многие высокие посты в государстве, становились наместниками, а подчас владетелями (например, Симджуриды) крупных областей или просто крупными земельными собственниками. Соответственно их имена часто появлялись на саманидских монетах, но характер упоминания на насрабадских монетах имен тюрков Малика и его сына Бекра необычен и служит свидетельством их особого положения, которое в известной мере может сравниться только с положением Симджуридов — наследственных владетелей Кухистана — области, полученной ими от Саманидов. Однако и эта аналогия неполная, о чем говорит сравнительный анализ содержания и местоположения надписей с именами всех четырех названных лиц.

В саманидском чекане лицо, от имени и по приказу которого осуществлялся выпуск и которое поэтому было владельцем монетной регалии, как правило, упоминалось в круговой легенде оборотной стороны, после вводной формулы «Из того, что приказал...» или «По приказу...» Фактическая власть могла осуществляться им самим непосредственно или через наместника (имя которого поэтому иногда появлялось в поле монетного кружка, чаще на лицевой стороне). Но это была именно власть, владение, со всеми вытекающими из этого экономическими и политическими атрибутами. Поэтому на основной массе серебряных и медных монет в круговой легенде оборотной стороны после вводной формулы стоит имя главы саманидской династии. Появление изредка там другого имени находит объяснение в сепаратистских стремлениях или особом политическом положении данного лица. Лучший образец такого отступления от общего правила можно видеть в ферганском медном чекане 284—303 гг. х. с именами в круговой легенде оборотной стороны не главы династии, а экономически и политически независимых Исхака и его сына Мухаммада, а затем с именем лишь формально признавшего центральную власть Мухаммада б. Асада.

В круговой легенде оборотной стороны насрабадских монет ранней группы (336—341 гг. х.) после обычной формулы «Из того, что приказал...» стоит имя тюрка эмира Малика. Следовательно, монетная регалия и фактическая власть в Насрабаде принадлежали ему. Кроме того, он, как уже отмечалось, присвоил себе оба саманидских титула — «эмир» и «клиент повелителя правоверных», что еще раз подчеркивает его самостоятельное политическое положение. Однако он не был мятежником по отношению к центральной саманидской власти, ибо имя саманида Нуха также помещено. Но местоположение имени саманидского эмира — поле оборотной стороны — чрезвычайно многозначительно и перекликается с местоположением имен халифов на монетах самих Саманидов, что прекрасно аттестует характер взаимоотношений между насрабадским Маликом и саманидским эмиром Нухом: Малик признавал эмира как своего верховного и почетного главу, сюзерена.

В ином и совершенно новом варианте упоминается имя Бекра, сына Малика. Оно дано на лицевой стороне, но не в поле, а во внешней, первой круговой легенде, вместе с частью выпускных сведений. Во внутренней круговой легенде, вместе с остальными выпускными сведениями, помещено имя чиновника, связанного с деятельностью монетного двора. При этом обе круговые надписи, в смысловом отношении представляющие единое целое, разорваны на две части только в силу необходимости, подсказанной размерами монетного кружка. Читаются они подряд, начиная сверху, с обычной

при выпускных сведениях вводной религиозной формулы «Во имя Аллаха...» بسم الله ضرب هذا الفلّس بنصرابار (или بنصرباد) الأمير بكر بن ملك اعزه الله على يدى الحسين بن اليمان (или النمار) ايداه الله سنة اربعين وثلاثماية (или другая дата)

На основной массе медных саманидских монет на лицевой стороне не две, а только одна круговая надпись совершенно стандартного содержания. Выпускные сведения такой круговой легенды расположены в следующем порядке: вводная религиозная формула, наименование города, дата словами. На насрабадских монетах выпускные сведения разорваны на две части, причем между наименованием города и датой помещены два имени: сначала Бекра б. Малика, а потом чиновника Хусейна. Очень существенно, что положение второго имени определено вводной формулой «под руководством...», при первом же нет никакой вводной, определяющей формулы, и начинается оно непосредственно после наименования монетного двора, с титула «эмир». Невольно возникает предположение, что имя Бекра б. Малика здесь нельзя считать самостоятельным, т. е. нельзя отделить точкой от предшествующей части надписи. Читать его имя в именительном падеже и ставить перед ним точку можно было бы только в том случае, если бы оно размещалось после всех выпускных сведений и, следовательно, могло не быть связано с выпускными сведениями в смысловом отношении. Но так как имя Бекра разбивает выпускные данные на две части, ставить перед ним точку, а его читать в именительном падеже — невозможно. Поэтому остается считать имя эмира Бекра б. Малика не подлежащим, а определением для предшествующего наименования города, т. е. читать его в родительном падеже¹, а всю надпись соответственно переводить: «Во имя Аллаха чеканен этот фельс в Насрабаде эмира Бекра, сына Малика — да возвеличит его Аллах! — под руководством Хусейна, сына Юмана (Нумара?) — да укрепит его Аллах! — в триста сороковом году».

Из этой надписи, не стандартной по форме и содержанию, прежде всего следует, что город Насрабад считался принадлежащим эмиру Бекру б. Малику. Вместе с тем из другой разобранный нами круговой надписи оборотной стороны видно, что фактическая власть в городе принадлежала его отцу. Возникает вопрос: каким путем, на каких правах и основаниях получил Бекр б. Малик город Насрабад и почему не сам, а его отец стал фактическим владельцем и правителем там?

Для решения вопроса существенные сведения можно найти в истории происхождения самого города. О местоположении Насрабада существуют две точки зрения. В. Г. Тизенгаузен, опираясь на свидетельство Якута, помещал город близ Нишапура. К Нишапуру же отнес Насрабад О. Кодрингтон в своем перечне монетных дворов². Второй Насрабад известен в восточной Фергане. Эту часть Ферганы арабские географы называли Миян-рудан. Центром округа был г. Хайлам — родина саманида Насра б. Ахмада. Насрабад считался большим городом и был окружен густыми садами³.

Приводя список саманидских монетных дворов в своем неопубликованном курсе лекций⁴ по нумизматике Средней Азии, М. Е. Массон упоминал

¹ Грамматически родительный падеж здесь возможен, хотя для передачи такого рода принадлежности в арабском языке прибегали к другим, более пространным оборотам, неудобным для кратких монетных надписей. Показательно, что на ферганских монетах (к числу которых принадлежат и разбираемые) встречаются очень грубые чисто грамматические ошибки, так что в данном случае не исключено также некоторое «стилистическое невежество».

² В. Г. Тизенгаузен. Указ. соч., стр. 196, 197; O. Codrington. A manual of Mussulman numismatics. London, 1904, стр. 193.

³ В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Ч. II, СПб., 1900, стр. 155, 156, 163, 164.

⁴ САГУ, Ташкент, 1943.

и Насрабад, оговаривая, что подразумевает Насрабад ферганский. Мы целиком поддерживаем эту точку зрения, подкрепляя ее двумя важными фактами. Во-первых, из всех опубликованных и неопубликованных насрабадских монет точное место находки известно только для одного экземпляра; найден он именно в Фергане, при строительстве Большого Ферганского канала. Между тем место находки медных монет очень существенно для уточнения места их производства в силу обычно территориально-ограниченной сферы обращения медных денег. Во-вторых, одно из помещенных на насрабадских монетах имен — имя Бекра б. Малика, как оказалось, известно и по письменным источникам, в которых, между прочим, подчеркнуто ферганское происхождение этого лица.

При описании событий в последние годы правления саманида Нуха и в первые годы правления Абд-ал-Малика в источниках упоминается Абу-Саид Бекр б. Малик ал-Фергани. Совпадение собственного имени (Бекр) этого лица и собственного имени его отца (Малик) на монетах и в письменных источниках, хронологическая близость обоих свидетельств, факт наличия в Фергане города Насрабада при подчеркнуто ферганском происхождении Бекра б. Малика, — все это вместе взятое делает несомненным отождествление Бекра б. Малика монет с ферганским Бекром б. Маликом, упомянутым в письменных источниках.

Согласно письменным данным, Бекр б. Малик чрезвычайно возвысился при саманидском дворе. В 951 г. умер хорасанский наместник Мансур б. Кара-тегин, и на его место был назначен Абу-Али Чагани, восставший порядок в Хорасане и Хорезме и начавший войну с Буидами. Однако мирное ее окончание возбудило недовольство Нуха и на место Абу-Али Чагани назначается ферганец Бекр б. Малик. Еще до отъезда Бекра Нух умер, но наследовавший ему Абд-ал-Малик подтвердил приказ о назначении Бекра б. Малика хорасанским наместником. Однако Бекр б. Малик «презрительно обращался с гвардией, небрежно относился к ее потребностям и возбудил ее ненависть». В декабре 956 г., вероятно, с согласия Абд-ал-Малика он был убит¹.

Итак, незадолго до смерти Нуха Бекр б. Малик получил самый высокий пост. Следовательно, и до этого он уже был видным человеком, не оставлял службу при саманидском дворе, постепенно продвигался по служебной лестнице. Показательно, что его имя на насрабадских монетах появляется раньше назначения его на пост хорасанского наместника; следовательно, монетный чекан непосредственно с этим назначением не связан. Насрабадский чекан с именем Бекра б. Малика отнюдь не пресек его карьеру при саманидском дворе, поэтому нужно полагать, что чекан производился с разрешения эмира или во всяком случае был ему известен. Иначе говоря, чекан монет с 336 г. х. (947/948 гг. н. э.) по 343 г. х. (954/955 гг. н. э.) при условии назначения Бекра б. Малика хорасанским наместником только в 343 г. х. (954 г. н. э.) лишний раз подтверждает высказанное выше положение о том, что насрабадский чекан нельзя рассматривать как акт мятежа против центральной власти и демонстрацию полной самостоятельности.

Насрабад был построен Саманидами и принадлежал им². А по насрабадским монетам 336—343 гг. х. видна принадлежность города тюрку Бекру, выслужившемуся при саманидском дворе и продолжавшему служить Саманидам до момента своей гибели. Единственным объяснением может быть только то, что город был пожалован Бекру эмиром Нухом в качестве вознаграждения за службу при дворе. И хотя сам Бекр, продолжая служить после этого, передал город своему отцу, — факт пожалования был зафик-

¹ В. В. Бартольд. Указ. соч., стр. 260, 261.

² В. В. Бартольд. Указ. соч., стр. 164.

сирован той частью монетной легенды, где подчеркивалось, что город — «эмира Бекра б. Малика», его принадлежность, получен им.

В свете такого толкования становятся понятными все особенности надписей: имя Нуха уже не упоминается в круговой легенде оборотной стороны, ибо экономические привилегии перешли к Бекру и его семье, но зато имя Нуха почетно помещено в поле оборотной стороны, так как после пожалования между Бекром и Нухом устанавливались отношения вассала и сюзерена; продолжая служить Нуху, Бекр вынужден был передать Насрабад отцу, который — как фактический правитель города и глава семьи, — поместил свое имя в круговой легенде после формулы: «Из того, что приказал...».

Приведенное толкование монетных надписей заставляет квалифицировать передачу Насрабада Бекру как феодальное пожалование, которое не ограничивалось получением только доходов, а распространялось на город в целом. Владетели Насрабада во внутренних делах были, вероятно, фактически независимыми правителями.

В заключение отметим, что маленькая династия тюркских владетелей Насрабада просуществовала недолго. Перелом наметился еще при жизни Бекра б. Малика, после смерти Нуха и вступления на престол его сына Абд-ал-Малика [343 г. х. (954 г. н. э.)]. Насрабадские монеты 343 г. х. (954/955 гг. н. э.) и 344 г. х. (955/956 гг. н. э.) мы объединили в особую группу, которую называли «поздней». На монетах 343 г. х. (954/955 гг. н. э.) уже нет имени Бекра б. Малика, но имена его отца и чиновника Хусейна еще сохранились, причем по внешнему облику монеты этого года примыкают к ранней группе, так как попрежнему на лицевой стороне сохраняют двойную круговую легенду, хотя и несколько иного содержания. Монеты 344 г. х. (955/956 гг. н. э.) резко отличны от предшествующих. Они повторяют самый обычный и стандартный для саманидских фельсов вид с одинарными круговыми надписями. На монетах 344 г. х. (955/956 гг. н. э.) надпись лицевой стороны, раньше включавшая, кроме выпускных сведений, имена сначала двух лиц, потом одного, теперь содержит только выпускные сведения. Таким образом, на этих поздних монетах сохранились всего два имени: покойного саманида Нуха б. Насра и эмира Малика, отца Бекра.

Почему в 343—344 гг. х. имя Бекра б. Малика, в свое время получившего Насрабад, было исключено из насрабадского чекана, хотя он был еще жив и продолжал служить Саманидам, а имя Нуха сохранялось, хотя тот уже умер? Это нельзя рассматривать иначе как демонстрацию непризнания нового саманидского государя, с одной стороны, а с другой, — как попытку превратить Насрабад в совершенно независимое наследственное владение, стерев всякое напоминание о путях и форме его получения.

Б. А. ЛИТВИНСКИЙ

СЕВЕРНАЯ НАДПИСЬ В ВАРУХСКОМ УЩЕЛЬЕ

(Опыт исторического исследования по данным нумизматики)

В нескольких километрах от горного кишлака Варух (Таджикская ССР, Ленинабадская область, Исфаринский район), там, где речка Исфара входит в живописное ущелье, на левом, западном, берегу на скале высечены две надписи¹. Они уже неоднократно привлекали внимание исследователей. Одна из них — северная — была издана В. В. Бартольд (текст и перевод); впоследствии ею специально занимался К. А. Иностранцев².

Особая ценность этой надписи состоит в том, что она абсолютно точно датирована в самом тексте (29 декабря 1041 г.). Если прибавить, что политическая история Средней Азии в эпоху господства караханидской династии известна очень мало, то важность Варухской надписи как исторического источника станет еще более очевидной.

Издатели и истолкователи надписи, В. В. Бартольд и К. А. Иностранцев, фактически не объяснили, кем являлись упомянутые в надписи лица, и не подвергали ее историческому анализу. К. А. Иностранцев записал лишь в качестве объяснения назначения надписи, что «она указывает местность, предназначенную для заповедного пастбища»³. В настоящей заметке делается попытка идентификации упомянутых в надписи лиц с представителями караханидской династии, известными из письменных источников и по монетному чекану. При этом дается иное истолкование назначения надписи, чем приведенное выше.

В надписи фигурирует Муизз-ад-давла Арслан-тегин Абу-л-Фазл ал-Аббас, сын Муайид-ал-адля илека, сына эмира Насра, сына Али-Саидхана. Таким образом, из текста прямо следует, что ее автор был внуком известного караханида, завоевателя Мавераннахра, Насра б. Али. В 30-е годы и в начале 40-х годов XI в. в политической жизни Средней Азии участвовали два сына Насра б. Али: Абу Исхак Ибрагим Бури-тегин и Айн-ад-давла; если исходить только из текста, отцом автора надписи мог быть каждый из двух братьев.

¹ ПТКЛА, год 1-й, Ташкент, 1896, стр. 19; М. С. Андреев. Местности Туркестана, интересные в археологическом отношении. «Среднеазиатский вестник», 1896, май, отд. оттиск, стр. 13; ПТКЛА, год 9-й, Ташкент, 1904, стр. 6, 7; В. В. Бартольд. Текст первой надписи в Варухском ущелье. ПТКЛА, год 9-й, стр. 46, 47; А. [А]. Понатов. Поездка в Варухское ущелье в 1904 г. ПТКЛА, год 9-й, стр. 43, 44; К. А. Иностранцев. К толкованию нижней надписи в Варухском ущелье. Сборник МАЭ, т. V, вып. 2, 1925, стр. 553—556 и др.

² Оба существовавшие до сих пор названия этих надписей являются неточными. Поэтому мы предлагаем надпись 1041 г. называть северной, а другую — южной. В дальнейшем изложении мы касаемся лишь северной надписи, поэтому для краткости называем ее просто «Варухская надпись».

³ К. А. Иностранцев. Указ. соч., стр. 555.

Письменные источники по истории Караханидов в первой половине XI в. изучены В. В. Бартольд¹, но они не дают ответа на вопросы, связанные с Варухской надписью. Недавно О. Прицак, в связи с рассмотрением некоторых проблем истории Караханидов, посвятил специальный экскурс Айн-ад-давла², используя для этой цели данные монетного чекана.

Историческое лицо с лакабом «Айн-ад-давла», известное из текста Бейхаки, дважды встречается и в монетном чекане: первый раз — в чекане Ахсикета 415 г. х. (1024/1025 гг. н. э.)³, второй — в чекане Ходжента 434 г. х. (1042/1043 гг. н. э.)⁴.

Раскрывая инкогнито «Айн-ад-давла» письменных источников и монет, О. Прицак идентифицировал его с «муайид-ал-адлем» монетного чекана Узгенда 1033—1034 гг. (не приведя тому соответствующих доказательств) и Бухары 1041—1044 гг. н. э. (основываясь на чрезвычайно спорных соображениях). Из того, что Айн-ад-давла правил в Узгенде — коренной территории своего отца — и одно время носил главный лакаб Насра б. Али — «муайид-ал-адль», этот исследователь делает вывод о том, что Айн-ад-давла был старшим сыном Насра б. Али.

Развивая это положение, О. Прицак приходит к заключению, что только после смерти Айн-ад-давла (предположительно в 40-х годах XI в.) брат его, Бури-тегин, становится первым лицом в государстве и с этого времени присваивает лакаб «муайид-ал-адль»⁵.

В своих построениях исследователь исходит из убеждения в незыблемой силе авторитета иерархической системы среди членов караханидской династии. Хотя внешне эти построения кажутся стройными, их коренной недостаток заключается в том, что они подменяют реальную политическую жизнь схемой, не имевшей того решающего значения, которое ей приписывается.

В решении интересующего нас «спорного вопроса» о Бури-тегине и Айн-ад-давла О. Прицак в недостаточной мере опирается на факты. Ему остались неизвестными некоторые важные публикации караханидских монет и даже в использованных каталогах упущены интереснейшие монеты. Кроме того, автор даже не попытался проанализировать обстановку, в которой появлялись те или иные монеты.

Все это заставляет относиться к выводам О. Прицака с большой осторожностью. Вопрос о том, кто носил в начале 40-х годов XI в. лакаб «муайид-ал-адль», решается им с полной определенностью — он приписывает его Айн-ад-давла. Тогда именно последний, а не Бури-тегин, должен был бы являться отцом автора Варухской надписи. Но так ли это?

Лакаб правителя Исфары «Муизз-ад-давла» встречается и на монетах. Известна публикация монет исфиджабского чекана, на оборотной стороне которых проставлено имя Ахмеда б. Али и «малика Муизз-ад-давла». Они биты в 400 г. х. (1009/1010 гг. н. э.) и 401 г. х. (1010/1011 гг. н. э.)⁶. На ахсикетских монетах 417 г. х. (1026/1027 гг. н. э.) и 418 г. х. (1027/1028 гг. н. э.) на аверсе — лакаб «Муизз-ад-давла», а на реверсе — Малик-Туган-хан илек (брат Али-тегина). Кроме того, опубликованы ахсикетские монеты 418 г. х., где на аверсе стоит лакаб «Муизз-ад-давла». Еще в 420 г. х. (1029 г. н. э.) в Ахсикете чеканились монеты, на аверсе которых

¹ В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, ч. II. Исследование. СПб., 1900, стр. 281 и сл.

² O. Pritsak. Karachanidische Streitfragen. «Oriens», vol. 3, № 2, Leiden, 1950, стр. 224—227. Указанием на эту работу автор обязан А. М. Беленицкому.

³ А. К. Марков. Инвентарный каталог мусульманских монет Эрмитажа. СПб., 1896, стр. 245, № 347.

⁴ Там же, стр. 256, № 401.

⁵ O. Pritsak. Указ. соч., стр. 226, 227.

⁶ А. К. Марков. Указ. соч., стр. 221, № 200—203.

проставлено «Муизз-ад-давла», а на реверсе — «Кадыр-хан малик-ал-машрик»¹. Лакаб «Муизз-ад-давла» встречается также на аверсе монет, чеканенных в Касане в 423 г. х. (1031/1032 гг. н. э.)².

Что касается отца правителя Исфары, то он назван «муайид-ал-адль илек сын эмира Насра». Известно, что одна из древнейших караханидских монет — монета чекана 386 г. х. (996 г. н. э.) бита в Фергане от имени Тегин-ал-джалил ал-эмир ал-муайид-ал-адль Тика-тегина³. Вслед за покорением Насром б. Али Мавераннахра лакаб «муайид-ал-адль» («защитник справедливости») становится неотъемлемой частью его имени на монетах, причем на некоторых он встречается и после смерти Насра б. Али. Издавая одну такую монету 406 г. х. (1015/1016 гг. н. э.), Б. Дорн включил ее в группу монет, предположительно чеканенных или Шараф-ад-дином Туганом или Ахмедом б. Али⁴.

Затем, после длительного перерыва, этот лакаб появляется на узгендских монетах 424 и 425 гг. х. (1032/1034 гг. н. э.)⁵. В кешском чекане 431 г. х. (1039/1040 гг. н. э.) А. К. Марков зафиксировал «аль-муайид-ал-адль хан Наср»⁶. На бухарской монете 423 г. х. [возможно, 433 г. х. (1041/1042 гг. н. э.)] Х. М. Френ прочел (с вопросом) «ал-муайид-ал-адль хахан»⁷. Б. Дорном приведена бухарская же монета 435 г. х. (1043/1044 гг. н. э.), на аверсе которой читается «ал-муайид-ал-адль», а на реверсе — «Тамгач Бугра Кара Хакан Ибрагим бен-Наср»⁸. Впоследствии длинное имя Тамгач-хана Ибрагима на монетах обычно включает лакаб «муайид-ал-адль». Но и в эпоху его могущества, в 443 г. х. (т. е. не раньше 1048 г. н. э.) в Бухаре чеканится монета, на которой правитель обозначен просто как «муайид-ал-адль Ибрагим»⁹.

При анализе этих данных обращает на себя внимание наличие лакаба «муайид-ал-адль» на узгендских монетах 424—425 гг. х. (1031—1034 гг. н. э.). Из Бейхаки¹⁰ известно, что в 429 г. х. (1037/1038 гг. н. э.) в Узгенде сидел Айн-ад-давла. Можно предположить, что он был правителем этого города и раньше и что монеты 424—425 гг. х. выпускал он, но уверенности в этом до сих пор не было. Можно доказать, что правителем Узгенда в 424—425 гг. х. был именно Айн-ад-давла, а не его брат Абу Исхак Ибрагим Бури-тегин, который, рассуждая чисто логически, также мог ввести в своей монетный чекан лакаб «муайид-ал-адль», когда-то принадлежавший их отцу Насру б. Али. Дело в том, что на одной из изданных монет 424 г. х. фигурирует¹¹: المويد العدل كج تكين

¹ А. К. Марков. Указ. соч., стр. 246, 247, № 352—358; стр. 250, № 373, 374.

² Там же, стр. 251, № 380.

³ Там же, стр. 198, № 2.

⁴ B. Dorn. Über die Münzen der Ileke oder ehemaligen Chane von Turkestan. «Mélanges Asiatiques», VIII, St.-Petersbourg, 1881, стр. 719, № 46 (со ссылкой на Соре, который эту монету приписывал Тугану); см. также В. В. Григорьев. Неизданные монеты уйгурских владельцев Мавераннахра. Ученые записки Казанского университета по отд. ист.-филол. и полит.-юридич. наук, вып. 1, Казань, 1865, стр. 8.

⁵ A. Tewhid. Musée Imperial Ottoman. Section des monnaies musulmanes, IV. Constantinople, 1903, стр. 11, № 16; А. К. Марков. Инвентарный каталог..., добавление 3, стр. 925, № 384f.

⁶ А. К. Марков. Указ. соч., стр. 255, № 396—398. В чтение, видимо, следует внести пропущенное «бен».

⁷ Ch. M. Fraehn. Recensio numorum muhammedanorum. Petropoli, 1826, стр. 140, № 73.

⁸ B. Dorn. Указ. соч., стр. 732, № 105; его же. Inventaire des monnaies des khalifes orientaux et des plusieurs autres dynasties, 2. St.-Petersbourg, 1881, стр. 223, № 109 (вместо المويد العدل ошибочно الموقد العدل).

⁹ А. К. Марков. Указ. соч., стр. 263.

¹⁰ The Tarikh-i-Baihaki..., ed. by W. N. Morley... Calcutta, 1862, стр. 682, 697.

¹¹ A. Tewhid. Указ. соч., стр. 11, № 16.

Эта монета никак не могла чеканиться Абу-Исхаком Ибрагимом, ибо он носил титул Бури-тегин, на монете же — титул كچ تكين. Отсюда вытекает, что узгендский чекан в 1032—1034 гг. осуществлял Айн-ад-давла и на монетах этих двух лет ставился его лакаб «муайид-ал-адль».

Установив факт правления Айн-ад-давла в Узгенде в 1032—1034 гг., мы обнаружили и его титул, не отмеченный в исторической литературе и оставшийся неизвестным О. Прицаку. Знание же титула позволяет выявить чекан Айн-ад-давла в Узгенде в 422 г. х. (1030/1031 гг. н. э.) и 423 г. х. (1031/1032 гг. н. э.), когда на монетах стоял только كچ تكين без сочетания с лакабом «ал-муайид-ал-адль»¹. Следовательно, Айн-ад-давла чеканил монеты в Узгенде по крайней мере с 422 г. х. (1030/1031 гг. н. э.). Однако в чекане этого, а также следующего 423 г. х. (1031/1032 г. н. э.) он довольствовался указанием титула كچ تكين. В 1032 г. умер его сюзерен Кадыр-хан Юсуф. Видимо, наступил, как это часто бывало в истории Средней Азии, смутный период фактического междоусарствия. В этот момент, в 424 г. х. (1032/1033 гг. н. э.), Айн-ад-давла резко меняет, судя по нумизматическим материалам, политический курс. Он вводит на монетах громкий лакаб своего отца, покорителя Мавераннахра, именуя себя الموييد العدل или الموييد العدل كچ تكين

Такое изменение демонстрировало его независимость, а вместе с тем и притязания на самостоятельную власть над Мавераннахром. Однако наследник Кадыр-хана Юсуфа сумел упрочить свою власть и принял меры против бунта вассала, очевидно, уже в 425 г. х. (1033/1034 гг. н. э.). В начале этого года еще чеканились монеты с лакабом «муайид-ал-адль», но в том же году в Узгенде были выпущены монеты, где вместо эффектного كچ تكين стоит лишь одно слово انموييد العدل². Как разворачивались события дальше, мы точно не знаем. Ясно лишь, что положение Айн-ад-давла стабилизировалось, он каким-то образом уцелел, но вновь должен был довольствоваться своим скромным титулом³. Попытка отложиться и захватить Мавераннахр, как видно, не имевшая серьезной военно-политической базы, полностью провалилась.

Восстановив ход событий, можно сказать, что вывод О. Прицака о том, что лакаб «аль-муайид-ал-адль» был свойственен чекану Айн-ад-давла как следствие его старшинства и первородства, не подтверждается фактами. Этот лакаб помещался не всегда, а только в тех случаях, когда ставились, в связи с определенной политической ситуацией, более широкие, чем прежде, политические цели.

Монеты периода возвышения Бури-тегина и утверждения его власти публиковались неоднократно. На кешских монетах 431 г. х. (1039/1040 гг. н. э.), изданных А. К. Марковым, стоит «ал-муайид-ал-адль хан Наср»⁴. Сам по себе лакаб «муайид-ал-адль», как указывалось выше, мог принадлежать в равной степени и Айн-ад-давла и Бури-тегину. Однако в это время Бури-тегин захватывает города Мавераннахра, — факт, который исследователи, не считающиеся с конкретной политической обстановкой, в расчет не принимают. Есть и другие кешские монеты этого же года, содержащие более определенные сведения.

¹ Там же, стр. 8, № 9; стр. 10, № 14; см. также на стр. 13, № 20 (такая же монета 42... г. х.).

² А. Tewhid. Указ. соч., стр. 12, № 18. Быть может, колебания в написании этого слова (قچ и كچ) возникли в связи с неуверенностью резчика штампа при передаче арабской графикой малознакомого ему тюркского слова.

³ А. К. Марков. Указ. соч., стр. 253, № 385.

⁴ А. К. Марков. Указ. соч., стр. 255, № 396—398.

В. Г. Тизенгаузен издал кешскую монету 431 г. х., на реверсе которой читалось¹: *الله | محمد رسول الله | القائم بامر الله | الموييد (?) | بوري تكين*

Подобная монета была опубликована и Б. Дорном². Им же опубликована и другая чекана 431 г. х.³, на реверсе которой было прочитано:

الله | القائم بامر الله | قطب (?) | الدولة بور... | تكين

Таким образом, на некоторых кешских монетах 431 г. х. не только стоит титул Бури-тегина, но он употребляется и в сочетании с лакабом «муайид-ал-адль».

Следует сопоставить монеты, изданные В. Г. Тизенгаузеном и Б. Дорном, с узгендскими чекана Айн-ад-давла 424 г. х., изданными А. Тавхидом. На узгендских монетах, как установлено выше, принадлежавших чекану Айн-ад-давла, после лакаба «муайид-ал-адль» шел титул *كج تكين*, тогда как на кешских фигурирует титул *بوري تكين*. Это существенное различие не может игнорироваться; оно четко выявляет непреложный факт, что лакаб «муайид-ал-адль» на этих 2 группах монет отнесен к разным лицам: на узгендских — к Айн-ад-давла, на кешских — к Бури-тегину. К тому же сохранилась монета, чеканенная от имени самого Айн-ад-давла в Ходженте в 433 г. х. (1041/1042 гг. н. э.)⁴, т. е. после утверждения Бури-тегина в Мавераннахре, когда лакаб «муайид-ал-адль» широко проставлялся на монетах. Но дело в том, что на ходжентской монете, несомненно, принадлежавшей чекану Айн-ад-давла, этот лакаб как раз отсутствует.

Следует привести один дополнительный штрих: в ходжентском чекане его отца — Насра б. Али ставилось «муайид-ал-адль»⁵. Очевидно, должен был бы ставить его и Айн-ад-давла, если бы он, действительно, в силу наследственного права являлся преемником Насра б. Али и носителем его лакаба. Но этого, как мы видим, нет.

Итак, к бесспорному чекану Айн-ад-давла могут быть отнесены следующие монеты:

№ пп	Год хиджры	Город	Лакаб
1	415	Ахсикет	Айн-ад-давла
2	422	Узгенд	—
3	423	" "	—
4	424	" "	Муайид-ал-адль
5	425	" "	" "
6	425	" "	—
7	427	Ахсикет	—
8	433	Ходжент	Айн-ад-давла
9	После 422	Город стерт	—

Как видно по таблице, из девяти (или более) выявленных годов чекана Айн-ад-давла только для двух лет известно употребление лакаба «муайид-ал-адль». Как раз в эти годы введение указанного лакаба преследовало определенные политические цели.

Приведенные выше данные делают вопрос настолько ясным, что дополнительные доказательства едва ли требуются. Таким образом, выявление и сопоставление нумизматических данных с учетом ранее собранных

¹ W. Tiesenhause. Notice sur une collection de monnaies orientales de M. le comte S. Stroganoff. St.-Petersbourg, 1880, стр. 17, № 33.

² B. Dorn. Inventaire..., стр. 223, № 106.

³ B. Dorn. Über die Münzen..., стр. 731, № 102.

⁴ А. К. Марков. Указ. соч., стр. 256, № 401.

⁵ См., например, St. Lane-Poole. The coins of the Mohammedan dynasties in the British Museum, vol. III. London, 1876, стр. 121, № 434.

(В. В. Бартольд) сведений письменных источников позволяют решить вопрос о Бури-тегине и Айн-ад-давла, а также осветить ранее неизвестный факт в политической истории Ферганы (попытка освободиться из-под власти восточнотуркестанских Караханидов, предпринятая в 1032—1033 гг. Айн-ад-давла). Вместе с тем можно считать установленным, что после захвата власти, уже с 431 г. х. (1039/1040 гг. н. э.) Бури-тегин присваивает лакаб отца «муайид-ал-адль», считая себя, а не своего брата, в соответствии с реальным соотношением сил, преемником Насра б. Али и главой политической власти Мавераннахра.

Междоусобия конца 30-х—начала 40-х годов XI в. кончились захватом Бури-тегином Мавераннахра и утратой Айн-ад-давла значительной части Ферганы. О последнем, вопреки мнению О. Прицака, свидетельствуют и приведенный им рассказ Ибн ал-Асира о разделе в 1043/1044 гг. н. э. Арслан-ханом Сулейманом б. Юсуфом владений между своими родственниками (при котором Фергана досталась его дяде Туган-хану), и монетные данные. Во владении Айн-ад-давла осталась, видимо, только самая западная часть Ферганы.

Именно в это время в Исфаринском районе правителем, согласно надписи в Варухском ущелье, был Муизз-ад-давла. Трудно, даже предположительно, сопоставлять этого правителя Исфары с Муизз-ад-давла исфиджабского чекана 1009—1011 гг., но допустима идентичность автора Варухской надписи и Муизз-ад-давла ахсикетского чекана 1026—1029 гг. и чекана Касана 1031—1032 гг.¹

Каковы были его взаимоотношения с Айн-ад-давла, — неизвестно, но обращает на себя внимание, что с 1032 г., когда Айн-ад-давла выступает с лакабом «муайид-ал-адль», чекан от имени Муизз-ад-давла прекращается.

Таким образом, во время создания Варухской надписи носителем лакаба «муайид-ал-адль» был Бури-тегин. Его следует считать отцом автора Варухской надписи.

Если приведенные нами соображения и построения (также являющиеся гипотезой) правильны, то политическая обстановка в Западной Фергане в начале 40-х годов XI в. должна была быть следующей. Восточнотуркестанские Караханиды стремились к захвату всего Мавераннахра. Поэтому при разделе в 1043/1044 г. сыну Али-тегина, по Ибн ал-Асиру, были предназначены Бухара, Самарканд и «другие области». Но он, очевидно, и без поощрения был полон реваншистских устремлений. С другой стороны, Бури-тегин не должен был полностью доверять и своему брату Айн-ад-давла, сидевшему в Ходженте, так как тот мог в любой момент попытаться отложиться, используя, кстати, помощь восточнотуркестанских Караханидов. Учитывая все это, Бури-тегин посадил в Исфаринском районе, видимо, находившемся на границе с владениями восточнотуркестанских илеков, своего сына Муизз-ад-давла Арслан-тегин Абу-л-Фазл ал-Аббаса. На этой границе после разгрома Газневидов сельджуками Бури-тегину больше всего следовало опасаться агрессивных действий². Одновременно этим актом он парализовал сепаратистские тенденции своего брата. Сын Бури-тегина, получив в удел Исфаринский район, приказал высечь надпись со своим именем и генеалогией, чтобы продемонстрировать и «идеологически» закрепить власть над переданной ему территорией. Такова возможная причина появления надписи в Варухском ущелье — этого своеобразного политического манифеста XI в.

¹ Ср. О. Pritsak. Указ. соч., стр. 225.

² В качестве аналогии можно указать, например, на факт назначения хорезмшахами их сыновей наместниками пограничного с кочевой степью Дженда. См. А. А. Семенов. К вопросу об этническом и классовом составе северных городов империи хорезмшахов в XII в. н. э. (по актам того времени). Изв. отд. обществ. наук АН ТаджССР, 1952, № 2.

II. ХРОНИКА

Н. К. ЛИСИЦЫНА

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В РСФСР в 1953 г.

В 1953 г. Отделом полевых исследований Института истории материальной культуры Академии Наук СССР было выдано 118 открытых листов на право производства археологических раскопок и разведок. Из них один открытый лист выдан на право производства археологических исследований памятников общесоюзного значения на территории БССР.

Археологические исследования производились на территории 49 областей, краев, автономных областей и автономных республик РСФСР. Исследованиями охвачены: г. Москва и Московская область, г. Новгород и Новгородская область, Псковская, Ленинградская, Великолукская, Смоленская области и г. Смоленск, Вологодская, Калининская, Владимирская, Ивановская, Горьковская, Рязанская, Калужская, Тульская, Брянская, Костромская, Тамбовская, Пензенская, Курская, Орловская, Ростовская, Воронежская, Саратовская, Сталинградская, Куйбышевская, Ульяновская, Челябинская, Свердловская, Молотовская, Чкаловская области, Чувашская, Мордовская, Татарская, Марийская, Башкирская, Удмуртская, Дагестанская, Северо-Осетинская АССР, Ставропольский и Краснодарский края, Крымская область, Томская, Новосибирская, Иркутская, Кемеровская области, Тувинская и Хакасская автономные области, Алтайский, Хабаровский и Приморский края¹.

Как и в предыдущие годы, ИИМК широко велись работы на новостройках — в зонах строительства Куйбышевской, Сталинградской, Новосибирской и Ангарской ГЭС.

Пятью отрядами Куйбышевской экспедиции под руководством А. П. Смирнова производились раскопки и разведки большого количества археологических памятников — от ранних до средневековых².

Работы Сталинградской экспедиции велись тремя отрядами. Нижневолжский отряд во главе с К. Ф. Смирновым продолжал исследование курганной группы у с. Политотдельского. Вскрыто 16 курганов, давших 110 погребений преимущественно эпохи бронзы и сарматские (VI—V вв. до н. э. — III в. н. э.).

Заволжский отряд под руководством И. В. Сеницына обследовал левый берег р. Волги в пределах Саратовской области, между с. Ровное и

¹ В тех случаях, когда результаты экспедиций уже отражены в печати, нами о них даются лишь краткие сведения со ссылкой на их публикацию.

² А. П. Смирнов, Н. Я. Мерперт. Археологические исследования Куйбышевской экспедиции в 1953 г. Вестн. АН СССР, 1954, № 4, стр. 59—68.

Тарлыковка. Обнаружены большие курганные группы у сс. Старое-При-вольное, Скатовка и Краснополье, а также поселения в окрестностях сс. Скатовка и Кочетное. Основные раскопки производились у с. Скатовка, где был вскрыт 21 курган с погребениями от древнеямных до золотоордынских; там же проведены небольшие раскопки на поселении эпохи бронзы. Небольшие раскопки велись на поселении золотоордынского времени у с. Кочетное (XIII—XV вв.); в окрестностях с. Краснополье раскопаны 2 кургана. Всего отрядом раскопаны 23 кургана с 52 разновременными погребениями; из них 8 относятся к ямной культуре (в одном особенно интересна находка костяной флейты типа «флейты Пана»), 17 — к позднесрубной; к памятникам скифского времени относятся 4 погребения VI—IV вв. до н. э., открытые в насыпях курганов эпохи бронзы. Сарматских погребений времени рубежа нашей эры обнаружено 5 — тоже в насыпях таких же курганов. Погребений поздних кочевников — 18, большинство из них — основные (кроме одного случая). В двух курганах золотоордынского времени вскрыты коллективные захоронения XI—XV вв.

В. П. Шилов во главе Калиновского отряда продолжал исследование Калиновского могильника. За два года работ вскрыто 45 курганов (из них 16 — в 1952 г.), в которых обнаружено 202 разновременных погребения (от III тысячелетия до н. э. по XV в. н. э.). Наиболее древние погребения относятся к ямной культуре, затем «полтавкинского» времени, срубной культуры, сарматские, позднекочевнические и татарские.

Основные работы Ангарской экспедиции¹ (руководитель А. П. Окладников) были сосредоточены на Лесном острове, где на многослойном поселении вскрыты слои, относящиеся к неолиту, эпохам бронзы и железа. Много интересного дал верхний культурный слой, показавший, что в раннем железном веке здесь было поселение металлургов и кузнецов. Об этом свидетельствуют большое количество ям для выплавки железа, шлаки, крицы и сопла. Найдено очень много обломков глиняной посуды и изделий из железа. Выяснено, что жители поселения занимались охотой и рыболовством. Судя по вскрытому здесь погребению, население поселка, очевидно, было монголоидным.

Работы Новосибирской экспедиции производились, как и в предыдущем году, под руководством М. П. Грязнова двумя большими отрядами — Новосибирским (строительство Новосибирской ГЭС) и Каменским. Разведками Новосибирского отряда обнаружен еще 31 памятник различного времени — от поздненеолитических до монгольских. Раскопки производились на поселении эпохи бронзы у дер. Ирмень на поздненеолитической стоянке Ирмень II и в курганах V—III вв. до н. э. у с. Ордынское. Несколько погребений одинцовского и фоминского этапов вскрыто на стоянках Ирмень II и IV; жилища II тысячелетия н. э. раскапывались на Малыгинском лужке.

Каменским отрядом обследованы оба берега р. Оби вверх от г. Камня. Открыты 36 памятников от эпохи позднего неолита до II тысячелетия н. э. В 19 пунктах производились разведочные раскопки.

В 1953 г. в Москве на территории Зарядья были возобновлены археологические работы под руководством А. Ф. Дубынина. Установлено, что нижний горизонт культурного слоя этого района датируется концом XI в. и XII—XIII вв.

На окраине Москвы, на Ленинских горах, В. И. Качанова (Музей истории и реконструкции Москвы) продолжила раскопки Мамонова городища. Это многослойное поселение относится к дьяковской культуре (с середины I тысячелетия до н. э. — IV в. н. э.). Вскрыты остатки двух жилищ.

¹ Экспедиция, как и предыдущая, организована ИИМК. В тех случаях, когда работы проводились каким-либо другим центральным или местным учреждением, в тексте помещено особое указание.

Г. П. Латышева (Музей истории и реконструкции Москвы) произвела раскопки 6 курганов в двух группах у ст. Матвеевская, Киевской железной дороги. Курганы принадлежали вятичам и датируются: группа Матвеевская I — концом XIII в. — началом XIV в. (2 кургана), группа Матвеевская II — XIV в. (4 кургана).

М. В. Фехнер вела небольшие раскопки близ дер. Б. Буньково, Ногинского района, Московской области. Остатки производственных сооружений и стеклянных изделий позволяют предполагать существование здесь в XVII в. стеклянного завода.

В Новгороде под руководством А. В. Арциховского¹ продолжались раскопки на Неревском конце. В 1953 г. найдены еще 23 берестяные грамоты; из них 7 — из слоя XI в. Уникальны находки двух деревянных резных колонн, относящихся, повидимому, к началу XI в. Впервые в процессе раскопок древнерусского города найден монетный клад.

На Перыни, под Новгородом, В. В. Седов продолжил раскопки древнего святилища Перуна. Обнаружены остатки кольцеобразного рва, аналогичного раскопанному ранее, полуземлянки XII—XV вв., остатки двух больших кострищ и мостовой, идущей от р. Веряжки к центру святилища.

В Псковской области Г. П. Гроздилов (Псковский областной краеведческий музей и Государственный Эрмитаж) обследовал археологические памятники в Старом Изборске и его окрестностях. Раскоп, заложенный близ земляного вала, позволил установить, что славянское поселение на месте городища возникло не позднее VIII в., и жизнь на нем не прекращалась до сооружения каменной крепости. Обилие остатков глиняной посуды в разведочном шурфе на «Славянском поле» близ городища свидетельствует о заселении этого участка города в X—XII вв. Раскоп, заложенный за земляным валом, позволил выявить остатки сооружений X—XII вв., связанных с обработкой железной руды. В урочище Скудельня раскопан жальник, в котором оказалось 6 погребений XVI—XVII вв. В жальнике у дер. Малы вскрыты одиночные погребения XI—XII вв. Близ дер. Лезги вскрыто 8 курганов различной формы — удлинённый, длинный, круглые. Обследованы городища у деревень Лезги и Захново, Метковицкое селище у дер. Лезги и дюнная неолитическая стоянка близ дер. Гверстонь.

Н. Н. Гурина продолжала исследования предыдущих лет на территории Ленинградской области. Были начаты раскопки раннеолитической стоянки Усть-Рыбежка в Пашском районе. Судя по насыщенности культурного слоя, стоянка существовала длительное время. Территория поселения была затоплена (вероятно, при поднятии воды Ладожского озера), но задолго до II в. н. э. вода спала, так как ко II в. н. э. относятся расположенные здесь курганы, раскопанные еще Бранденбургом.

Я. В. Станкевич в 1953 г. вела раскопки близ деревень Жабино и Курово (Усвятский и Ленинский районы Великолукской области). На «болотном» городище у дер. Жабино открыты остатки наземных деревянных жилищ с очагами-каменками, развал железоплавильного горна и деревянная оборонительная стена в валу. На близлежащем селище вскрыто наземное жилище столбовой конструкции с очагом-каменкой и хозяйственными пристройками. На городище VI—VIII вв. близ дер. Курово обнаружены остатки наземных жилищ с каменными вымостками и очагами из камня и глины. В близлежащих курганах исследованы трупосожжения в насыпи, с бедным инвентарем, аналогичным инвентарю поселения.

Ф. Д. Гуревич провела разведки в южной части Себежского района Великолукской области (берега озер Себежского, Белого, Мотыж, Ороно, Вятитерского, Ормея, Печерицы и частично Освено), где выявлены 9 горо-

¹ А. В. Арциховский. Раскопки 1953 г. в Новгороде. «Вопросы истории», 1954, № 3.

дищ, 9 селищ и 17 курганных могильников. Небольшие раскопки производились ею на городищах Жуки и Ульяновщина. Вскрыты 3 кургана у дер. Шакелево. Памятники относятся к I тысячелетию н. э.—началу II тысячелетия н. э.

В Смоленской области Д. А. Авдусин (Смоленский областной краеведческий музей и МГУ) вел исследования на двух городищах. На Центральном Гнездовском раскопки и исследования подтвердили предположение, что на территории этого городища в IX в.—начале X в. были расположены курганы лесной группы. Выяснилось, что во время польской оккупации Смоленска в XVII в. мыс городища был спланирован: на нем построено какое-то здание и прокопан ров, а земля из курганных насыпей использовалась для возведения вала. Ольшанское городище являлось, очевидно, укрепленным лагерем времени героической обороны Смоленска в 1609—1611 гг.; в период IX—X вв. оно заселено не было. Таким образом, оба эти городища не могли быть местом древнего Смоленска.

В Смоленской же области Е. А. Шмидт (Смоленский научно-исследовательский краеведческий институт) продолжил раскопки курганной группы у дер. Харлапово, где за два года работ вскрыто 75 курганов. Обряд погребения и инвентарь характерны для круглых славянских курганов XI—XII вв. Кроме этого, обследованы городище на правом берегу р. Каменки с близлежащим селищем и неолитическая стоянка на берегу Днепра. В курганных группах у деревень Коробино, Слобода-Глушица, Мошеёво, Петрополье, Еловцы и Доброселье вскрыто 17 курганов, в которых обнаружены погребения в виде трупоположений и трупосожжений.

А. Я. Брюсовым (ИИМК и ГИМ) на Караваевской стоянке в Чарозерском районе, Вологодской области, вскрыта площадь около 110 кв. м в пониженной и возвышенной частях стоянки; в пониженной — обнаружены остатки обгоревшего дома, много обломков посуды, изделий из камня, кости и дерева, кости животных и рыб. На «стрелке» — у слияния рек Модлоны и Перечной — заложен раскоп, дающий основание предполагать, что культурный слой свайного поселения углубляется далее в торф.

В Шольском районе, Вологодской области, В. В. Гарновский (Череповецкий краеведческий музей) обследовал ряд памятников, главным образом эпохи неолита. Обследованы также Кительская, Яглобойская и Базегская стоянки, курган у дер. Морьево, Городищенское городище, стоянка на берегу Белого озера (Белозерский район).

К. А. Раевский (Артиллерийский исторический музей, г. Ленинград) производил обследование Оружейной палаты Кирилло-Белозерского монастыря в г. Кириллове (Вологодская область). Было заложено два шурфа — с внешней стороны у западной стены палаты и внутри палаты у восточной стены. В результате работ установлено точное местоположение Оружейной палаты, составлен ее план, собрано 45 предметов огнестрельного, холодного и защитного оружия XVII в.

В Калининской области А. Х. Репман (Вышневолоцкий краеведческий музей) продолжал исследования археологических памятников в Вышневолоцком, Удомельском и Есеновичском районах. В основном разведке подверглись раннеславянские памятники. Зафиксировано 96 памятников (курганные группы и отдельные курганы, сопки, городища и т. п.); из их числа 49 открыто впервые. В верхнем течении р. Волчины археологических памятников не обнаружено.

Н. Н. Воронин и П. А. Раппопорт производили работы в г. Владимире в трех пунктах.

П. Д. Степанов (Саратовский педагогический институт и Мордовский научно-исследовательский институт) изучал археологические памятники древней мордвы вдоль р. Пьяны в пределах Горьковской области и Мордовской АССР. Обследованы 4 неолитические стоянки, 3 городища, 5 селищ,

6 могильников, 3 кургана, 1 курганная группа, 5 мест находок вещей, 4 места находок костей мамонта. Обнаруженные памятники относятся ко времени, начиная с неолита и до XVII—XVIII вв. Кроме этого, произведено дополнительное исследование городища Казна-Пандо близ с. Паево, Кадошкинского района, Мордовской АССР. Установлено, что городище двухслойное: ранний слой — эпохи бронзы, поздний — середины и конца I тысячелетия до н. э.

В Наволокском районе, Ивановской области, Е. Н. Ерофеева (Ивановский краеведческий музей) произвела разведку в районе рек Кистеги и Локши от дер. Ильинское до с. Есиплево. Обследованы курганные группы у деревень Ильинское и Фефеловка, открыты 3 новые группы у с. Зимнево. У дер. Фефеловки закончены раскопки кургана, ранее исследованного Нефедовым. По одному кургану вскрыто в первой и третьей группах у дер. Зимнево; в них обнаружены трупосожжения с вещами.

В Рязанской области А. Л. Монгайт исследовал Ижеславльское городище. Кроме раскопок на территории городища, произведены разрезы внутреннего вала северо-западной цитадели и внешнего вала городища. Установлено, что городище и сооружение валов относятся к XII в. Обнаружены остатки наземных и полужемляночных жилищ. При разведке на р. Жраке обследовано Лубянское городище домонгольского времени. На городище Жокино (против с. Поярково) вскрыты остатки жилища, вероятнее всего, бревенчатой избы с глиняной обмазкой. Время существования этого городища — XII—XIII вв.; затем городище, очевидно, было разрушено или Батыем, или во время рязанско-суздальских войн начала XIII в.

На территории Калужской области М. В. Фехнер (ГИМ) вела обследование Калужского, Перемышльского, Лев-Толстовского и Дугнинского районов. Разведками охвачен бассейн р. Оки от г. Перемышля до с. Дугны. Осмотрено 14 славянских городищ и селищ, известных по литературе. Вновь открыто 6 позднеславянских поселений.

В Тульской области С. А. Изюмова (ГИМ и Тульский областной краеведческий музей) продолжала исследование городища V—X вв. н. э. у дер. Щепилово, Ленинского района. Обнаружены остатки хозяйственных сооружений и наземных жилищ.

В Брянской области В. А. Падин (Трубчевский краеведческий музей) обследовал Орельское и Любожичское городища на р. Десне, Ратчинское городище на р. Посори и Кветунский курганный могильник, где были вскрыты 3 кургана XI—XIII вв.; обряд погребения — трупоположение в ямах.

Впервые за последние годы производились археологические работы на территории Тамбовской области. Экспедиция под руководством М. Е. Фосс (ИИМК и ГИМ) раскопала поселения эпохи неолита и бронзы у с. Старое Тарбеево (верховья р. Воронежа, Мичуринский район), а также в местностях Подзорово и Глинище. В результате раскопок выяснились генетические связи племен, населявших бассейн р. Воронежа, с волго-окскими племенами.

М. Р. Полесских (Пензенский областной краеведческий музей) продолжал исследование археологических памятников на территории Пензенской области. Наибольший интерес среди открытых памятников представляют могильники эпохи железа у сел. Селиксы, Кармалейки, Паево.

Костенковская экспедиция в 1953 г. работала под руководством П. И. Борисковского. Основным объектом раскопок являлась палеолитическая стоянка Костенки II (Гремяченский район Воронежской области), где вскрыты остатки наземного жилища, возведенного из костей мамонта, и погребение взрослого человека в специальной пристройке у жилища.

Для выяснения стратиграфии разведочный отряд Костенковской экспедиции под руководством А. Н. Рогачева провел специальные раскопки на большинстве палеолитических поселений Костенок. Выдающимся открытием

можно считать найденное в Покровском логу у с. Костенки; уже за пределами палеолитических поселений, погребение ребенка в возрасте около 10 лет, относящееся к позднему палеолиту. Близ него было обнаружено второе, также палеолитическое погребение.

На Архангельском городище А. Н. Москаленко (Воронежский государственный университет) продолжала работы предыдущих лет¹.

Т. Н. Никольская (Курский областной краеведческий музей и ИИМК) продолжала работы на Шуклинском городище, расположенном на берегу р. Тускарь (Курская область), где вскрыты прямоугольные землянки с глинобитными печами. Добытый материал характеризует культуру племени северян VIII—IX вв. На р. Тускарь вскрыт также большой курган с трупосожжением, аналогичный боршевским. Разведывательные раскопки были произведены на городище «Лысая гора» (IX—X вв. н. э.).

На территории Орловской области (Урицкий и Новосильский районы) Т. Н. Никольской продолжены раскопки селища у дер. Лебедка на р. Цон. Кроме материала роменского типа, обнаружен богатый инвентарь XI—XIII вв. Близ селища раскопаны 3 кургана с трупосожжением, повидимому, VIII—IX вв. Были также произведены разведки на городище Воротынцево на р. Зуше (первые века нашей эры) и раскопан большой курган с трупосожжением. В одном кургане наряду с грубыми лепными сосудами найдена черная лощеная керамика.

К. В. Сальников руководил работами отрядов экспедиции Челябинского областного краеведческого музея и работами Чебаркульского отряда. Последний произвел разведки в пределах Челябинской области на Багарякских Дальнем и Ближнем городищах (вторая половина I тысячелетия до н. э.), на Колпаковском селище и городище (того же времени), на позднем Верхне-Колпаковском селище, на Межевском селище (начало I тысячелетия до н. э.). Обследованы также городище скифо-сарматского времени на горе Весек и два Зотинских городища.

Кусинско-Саткинским отрядом экспедиции (руководитель В. П. Бирюков) выявлен ряд пещер на Урале в районе Златоуста. Собран материал очень раннего времени (возможно, палеолита).

Синарским отрядом экспедиции (руководитель Н. П. Кипарисова) обследованы берега р. Синары (в пределах Багарякского и Каслинского районов Челябинской области), берега Синарского и Ишкульского озера, течение р. Щербаковки до границ Свердловской области. Осмотрен ряд памятников эпохи бронзы (Тамаринская стоянка, стоянки у Большого ручья, на озере Черкаскуль), скифо-сарматские городища у с. Усть-Караболки и на Иткульском озере, двуслойное Юшковское селище эпохи железа. Помимо этого, зарегистрированы 11 курганов, 2 пещеры, плотина и башкирское кладбище.

Кроме разведочных работ, Н. П. Кипарисовой производились раскопки Чебаркульской стоянки.

А. И. Россадович (Магнитогорский краеведческий музей) завершила исследование Агаповского могильника близ Магнитогорска. За два года работ вскрыты 24 погребения в 5 курганах. Почти все погребения, за исключением четырех поздних, относятся к алакульской стадии андроновской культуры. Основной обряд погребения — трупоположение, но встречаются и трупосожжения.

Разведочные работы в Чкаловской области производились под руководством Н. П. Кипарисовой (Чкаловский областной краеведческий музей). Разведками охвачены Чкаловский сельский район, течение рр. Бузулука и Самары. Обнаружено много курганов, камней с надписями, древнее

¹ Городище находится на территории Гремяченского района Воронежской области.

башкирское кладбище, остатки большого могильника XIII—XIV вв. (между сс. Елховка и Журавлевка), два андроновских погребения (на хут. Дубовом) и т. д.

1953 г. был последним годом работ Камской археологической экспедиции (строительство Камской ГЭС) Молотовского государственного университета. Как обычно, исследования велись несколькими отрядами под общим руководством О. Н. Бадера. Отрядом О. Н. Бадера произведено изучение ряда поселений, датирующихся в основном II тысячелетием до н. э.: стоянка «Боровое озеро III», поселения «Выстелишна» у Малого Борового озера, стоянки Камский Бор, Нижне-Раздорная и др. На некоторых из них вскрыты остатки жилищ (длинные и четырехугольные полуземлянки). Часть исследованных памятников относится к I тысячелетию н. э. (в основном — к ломоватовской культуре).

Верхне-Камский отряд экспедиции под руководством В. А. Оборина производил работы в Добрянском, Чермозском и Ворошиловском районах Молотовской области. Изучены памятники позднего железного века в связи с проблемой этногенеза коми-пермяков. Исследованные памятники (Лаврятское и Кыласово городища, Баяновское селище и могильник) относятся к родановской культуре IX—XIV вв. Продолжались также раскопки Орла-Городка, где выявлено несколько жилых и производственных строений (кузница). В числе собранного материала, очень обильного, — предметы быта, изделия из железа, полихромные изразцы.

Отряд В. Ф. Генинга вел раскопки могильника у дер. Деменки (Пермско-Ильинский район Молотовской области). Вскрыты 142 погребения, в большинстве разграбленные. Датируется могильник периодом с конца V в. до начала X в. н. э.

Отряд, руководимый З. П. Соколовой, производил раскопки стоянки эпохи бронзы Кама-Жулановская II с полуземляночным жилищем четырехугольной формы. Обследованы 4 стоянки (одна мезолитическая, две — эпохи бронзы, одна — энеолита или начала бронзы).

Б. Х. Кадиков в составе той же экспедиции обследовал территорию предполагаемого затопления в связи с сооружением Воткинской ГЭС по обоим берегам р. Камы, на участке дер. Подземляная — с. Частые — с. Елово. Открыто 11 разновременных археологических памятников.

Отряды А. В. Кокорева и В. А. Могильникова обследовали течение р. Камы между сс. Елово и Сайгатка. Выявлены памятники бронзового и железного веков.

Отряд Камской экспедиции (руководитель А. М. Ширинкина) занимался археологической разведкой на берегу р. Камы от г. Оханска до дер. Бакланово. В результате работ открыты 2 городища, селище и местонахождение кремневых орудий.

Н. Ф. Калинин (Казанский филиал Академии наук СССР) на территории кремля г. Казани в двух раскопах, заложенных в северо-западной части, вскрыты 4 культурных наслоения — три русских и одно татарского времени XV—XVI вв. В слое XVI—XVII вв. обнаружены остатки трех деревянных построек из бревен и тесаных досок. В слое татарского времени открыты части массивных сооружений, возможно, относящихся к внутренней ограде ханского двора и к дозорной башне первой половины XVI в. Найдено много казанско-татарских вещей.

М. С. Акимов (Институт антропологии МГУ) производила раскопки поздних могильников на территории Мордовской и Марийской АССР с целью изучения антропологического материала. В Марийской АССР раскапывался могильник XVI—XVII вв. у дер. М. Сундырь, Горно-Марийского района. Вскрыта 241 могила. В Мордовской АССР на мокшанском кладбище XVI—XVII вв. у дер. Черемисы, Рыбкинского района,

вскрыто 9 могил и 29 обнаружено на могильнике XII—XIII вв. у с. Мордовские Парки, Краснослободского района.

Работами Южноуральской экспедиции Свердловского государственного университета руководил К. В. Сальников. Экспедиция исследовала отдельные районы Южной Башкирии и Чкаловской области. Отряд под руководством К. В. Сальникова вел раскопки в Макаровском районе Башкирской АССР, где раскапывались селище Урняк с типичными абашевскими вещами и керамикой, селище Куш-Тау западное (имеет аналогии в стоянках Курман-Тау и Нижнее-Демское), Урнякский могильник (исследованы 2 погребения культуры Курман-Тау), 5 курганов с сармато-аланскими погребениями II—IV вв. н. э. у с. Салихово. В результате раскопок намечается возможность установить генетическую связь между культурами Курман-Тау и абашевской. Разведками открыто много поселений эпохи средней бронзы.

Нугушский отряд экспедиции (руководитель В. П. Викторов) вел разведку в Воскресенском, Мелеузовском и Юмагузинском районах Башкирской АССР. Открыто 18 селищ, 2 городища, 40 курганов. Большинство памятников (10) относится к эпохе бронзы, 2 селища датируются эпохой железа, 6 памятников — поздних.

Больше-Икский отряд (руководитель В. И. Фомина) производил исследования в Юмагузинском, Мелеузовском, Куюргазинском, Кугарчинском и Зианчуринском районах Башкирской АССР и в Саракташском районе Чкаловской области. Зарегистрировано 7 селищ, 15 курганов, 6 могил, без насыпей.

Г. В. Юсупов (Башкирский филиал Академии наук СССР) занимался разведкой археологических памятников в Гафурийском районе Башкирской АССР у сс. Курмантаево и Михайловка. Обследованы стоянки эпохи бронзы и городища Курман-Тау, Михайловское, Касьяновское, Курмантаевское.

На территории Северо-Осетинской АССР С. С. Куссаевой (Северо-Осетинский научно-исследовательский институт) были предприняты раскопки аланского катакомбного могильника и поселения домонгольского времени, обнаруженных при земляных работах близ станции Змейской.

В Черкесской автономной области Т. М. Минаева (Черкесский областной музей краеведения) вела раскопки аланского могильника Байтал-Чапкан (Хабезский район); вскрыто 19 могил.

В той же области Е. П. Алексеева (Черкесский научно-исследовательский институт) продолжила раскопки в балке Тамгацик, в ауле Жако и его окрестностях. На Тамгацикском могильнике вскрыты две могилы под известковыми плитами, а на среднем бугре Тамгацикского поселения — четырехугольное каменное здание. Оба памятника — позднесарматские и раннеаланские IV в.—начала V в. н. э. В могильнике на северной окраине аула Жако исследовано 5 могил, принадлежащих аланам IX—XI вв. На школьном дворе аула раскопаны два кургана, из которых большой курган относится к эпохе бронзы¹.

Н. М. Егоров произвел обследование открытого при строительных работах могильника кобанской культуры (VIII в. до н. э.) на р. Эшкаконе (Ставропольский край). Кроме этого, у станции Горячеводской велись наблюдения на разрушающемся Госпитальном (Больничном) кургане, причем установлено, что, кроме центрального погребения, были и другие могилы. Найдены два горшка, относящиеся к эпохе бронзы.

В. А. Кузнецов во главе небольшой студенческой экспедиции Пятигорского педагогического института обследовал ряд памятников в Зеленчук-

¹ Е. П. Алексеева. Археологические раскопки у аула Жако в Черкесии в 1952—1953 гг., КСИИМК, вып. 60, 1955.

ском районе Ставропольского края: Нижне-Архызское городище VIII—XIV вв., некрополь на р. Кривой, городище Шпиль на правом берегу р. Кяфра и др. Открыто поселение в ущелье р. Б. Зеленчука.

Как обычно, многие экспедиции работали на территории Краснодарского края и Крымской области.

Таманская экспедиция под руководством Б. А. Рыбакова (ИИМК, ГИМ и МГУ) продолжала исследование монументальной сырцово-оборонительной стены Таманского городища (Тмутаракань). Определено время ее постройки — X в. Под стеной открыты славянские жилища IX—X вв. В центральной части городища вскрыты остатки небольшого сооружения, повидимому, храма. Из найденных предметов интересны каменные и глиняные плиты с изображением геометрических фигур («вавилонны»). Во время работ на городище обнаружены два погребения, относящиеся к античному времени VI—V вв. до н. э. Одно из них — скифо-меотское.

Синдский отряд Таманской экспедиции (руководитель В. Д. Блаватский) продолжал начатые в 1950 г. работы по изучению хоры азиатской части Боспора в юго-западной части Таманского полуострова. Раскопки производились на 4 поселениях и 2 некрополях.

Продолжала работы под руководством М. М. Кобылиной Фанагорийская экспедиция (ИИМК и ГМИИ). В юго-восточной части городища Фанагории (Темрюкский район Краснодарского края) вскрыты основание стены синдского типа, остатки обжигательных печей, в которых обжигались большие сосуды, черепица, терракоты и т. д.

Н. В. Анфимов (Краснодарский краеведческий музей) в 1952—1953 гг. производил работы по изучению памятников меото-сарматской культуры между с. Успенским и хут. Кубанским I. Осмотрено 5 городищ, обнаружен грунтовой могильник. На территории Восточной Синдики проведено обследование террасы р. Анапки.

А. А. Формозов (ИИМК и Бахчисарайский музей) произвел раскопки позднемустьерской пещерной стоянки Староселье близ Бахчисарая (Крымская область), причем было вскрыто погребение ребенка¹.

В 1953 г. В. Д. Блаватский (ИИМК, МГУ, ГМИИ) возобновил раскопки древнего Пантикапея. Исследовалась центральная часть города. В результате раскопок на Восточно-Эспланадном раскопе выявлено 14 культурных напластований.

Боспорская экспедиция под руководством В. Ф. Гайдукевича (ИИМК и Керченский музей), как обычно, производила работы на территории Керченского полуострова. Раскопки велись в 5 пунктах: на селище эпохи бронзы в районе д. Каменки и пос. Опасное, на античных городищах Порфмий и Илурат, на некрополе IV—III вв. до н. э. у пос. Войкова и на античной сельскохозяйственной усадьбе в районе Карантинной слободки. Кроме этого, велись разведки в восточной части полуострова.

В Восточном Крыму И. Т. Кругликова производила раскопки и разведку сельских поселений на побережье Азовского моря и в глубинной части Керченского полуострова. Обнаружено 12 новых поселений с IV в. до н. э. по III—IV вв. н. э.

С. Ф. Стржелецкий (Херсонесский музей) продолжал раскопки Уч-Башского поселения X—VIII вв. до н. э. и близлежащего могильника с погребениями в каменных ящиках. Разведками в Байдарской долине открыты

¹ Новая находка мустьерского человека в СССР. СЭ, 1954, № 1 (А. А. Формозов. Стоянка Староселье близ Бахчисарая — место находки ископаемого человека; М. М. Герасимов. Условия находки костей ребенка в пещере Староселье. Извлечение, консервация и реставрация их; Я. Я. Рогинский. Морфологические особенности черепа ребенка из позднемустьерского слоя пещеры Староселье. Заключение по находке ископаемого человека в пещерной стоянке Староселье близ Бахчисарая).

одно поселение X—V вв. до н. э. и восемь, относящихся к античной эпохе. Новые памятники эпохи бронзы, раннего железа и античной обнаружены также в районе г. Севастополя и в Куйбышевском районе.

На Гераклейском полуострове С. Ф. Стржелецким производились раскопки сельскохозяйственной усадьбы клера № 1, открытого в 1950 г.

В. П. Бабенчиков (Крымский филиал Академии наук СССР) вел раскопки могильников на возвышенности Тепсень близ с. Планерского, продолжал раскопки храмового комплекса на этой же возвышенности и гончарных печей у Чобан-Кале близ с. Морское. Разведками был охвачен также район г. Судака.

Е. В. Веймарн (Бахчисарайская историко-археологическая станция Крымского филиала Академии наук СССР) провел небольшие исследования, связанные со строительными работами в Юго-Западном Крыму. Исследовались могильники (курганные и грунтовые) и поселения по течению рр. Альмы и Качи, в основном относящиеся к первым векам нашей эры.

О. И. Домбровский (Государственный Херсонесский музей) вел раскопки внутри Загородного крестового храма в Херсонесе и обследовал подземелье под зданием. Мозаика (открытая в 1902—1903 гг. К. К. Косцюшко-Валюжиничем) была перенесена в музей. Установлено, что под этим большим храмом, относящимся к X в. н. э., в конце V в.—начале VI в. н. э. существовал другой храм, меньшего размера.

М. М. Худяк (Государственный Эрмитаж) продолжал раскопки Нимфея. Работы, как и в предыдущие годы, были сосредоточены на раскопе С, где вскрывались остатки оборонительной стены и открыто еще одно общественное здание на самой высокой части городища (очевидно, акрополь).

Г. Д. Белов (Государственный Эрмитаж) продолжал археологические исследования на северном берегу Херсонеса. Закончены раскопки XIX квартала. Раскапывалась также насыпь под средним нефом базилики, где вскрыты строительные остатки эллинистического периода. Под нефами базилики с юго-восточной стороны оказалось четыре дома III—II вв. до н. э.

А. А. Щепинский (Крымский филиал Академии наук СССР и Крымский отдел ВГО) обследовал долину р. Салгира. Отмечены остатки более 70 памятников — стоянок, поселений, могильников от эпохи неолита до средневековья. Наиболее интересны самые ранние памятники, — эпохи неолита или, может быть, даже мезолита, — на перевале Ангар—Богаз и поселения IV—V вв. н. э. у сс. Белоглинка и Искра.

В Томской области В. И. Матющенко (Музей истории материальной культуры Томского государственного университета) провел археологическую разведку у поселка Самусь и у дер. Кижирова и небольшие раскопки в 3 пунктах.

Р. А. Ураев (Томский областной краеведческий музей) обследовал археологические памятники (могильники, древние кладбища, поселения, селища) побережья среднего Чулыма в пределах Томской области — от дер. Рубежа (граница области) до дер. Каштакова (Зырянский район).

В Кемеровской области У. Э. Эрдниев (Сталинский педагогический институт и Краеведческий музей) продолжал исследование двуслойного городища Маяк близ г. Сталинска. Нижний слой городища относится к эпохе бронзы, верхний — к эпохе железа. Установлено, что вал городища соответственно сооружался дважды. Произведены также разведки по Кузнецкому сельскому району, в результате которых обнаружено 12 курганов и селищ в районе с. Есаулки и 2 селища у дер. Бедарево (XIII—XV вв. н. э.).

М. Г. Елькин с группой школьников (средняя школа № 1 г. Прокопьевска) произвел разведку в Гурьевском районе Кемеровской области. У с. Ур-Бедари обнаружен ряд археологических памятников —

Дегтяревская неолитическая стоянка, курганы. Исследованы 6 курганов, в которых встречены погребения трех типов: 1) в бересте при одном верхнем деревянном настиле (3 кургана); 2) под двойным деревянным настилом (2 кургана); 3) в массивных деревянных «саркофагах» под двойным деревянным настилом (1 курган). Погребения первого типа — самые древние, третьего — не ранее XIII в. н. э.

На территории Тувинской автономной области С. И. Вайнштейн (Тувинский областной краеведческий музей) вскрыл разграбленное погребение II тысячелетия до н. э. на р. Уюк Пий-Хемского района и 4 кургана в долине Хендере Улуг-Хемского района. В первом кургане обнаружено погребение таштыкского времени в колоде, во втором — мужское погребение с конем (VII—XII вв. н. э.), в третьем — погребение ребенка в каменном ящике (карасукское время).

На территории Иркутской области продолжал вести археологические работы П. П. Хороших (Иркутский областной краеведческий музей). На правом берегу р. Ангары в районе строительства Иркутской ГЭС, около дер. Щукиной, раскопаны три неолитических погребения. В пещерах острова Ольхон (оз. Байкал) и его окрестностях (в Байдинских и Шаманской пещерах, на р. Кучелге, в районе пролива «Ольхонские ворота» и др.) обнаружены памятники железного века, принадлежащие главным образом курыканам (предкам якутов), обитавшим в пределах Прибайкалья в VI—X вв. н. э. Кроме этого, П. П. Хороших обследованы древние рисунки, высеченные на скалах горы Сахюрте и Орсо на острове Ольхоне.

В Хакаской автономной области А. Н. Липский (Хакаский областной краеведческий музей) производил раскопки разрушающихся при строительных работах могильников афанасьевского, андроновского, карасукского и тагарского времени в районе железнодорожного разъезда и поселка Бельтыры, на землях колхоза им. Ворошилова и др.

В 1953 г. началось систематическое изучение археологических памятников Приморья. Исследованиями А. П. Окладникова в основном охвачены его южная и центральная части. Впервые обнаружены следы древнейшего заселения Приморья человеком, относящиеся ко времени позднего палеолита или раннего неолита, намечены связи древнейших культур Приморья с одновременными культурами Монголии (главным образом восточной).

На Чукотском полуострове В. В. Нарышкин (Чукотский краеведческий музей) обследовал два поселения в устье р. Кончалана. Раскопана одна из двух полуземлянок, следы которых были заметны на поверхности.

Полученный при исследованиях в 1953 г. обширный археологический материал обогащает нашу науку и вносит много нового для разрешения ряда проблем истории СССР.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВГО	— Всесоюзное географическое общество
ВДИ	— Вестник древней истории
ГИМ	— Государственный исторический музей
ГМИИ	— Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина
ГМЭ	— Государственный музей этнографии (Ленинград)
ЖМНП	— Журнал Министерства народного просвещения
ЗАН	— Записки Академии наук
ЗВРАО	— Записки Восточного отдела Русского археологического общества
ЗКВ	— Записки Коллегии востоковедов
ЗОРСА	— Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества
ЗУОЛЕ	— Записки Уральского общества любителей естествознания
ИГАИМК	— Известия Государственной академии истории материальной культуры
ИИИК	— Институт истории материальной культуры Академии наук СССР
ИРАИМК	— Известия Российской академии истории материальной культуры
ИЭ	— Институт этнографии Академии наук СССР
ИЯМ	— Институт языка, литературы и истории Киргизского филиала Академии наук СССР
КСИИМК	— Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры
КСИЭ	— Краткие сообщения Института этнографии
ЛГУ	— Ленинградский государственный университет им. А. А. Жданова
МАК	— Материалы по археологии Кавказа
МАР	— Материалы по археологии России
МАЭ	— Музей антропологии и этнографии
МГУ	— Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР
МИТТ	— Материалы по истории Туркмении и туркмен. Труды Института востоковедения Академии наук СССР. М., 1939
ОАК	— Отчеты Археологической комиссии
ПТКЛА	— Протоколы Туркестанского кружка любителей археологии
СА	— Советская археология
САГУ	— Среднеазиатский государственный университет
САИИ	— Среднеазиатский индустриальный институт
СТАЭ (ТАЭ)	— Согдийско-Таджикская археологическая экспедиция
СЭ	— Советская этнография
ТАКЭ	— Термезская археологическая комплексная экспедиция
ТВОРА	— Труды Восточного отдела Русского археологического общества
ТОВЭ	— Труды отдела Востока Государственного Эрмитажа
ТОРГО	— Туркестанский отдел Русского географического общества
ЮТАКЭ	— Южнотуркменистанская археологическая комплексная экспедиция
BGA	— Bibliotheca Geographorum Arabicorum
EI	— Encyclopedia of Islam
WZKM	— Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes
SBAW	— Sitzungsberichte der Academie der Wissenschaften in Wien
SPAW	— Sitzungsberichte der Preussischen Academie der Wissenschaften

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	3
-----------------------	---

I. СТАТЬИ И ДОКЛАДЫ

Памяти Александра Юрьевича Якубовского	5
<i>М. П. Грязнов.</i> Северный Казахстан в эпоху ранних кочевников	8
<i>О. Г. Большаков.</i> Заметки по исторической топографии долины Зеравшана в IX—X вв.	17
<i>А. М. Мандельштам.</i> Отрывок из «Послания Фатху б. Хакану» ал-Джахиза (К истории культуры Средней Азии IX в.).	24
<i>Н. Н. Негматов.</i> К вопросу об этнической принадлежности населения Усрушаны	29
<i>Ю. А. Заднепровский.</i> Об этническом составе населения древней Ферганы	39
<i>В. В. Гинзбург.</i> Антропологические материалы к этногенезу таджиков	45
<i>М. Э. Воронец.</i> Каменное изображение змей из кишлака Сох Ферганской области.	48
<i>А. М. Беленицкий.</i> О некоторых сюжетах пянджикентской живописи	56
<i>Б. Я. Ставиский.</i> О двух памятниках согдийского изобразительного искусства (Всадник с мугского щита и конный воин из объекта VI древнего Пянджикента).	63
<i>И. Б. Бентович.</i> Плетеные изделия из раскопок на горе Муг	65
<i>Г. А. Пугаченкова.</i> Архитектурные памятники в селении Астана-баба (Из работ Южнотуркменистанской археологической комплексной экспедиции 1948 г.)	70
<i>А. Н. Бернштам.</i> К происхождению мавзолея Бабаджи Хатун	86
<i>В. Л. Воронина.</i> Резные колонны мечети Бокбонли в Хиве	96
<i>О. И. Смирнова.</i> Неизданный фельс из раскопок на городище древнего Пянджикента	103
<i>Е. А. Давидович.</i> Владетели Насрабада (По нумизматическим данным)	107
<i>Б. А. Литвинский.</i> Северная надпись в Варухском ущелье (Опыт исторического исследования по данным нумизматики)	114

II. ХРОНИКА

Н. К. Лисицына. Археологические исследования в РСФСР в 1953 г.	120
Список сокращений	131

Утверждено к печати Институтом истории материальной культуры Академии наук СР

*

Редактор издательства М. Г. Воробьева

Технический редактор Т. А. Землякова

РИСО АН СССР № 114—65Р. Т-01614. Издат. № 1292. Тип. заказ № 329. Подп. к п 20/1 1956 г.
 Формат бум. 70 × 108¹/₁₆. Печ. л. 11,30 + 3 вкл. Уч.-издат. 11,4 (11,0 + 0,4 вкл.). раж 1600.
 Цена 6 р. 75 к.

1-я тип. Издательства Академии Наук СССР, Ленинград, В. О., 9 линия, д.

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
43	18 сл.	Ак-тым	Ак-там
123	25 сл.	Караваяевской	Караванховской
125	8 сл.	Щуклинском	Шуклинском

Краткие сообщения ИИМК, вып. 61